

Б. С. РУСАНОВ

*Повесть о Бориске,
его друге Сафи
и первом
колымском золоте*

ЗОЛОТО ВО ЛЬДАХ

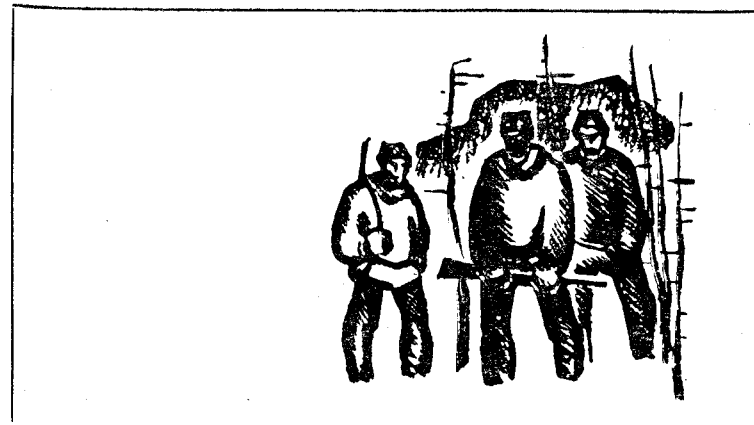
Б. С. РУСАНОВ

Повесть о Бориске,
его друге Сафи
и первом колымском
золоте

Александровичу
Андрею Ивановичу -
активному исследователю
темной истории золотых
колымских воинов
совершающих
Михаилу

Магданское
книжное издательство
1971

1/VI-7/2. Часы

ТРАГЕДИЯ НА ЛЕНЕ

Прошел месяц с тех пор, как забастовка рабочих охватила все прииски Ленского золотопромышленного товарищества. Администрация во главе с заместителем управляющего «Лензото» Теппаном сначала уговаривала шахтеров приступить к работе, а с приездом ротмистра Треценкова стала на путь устрашения и репрессий против забастовщиков. В ночное время в рабочих казармах жандармы разыскивали и арестовывали активистов забастовки. Рабочие были возмущены. По приискам прокатилась волна митингов. Было решено идти всем к прокурору с требованием освободить выборных.

17 апреля 1912 года колонны рабочих направились на Надеждинский прииск, где находился прокурор. Впереди шел выборный Иван Попов с заявлением. На Надеждинском прииске поперек дороги была выстроена рота сол-

дат. За солдатами стояли Трещенков и прокурор Преображенский. Дорога была узкая, рабочие шли по четыре в ряд.

Увидев солдат, передние ряды остановились, но задние, не понимая причины остановки, напирали. Расстояние между солдатами и колонной постепенно сокращалось. Попов размахивал заявлением, но Трещенков скомандовал стрелять. Раздались залпы, а потом беспорядочная пальба. Сначала все думали, что стреляют холостыми патронами, но, увидев вокруг убитых и раненых, бросались на землю, а задние ряды разбегались.

Весть о расстреле безоружной толпы молниеносно разнеслась по приискам.

Страшную картину являло место зверской расправы. Большое поле было покрыто трупами и ранеными. Раненых уносили и уводили в больницу. Со всех сторон на Надеждинский бежали женщины и дети. Среди убитых жены находили своих мужей, дети — отцов. Они вскрикивали, кидались как безумные на колени и отчаянно причитали. Стражники отгоняли их, складывали трупы на розвальни и увозили в ледник больницы. В день похоронов жертв ленская тайга была в глубоком трауре.

В приисковых казармах царило возмущение. Рабочие, пережив ужасы кровавой расправы, с негодованием отвергали всякую мысль о возобновлении работы в шахтах. Стихийно возникали митинги. Жандармы продолжали розыски и аресты руководителей забастовки. Большинство рабочих решило дожидаться навигации и первыми пароходами уезжать отсюда.

В это тревожное время к одной из казарм Феодосиевского прииска подошел забойщик Бари Шафигуллин. Рабочие звали его Бориской. Умные внимательные карие глаза Бари смотрели из-под шапки черных волос с чуть-чуть лукавым прищуром, а его крупная, широкоплечая

фигура привлекала к себе внимание недюжинной силой.

Энергичным движением Бориска открыл дверь казармы. Обитатели ее шумно обсуждали события, плакали женщины, кричали дети. Пройдя к своей койке, он сел, подпер кулаком несколько выступающий вперед подбородок и задумался.

Добыча золота притягивала в витимскую тайгу огромные массы людей. «Лензото», как гигантский спрут, выжимало из них все жизненные соки. Рабочие жили в беспросветной нужде, и, хотя забастовка кончилась трагически, терпеть такую жизнь дальше было нельзя.

«Надо уходить отсюда, — решил Бориска. — Уходить немедленно, пока не раскисли дороги. Но куда? Нужно постараться выйти на Лену, в село Витим. А вот дальше два пути: назад в Сибирь, в жилые места, или на восток, вниз по Лене. В жилых местах доли нету. Вот если на восток уехать, в тайгу, подальше от теппанов... Найти там золото, собрать старательскую вольницу и работать без притеснений, с охоткой, в полную силу. Хорошо!»

Ближе к вечеру навестить Бориску пришел его друг Сафи Гайфуллин. Он работал на конном дворе Андреевского прииска.

Ему, как и Бориске, было лет тридцать пять.

— Что думаешь делать? — спросил Бориска.

— Парохода ждать. Потом домой в Казань пробираться буду.

— Снова батраком у бая хочешь работать?

— Плотничать, может, устроюсь, — произнес Сафи, потупив голубые глаза, отороченные белесыми ресницами.

— Плотников там и без тебя хватает. Поедем на восток, заберемся в тайгу и будем золото искать.

Сафийка колебался.

— Трудно золото найти. Очень трудно. Тайга велика. Где будешь искать?

— Конечно трудно. Здесь кругом все искожено. А туда мало кто заходил — там и искать будем.

Раненный в руку рабочий, лежавший на соседних нарах, приподнял голову.

— Правильно, паря, говоришь! На восток нужно идти. Есть там золото. Это я точно знаю. Слушай, что скажу тебе, — привстал он. — Были мы с дружкой на Олекме. Вышли на Лену, а одномыслия, слышь, у нас не было. Дружок мой. Федька Савельев, на восток меня тянет, вниз по Лене золото искать завлекает. А я сюда, в Бодайбо, на насиженные места надумал ехать. Вот мы и разошлись. Три года Федька пропадал, а в прошлом году прислал мне, слышь, письмо и отписывает, будто нашел хорошее золото. К себе зовет. Хотел я к нему податься, да, вишь, как получилось: пулей проды пронзили, будь они трижды прокляты, окаянные! — Он осторожно потрогал больную руку и продолжал:

— А место, дружок отписывает отменное. Ты запомни-ка, где оно, да и валяй к нему. Может, и вправду подфартит. Смотришь, старательскую вольницу там соберете. А этих... эх-спло-ата-торов там не слышать. Свобода — мать честная! И фарт в руках.

Так вот, паря, слушай: за Якутском то место на восток в высоких горах лежит. Оймяконь называется. Как к тому месту пройти, про то каждый из тамошного народа знает. И есть за Оймяконью речка Урях. Пишет, где ни копни, везде золото, а приисков нету и народ кругом живет к золоту не способный...

Совсем было решил я к нему идти, да дело не так обернулось... Дойдешь — отпиши, коли что. Может быть, отлежусь — тоже приду. Вместе дело зачинать будем.

Пожилой рабочий, слушавший этот рассказ, вступил в разговор.

— Насчет Оймякони не знаю. Все больше об охотских

приисках толкуют, но и они на востоке. Мое слово такое: коли золото надумал искать, то только туда и подаваться надо. На западе фarta не жди, а в кабалу такую же попадешь. Не от хорошей жизни оттуда народ идет, и, стало быть, нам там делать нечего. На востоке тяжелую долю хлебнешь. Знамо дело: чем глуше тайга, тем сильнее нужда. Только во всю жизнь мою старатели не страшились нужды, а все дальше и дальше на восток пробирались. На Урале золото мыли, когда в мариинской тайге о нем еще слыхом не слыхали. С мариинской тайги в Енисей да на Саяны перекинулись. А там в Баргузин, потом на Лену, а в нынешнее время и Амур-батюшка зазолотил. У старателя золото на подметках: где пройдет, там оно и блесит. Олекминское золото гораздо против ленского на восток выдвинулось, а дальше до окяна нетронутая тайга-матушка стоит. Ждет она нас, и ох, как ждет! Горяхватишь, а и счастье найти там можно. Больше его искать нигде.

— Что верно, то верно! — заметил Бориска и, обернувшись к Сафи, продолжал: — Глаз у нас наметанный — мимо золота не пройдем. А трудностями нас не испугаешь. Нам многого не надо — с куском хлеба дойдем. Пойдем в Оймяконь, ну а если не найдем там ничего, то на Охотский прииск махнем.

— Подумаем еще, время есть, — сказал Сафи

— Нет, задерживаться здесь нельзя. Скоро распутица. Уходить надо завтра. Если идешь со мной, собирай вещи.

— Ладно, пойду с тобой.

Вечером, лежа на нарах, Бориска думал о людях, которых влекло в тайгу манящее слово «золото». Тысячи их устремлялись на прииски с мечтой быстро разбогатеть, но действительность мигом развеивала эти мечты. Люди попадали в каторжные условия, но никакие бедствия не могли сломить веру в старательский фарт.

На смену этим думам пришли видения. Перед Бориской раскинулся обширный прииск с сотнями сизых дымков у старательских ям. Светит солнце, работаете легко, дышитесь свободно, и счастье лежит у людей под ногами.

Но вот вдаль показался грузный человек с выпяченным животом. Он тащит за собой инженера и доказывает, что этот прииск его. Бориска всматривается и узнает в толстяке Теппана. Тот замечает Бориску и грозит ему кулаком. «Ты думал, я не доберусь до вас? — кричит Теппан. — Вот он я. А скоро Трещенков приведет полк солдат. Да-да, целый полк! Всех вас перестреляет, если бунтовать вздумаете. Это мой прииск. Отдайте мне его». Но инженер разводит руками и говорит: «Ничего не могу сделать. Речку застолбили не вы. Этот прииск, Теппан, не ваш». Бориска видит цветущий поселок в тайге, смеющиеся лица, и сам невольно улыбается. А за прииском на горе за высокой стеной стоит город Оймяконь. Бориска любит городскими башнями и вдруг видит, что из ворот выходит полк солдат. Впереди, прямо на него, идет Трещенков и, вытянув вперед руку, кричит: «Полк, пли!»

Бориска открывает глаза и не сразу соображает, что это сон. Ночное небо за окном уже посерело. Пора в путь!

БЕГСТВО С ПРИИСКА

По-весеннему шумела ленская тайга. Могучие сосны шевелили своими зелеными игольчатыми ветвями и раскачивались от порывов теплого южного ветра. Кругом еще лежал снег, но воздух был напоен смолистым ароматом пробуждающихся деревьев. Под лучами солнца снег оседал и сверкал ослепительной белизной. словно бесчисленное множество бриллиантов было разбросано щед-

рой рукой: куда ни взглянешь — на снежной пелене вспыхивают искорки, отливающие всеми цветами радуги. Весело порхали по кустам и деревьям красногрудые снегири. С криком пролетали пестрые кедровки. Энергично долбили кору сухостоя трудолюбивые дятлы. Тайга просыпалась от долгого сна.

Бориска с Сафийкой шли по зимней дороге в Витим. Они часто поднимали головы и полной грудью вдыхали прозрачный и чистый воздух. Иногда оба останавливались, снимали заплечные мешки и отдыхали, присев на валежине. Ленские прииски, стачка, стоны раненых, жандармы и стражники — все это осталось позади и казалось почти нереальным.

Сафийка шел пружинистой походкой, слегка покачиваясь и подгибая колени. Рядом с ним его старый товарищ шагал резкой, твердой поступью, оставляя на снегу почти прямолинейный след.

Солнце клонилось к вершинам гор, видневшимся за долиной реки Витим. Впереди показалось дорожное зимовье. Низкие стены срублены по-таежному, из неопиленных бревен. В пазах торчит мох. Маленькое оконце затянуто куском бязи. Над плоской крышей вьется дымок.

Путники подошли к двери, сколоченной из грубо отесанных плах, смахнули веником снег, налипший к сапогам, и переступили порог жилища. В просторном помещении их встретила обычная полутьма. С двух сторон вдоль стен тянулись длинные нары с набросанным поверх сеном. Посредине стоял дощатый стол, окруженный деревянными лавками. Сильно коптивший масляный светильник тускло освещал поверхность стола. В глубине зимовья топила большая печь, сложенная из камней. На чугунной плите стояла вместительная железная банка с кипятком.

Клубы сизого дыма и пара низко свисали с потолка.

В нос ударило острым запахом чего-то тухлого и вонючего, запершило в горле, застелило слезами глаза. Но все это было привычной обстановкой в любой приисковой казарме, и люди свыклись с ней.

Бориска прищурился и, еще не разглядев обитателей зимовья, громко, с добродушной усмешкой произнес:

— Здравствуйте, добрые люди! Много ли вас? Не надо ли нас?

— Здорово, коль не брешешь,— раздалось в ответ.— Много ли нас или мало, а вы не чурайтесь. Сымайте сумки да раздевайтесь.

— И то дело.

Бориска выбрал на нарах место поудобнее и помог Сафи снять заплечный мешок.

В зимовье находилось несколько приисковых рабочих. Один из них, старик с растрепанной седеющей шевелюрой и всклокоченной бородой, подвинулся с нара и, присев на лавку, стал набивать махоркой самодельную трубку. Привычным движением пальцев он доставал табак из кисета и острым взглядом смотрел на пришельцев.

Пока Бориска отрезал по ломтю хлеба и по куску вареной солонины, Сафи налил в жестяные кружки кипятку. Подсев к столу, они принялись утолять голод.

Старик неимоверно чадил трубкой и по-прежнему внимательно разглядывал путников.

— С приисков ноги уносите? — спросил он.

— Да.

— На котором же работали?

— На Феодосиевском.

— Знаю такой. С вашего прииска меньше народу погибло. А на нашем, на Надеждинском, двести гробов закопали.

— А я так думаю,— сказал молодой рыжий рабочий,— что наши выборные маху дали. На Феодосиевском дина-

митный склад в наших руках был. Пальщиков хватает. Поддали бы бомбами, изничтожили гадов — и вся недолга. Продуентов на год бы хватило.

— А дальше что? — спросил старик.— Оно и раньше бывало: убивали, разрушали, сжигали, а потом усмирители приезжали,— кого вешали, кого на каторгу, а кого снова в шахту. Вот и все. Кабы в жилом месте, там бы нам помог свой брат рабочий. Там бы мы раздули кадило. А тут, в тайге, кто поможет? Видно, время еще не пришло. А придет — за все, сволочи, своей черной кровью расплатятся.

— Куда же теперь путь держите? — спросил Бориска у старика.

— Здесь обночлежились. В тайге поспокойнее. Будем парохода ждать — в Сибирь выбираться. А вы куда?

Бориска рассказал, куда и зачем они идут.

— Ну-ну! — сказал старик.— Стало быть, не измаяла еще тебя тайга. Что ж, поброди по ней, попытай счастья. Может, и вправду, где-нибудь твой фарт лежит. А только я тебе скажу, что костей наших в речках больше валяется, чем золота. И каждый, кто кости свои в тайге складывал, о фарте мечтал. Так-то, паря!

— Фарт, он заманчивый,— задумчиво произнес пожилой рабочий,— сколько народу спит и видит найти богатое золото или поднять в забое крупный самородок. Сколько людей за фартом по тайге бродит, пока голод назад на прииска не выгонит. Бывает, конечно, и подфартит — в день человеком сделаешься. Зашумит тогда слава по тайге. Только редко, очень редко это бывает.

— Редко, да метко. Вот каждый и мечтает,— сказал рыжий рабочий.— У нас на Урале Егор Иванов работал в хозяйской шахте на платиновом прииске. Ужас, какие строгости там были, потому как подъемная платина попадалась. Охранники после шаша каждого обыскивали.

В нос ударило острым запахом чего-то тухлого и вонючего, запершило в горле, застелило слезами глаза. Но все это было привычной обстановкой в любой приисковой казарме, и люди свыклись с ней.

Бориска прищурился и, еще не разглядев обитателей зимовья, громко, с добродушной усмешкой произнес:

— Здравствуйте, добрые люди! Много ли вас? Не надо ли нас?

— Здорово, коль не брешь,— раздалось в ответ.— Много ли нас или мало, а вы не чурайтесь. Сымайте сумки да раздевайтесь.

— И то дело.

Бориска выбрал на нарах место поудобнее и помог Сафи снять заплечный мешок.

В зимовье находилось несколько приисковых рабочих. Один из них, старик с растрепанной седеющей шевелюрой и всклокоченной бородой, поднялся с нар и, присев на лавку, стал набивать махоркой самодельную трубку. Привычным движением пальцев он доставал табак из кисета и острым взглядом смотрел на пришельцев.

Пока Бориска отрезал по ломтю хлеба и по куску вареной солонины, Сафи налил в жестяные кружки кипятку. Подсев к столу, они принялись утолять голод.

Старик неизменно чадил трубкой и по-прежнему внимательно разглядывал путников.

— С приисков ноги уносите? — спросил он.

— Да.

— На котором же работали?

— На Феодосиевском.

— Знаю такой. С вашего прииска меньше народу погибло. А на нашем, на Надеждинском, двести гробов закопали.

— А я так думаю,— сказал молодой рыжий рабочий,— что наши выборные маху дали. На Феодосиевском дина-

митный склад в наших руках был. Пальщиков хватает. Поддали бы бомбами, изничтожили гадов — и вся недолга. Продуктов на год бы хватило.

— А дальше что? — спросил старик.— Оно и раньше бывало: убивали, разрушали, сжигали, а потом усмирители приезжали,— кого вешали, кого на каторгу, а кого снова в шахту. Вот и все. Кабы в жилом месте, там бы нам помог свой брат рабочий. Там бы мы раздули кадило. А тут, в тайге, кто поможет? Видно, время еще не пришло. А придет — за все, сволочи, своей черной кровью расплатятся.

— Куда же теперь путь держите? — спросил Бориска у старика.

— Здесь обночлежились. В тайге поспокойнее. Будем парохода ждать — в Сибирь выбираться. А вы куда?

Бориска рассказал, куда и зачем они идут.

— Ну-ну! — сказал старик.— Стало быть, не измаяла еще тебя тайга. Что ж, поброди по ней, попытай счастья. Может, и вправду, где-нибудь твой фарт лежит. А только я тебе скажу, что костей наших в речках больше валяется, чем золота. И каждый, кто кости свои в тайге складывал, о фарте мечтал. Так-то, паря!

— Фарт, он заманчивой,— задумчиво произнес пожилой рабочий,— сколько народу спит и видит найти богатое золото или поднять в забое крупный самородок. Сколько людей за фартом по тайге бродит, пока голод назад на прииска не выгонит. Бывает, конечно, и подфартит — в день человеком сделаешься. За шумит тогда слава по тайге. Только редко, очень редко это бывает.

— Редко, да метко. Вот каждый и мечтает,— сказал рыжий рабочий.— У нас на Урале Егор Иванов работал в хозяйской шахте на платиновом прииске. Ужас, какие строгости там были, потому как подъемная платина попадалась. Охранники после шабаша каждого обыскивали.

И нашел как-то Егор сразу два самородка. Притулились они один к другому и звякнули у него под киркой. Сунул он самородки в карман, а вынести невозможно. Как тут быть? А, думает, была не была. Подошел к смотрителю, отвел в сторонку и говорит: «У меня в кармане на обоих счастья хватит. Поровну разделим. Помогите вынести». Подумал смотритель. «Ладно,— отвечает,— только должен я тебе бесприменно ногу топором пропороть, так, чтобы кровь лила из нее, как бы при несчастье. Вынесу тебя из шахты, отвезу на вокзал и чтобы духу твоего больше здесь не было». Согласился Егор. Вынесли его на носилках. Кровища льет. Охранники перекрестились, не обыскали. Отвез его смотритель на вокзал. Поделили они самородки — и в разные стороны. И что же вы думаете? Свешали самородок в банке и дали ему из окошечка тысячу рублей. Во как! Сразу хозяйство поднял.

У стола стали собираться обитатели зимовья. Они доставали из карманов широких шаровар кисеты и, закуривая, охотно слушали приискательские рассказы.

— А у меня, паря, у самого было счастье в руках,— промолвил смуглый рабочий с лихо зачесанным чубом. Он зажмурил на секунду глаза от едкого махорочного дыма своей пгарки и продолжал:

— Работал я как-то в хозяйской штольне на Золотой горе и нашел в забое бо-о-ольшой самородок. Приволок его домой и целый день любовался: надо же уродиться такому! Гладкий, чистый, вроде как бы яйцо от какой-то огромной птицы. Только в двух местах по золоту две тонкие жилочки белого шкварца пропущено. Ну, думаю,— фарт в руках. Таперича я разбогатею.

Пошел я на соседний прииск верстах в двадцати, где меня не знали, и прямо в контору. Так, мол, и так, хочу сдать самородок. Прикинул кассир на весы — видит более шести фунтов тянет. Удивился и побежал за хозяином.

Вышел хозяин, толстый такой, в синей поддевке, глазки заплаыли, борода — лопатой. Покрутил самородок, и руки у него от радости задрожали. «Вот что, говорит, паря. Плачу я по рублю за золотник чистого золота. А сколько в твоём самородке золота и сколько пустого шкварца, я не знаю. Нужно бы его разрубить и от шкварца очистить, да жалко. Не часто такие красивые самородки бывают. Рискну общим весом принять. Возьми ты по полтиннику за золотник и бывай здоров». Уставился он на меня, ждет ответа, а глазки его жуликоватые так и бегают.

Вступило в меня в ту пору маленько, потому что досада. Вижу, обмануть хочет. «Нет, говорю, давай руби, а меньше чем по рублю за золотник не отдам». Надулся хозяин, покрутил, покрутил самородок, в стеклышко на него посмотрел и говорит: «Ну ладно, пятьдесят две копейки последняя моя цена». А меня, паря, еще пуще досада разбирает. Выходит, он меня совсем за дурака считает. «Нет, говорю, руби самородок, дешевле не отдам, а шкварца там всего-то две жилочки».

Пожал плечами хозяин, посмотрел на меня этак гневно и приказал рубить. Наставил кассир зубило, тюкнул молотком и расколол самородок на две половины. Подносит их мне, а я гляжу и глазам не верю: внутри один шкварец, а золото, как скорлупа, тонкой корочкой только сверху налегает. Обчистил кассир корочку, навешал четыре золотника и протягивает мне четыре рубля. Схватился я, паря, за волосы, завыл, да делать нечего. Сам упустил свое счастье. И понеслась тогда по Зее-реке весть обо мне. С Золотой горы за утайку самородка выгнали, и подался я на Шилку за новым фартом.

— Выходит, твой фарт мнительный был, а настоящего фарту у тебя не было,— заключил рыжий.

— Оно и с настоящим фартом такое бывает,— вздохнул старик.— В молодые годы старался я в баргузинской

тайге. Людям везло, а наша артель никак не могла подыскать делянку с хорошим золотишком. В какой ключ ни сунемся — все пусто да пусто. Забрались мы в глухую тайгу. Одежка вся в заплатах, на ногах опорки, и харчей нету. Видим, выходить из тайги надо и в другие места подаваться. Говорили, что вверх по Амуру богатое золото обьявилось. Да как пойдешь, когда есть нечего?

Был неподалеку от нас прииск один. Дела там шли плохо. Старатели разбегались, и хозяин приуныл. Вот и надумал наш артельщик Фомичев, царство ему небесное, пыль хозяину прииска в глаза пустить. Пробили мы два шурфа. Взял Фомичев ружье, зарядил патроны вместо дробы золотом и расстрелял золотины по стенкам шурфов да по навалам. Вроде как озолотил их, значит, понарошку. Приехал он на прииск и обьявляет, что богатый ключ нашел — просит отпустить харчей для артели. Хозяин встрепенулся, обещал дать харчей, но попросил показать ему ключ. Фомичев поломался для форсу, но согласился.

Приехали они к нам, схватил хозяин лоток и с ходу к шурфам. «Сам, говорит, опробую. Вы мне не мешайте». Мы стоим в стороне, ухмыляемся. Промыл он из отвала лоток, другой, третий, и все с хорошим золотом. Полез в шурф, накайлил со стенок породы — и снова к ручью. Промыл — опять золотишко неплохое. Начал он тогда насыпаться перед нами мелким бесом. «И провианта, говорит, вам дам, и одежды, и денег — только застолбите вы этот ключ на мое имя». Мы, конечно, ни в какую. Два часа уговаривал. Потом Фомичев махнул рукой и в упор: «Сколько отступного дашь?». Хозяин повеселел, заюлил, заулыбался и спрашивает: «Какая ваша цена?». — «Нас пять человек, так чтобы было по полста рублей на брата». Обрадовался хозяин. «Ладно, говорит, столбите».

Поставили мы шесть столбов, зарыли секреты, получили на прииске деньги и — кто куда.

Веселый смех слушателей всколыхнул зимовье.

Старик откашлялся, закурил и продолжал:

— Решил я на Амур пробираться. Искал товарищей, да не нашел. Нагрузил мешок харчей и тронулся в дорогу один. Иду по почтовому тракту, и шибко беспокою у меня на душе. Знаю, что кордонов гораздо и меня, как беспачпортного, на первом кордоне задержат и вместо беглого в острог отправят. Надо, думаю, стороной от большака пробираться. Подумал так и вскоре вижу, тропка влево идет. Пошел по тропе, на солнышко поглядываю и вижу, что тропа правильно меня ведет на юг. Верно, не раз наш брат по ней сквозь кордоны прорывался. Иду день, иду два, а тропа все вьется. То по тайге идет, то в степь выходит и опять к тайге клонит. И тропка-то немудрящая, заросла наполовину, но не теряется. Значит, думаю, далеко она меня поведет да куда-нибудь и выведет.

Иду я по ней, по сторонам поглядываю, а ночью заваливаюсь в кусты и без костра отдыхаю. Время летнее, тепло, и харчей у меня в достатке. На четвертый день вижу — впереди на самой тропе большой куст травы растет. И трава эта отменно темная и высочущая. Будто крапива разрослась на навозной куче. Подошел поближе — что-то белое сквозь траву просвечивает. Присмотрелся — лежит пиклет человека. Упал он, бедняга, ничком, руки разбросил да так и помер. С чего бы, думаю, и кто он такой?

— Это ты, дед, махнул! Слыхано ли, чтобы по костям определять, кто такой да с чего помер. Может быть, хвороба напала, а, может, с голоду ноги протянул, — сказал рыжий рабочий.

— Да ты не мешай. Может, он и не определил, а только подумал так, — примиряюще произнес чубатый парень.

Старик раскурил трубку и наклонился боком к столу.

— Определить было нетрудно. Поднял я череп и вижу — в затылке дыра. Значит, убит. Чем убит — тоже

ответ есть. Кабы пулей навылет, то другая дыра была бы, а ее нет. Коли не навылет, то пуля в черепе должна быть, но ее не видать. Посмотрел снова на дыру, а она не совсем круглая, малость квадратная. Неужели, думаю, кайлой убит? Но и кайлы поблизости нет.

Стал я траву вокруг шкилета разгребать. Нашел трубку самодельную, нож, железный совочек, пряжки от ичигов да пуговицы костяные. И рассудил я так, что был это старатель и погиб он от руки товарища, потому как внезапную смерть на ходу принял. Не думал, не гадал он, видно, что сзади не товарищ, а убийца его идет.

Старатели почесали в затылках.

— Тебе, дед, в сыщиках бы состоять, — усмехнулся рыжий.

— Ты поработай с мое в тайге да ума наберись, небось и не таким сыщиком будешь, — обиделся старик.

На парня зашикали, и он умолк.

— Давай, дед, рассказывай, что дальше было.

Старик нахмурил брови, поскреб рукой под левой подмышкой и откашлялся:

— Стал я думать, с чего бы товарищ товарища убил, и решил, что не иначе как хотел он его ограбить. Ну, скажем, он его ограбил, а кайло куда девал? А стало быть, так, что с собой кайло взял. Потому как сначала оно ему нужно было для убийства, а потом, чтобы фарт свой оборонять. Шалых-то людей в тайге хватает! Неровен час и его убить могли. Иду я и про себя рассуждаю. Вот-де одни в старательских ямах по крупице золото собирают, а другие негодяи через убийство себе фарта ищут. Убил человека, а теперь, поди, в жилухе его достояние пропавает. Пропьет и опять в тайгу — за новым фартом. Потом стал я об Амуре думать, о своем фарте мечтать. Дремучую тайгу себе вообразил, а в ней мой ключ заветный. Что ни лоток, то двадцать пять долей золота.

Вечером лег я под кустом на ночлег, а мне все фарт мой мерещится. И хочется мне поскорее до Амура добратся. Счастье испытать. Я уж прикинул, что за полпуда золота и дом построю, и лошадь с коровой куплю, и денег под старость в банк положу. Проснулся я рано, закусил да по холодку двинулся дальше. Иду — по сторонам поглядываю. Вдруг замечаю в сажени от тропы кайло валяется. Стал я размышлять: с чего бы ему здесь лежать? Ежели б потерял кто, так ему место на тропе. Ежели б кто с умыслом оставил — так на сучок бы подвесил или в дерево воткнул, чтобы легче было найти. И рассудил я так: бросил его человек нарочно. Да так бросил, чтобы другому оно под ноги не попало. Значит, бросал не с охотой. Бросал и побаивался. Уж не убийца ли здесь шел и надоело тащить ему эту ношу? Уж не с голоду ли ноги стали у него подкашиваться? Не с упадку ли сил он и страх перевозмог?

Старик остановился перевести дух. В зимовье было тихо. Рабочие слушали теперь, затаив дыхание, и не спускали глаз с лохматой головы рассказчика.

— Стал я внимательно смотреть вокруг себя, да без толку. Иду я день, иду два и три, а примет никаких больше нет. На четвертый день сменилась тайга степью. Солнышко над выгоревшей травкой светит. Отдохнул и пошел искать брода вверх, где шумел перекат. Посмотрел в сторону, и чудится мне, будто снова куст травы отменно зеленой и высокой вдалеке растет. Стал я к нему пробираться. Подхожу — опять шкилет сквозь траву просвечивает. Но лежит он иначе: на боку, череп на кочке покоится, ноги поджаты. Словно спал человек спокойно и во сне смерть свою нашел. Разгреб я траву и ахнул: за спиною шкилета большая куча золота насыпана. Не иначе, думаю, убийца погибель тут настигла. Заколотилось у меня сердце и дух занимать стало. Собрал золото в мешок, прикинул

и разумею, что верняком больше пуда потянет. Обрадовался я. Выходит, что не в амурском заветном ключе, а в широкой забайкальской степи фарт мой лежал и меня дожидлся.

Накинул я мешок на плечи, перебрался через речку и зашагал по тропе. Душа ликует, сердце, веришь ли, поет, и кажется мне, что никогда не светило так ярко солнце, не были так красивы степи и тайга. Иду и ног под собой не чую — будто несусь по небу на легких крылах.

Чрез два дня вышел я на конную дорогу и вскоре дошел до села. Перекусил, расспросил о дороге и без задержки пошел к Сибирскому тракту. Только бы, думаю, добраться, а там я кум королю. Подхожу к станции, и взяла меня робость. Забоялся я, что вожжа под хвост попадет. Дело старательское, известное: загуляешь, и тут тебя как миленького до нитки обчистят. Поразмыслил я и решил отсыпать золота в кисет, а остальной фарт под камнем схоронить на пригорке возле села. Свернул с дороги, выбрал камень приметный, дождался вечера и сделал, как задумал.

Пришел я на станцию и загулял. Сколько дней пил — не знаю, а только когда протрезвился, то ни денег, ни золота в карманах у меня не было. И решил я: погулял и хватит. Пора в свои минусинские края подаваться. Договорился с ямщиком и пошел за кладом на пригорок. Подхожу, а камень отворочен и мешка с золотом нет. Эх-ка беда!

Старик замолчал и, насунув брови, стал набивать трубку махоркой.

— Не дался, значит, тебе фарт в руки, — заключил рыжий рабочий.

— Дался. Да, вишь, не сумел его удержать. Д-да!

— Сплошал, дед!

— Ан нет, не сплошал я.

— Почему же не удержал фarta?

— Причина простая: счастье было велико.

— Ну и что же?

— А то, что один человек не может удержать большого счастья. Сил у него для этого мало. Трое нас счастье по очереди в руках держали, и никто не удержал. Думаю, что и похититель моего клада им подавился.

В зимовье снова стало тихо. Лишь в печке весело потрескивали сухие дрова и из приоткрытой дверки задорно высовывались яркие языки пламени, жадно облизывающие нагретые камни.

Наступила ночь. Чубатый парень принес дров и подложил в печку. Зимовщики клали под головы дорожные мешки и, не раздеваясь, ложились на нары. Старик тяжело кашлял и долго не мог уснуть.

— Дед, а дед? — спросил кто-то с нар.

— Чего тебе?

— Скажи, правду ли мне один сказывал, что звезд на небе столько, сколько старателей в тайге. Как новый старатель объявится, то на небе новая звезда зажигается. И каждая звезда — это фарт. И висит она над тем местом, где фарт лежит. Найдет человек фарт, и звезда его в то время с неба падает. Может быть такое?

— Спи, звездочет, — ответил старик и снова закашлялся.

Бориска вышел во двор. Ветер к ночи стих и сильно похолодало. Черное небо было усыпано мириадами мерцающих звезд.

«Моя звезда горит на востоке», — подумал Бориска. Он поднял голову, выбрал приметную крупную звезду с красноватым отливом и долго смотрел на нее. «Наверно, вот та», — решил он и пошел спать.

Утром, когда край огромного солнца показался над

заснеженными вершинами лиственниц и сосен, в зимовье началось пробуждение. Старик поднялся раньше всех, затопил печь, согрел воды и сидел за столом, пришивая к рубашке заплату.

Бориска с Сафийкой быстро обулись, умылись снеговой водой и закусили на дорогу. Большинство постояльцев не торопилось вставать. Спешить им было некуда. Ожидая летней дороги, они отсиживались в зимовье, вдали от приисков. Для этого у каждого была своя причина.

— Ну, бывайте здоровы! — попрощался Бориска, надевая заплечный мешок.

— Счастливого пути, — отвечали ему.

— Кликни, паря, когда фартовый ключ свой найдешь!

— Тайга и без меня разнесет о нем весть!

Дорога вилась по высокой террасе Витима. Хвойное море тайги безмятежно дремало под лучами яркого солнца. Кое-где сверкали полоски застывшей речной глади, расстилались заснеженные болота и возвышались стеной заросли кустарника.

После полудня позади послышался звон бубенцов.

— Давай сойдем с дороги, — предложил Бориска.

Они зашли за пушистую елку и притаились. Сытые кони бойко тянули почтовую карету. Позади верхом ехали два стражника.

Пропустив карету, Бориска и Сафи продолжали свой путь.

— Золотишко, поди, повезли, — заметил Сафи.

— Наш пот, наши слезы, — вздохнул Бориска.

Сафи задумчиво глядел вдаль.

— Гиблое место тайга, — сказал он. — В Казани сейчас уже тепло. Землю пашут. Навоз на поля вывозят. А здесь... Далеко Казань!

Солнце зашло, и земля погрузилась в длинные северные сумерки. Ярко-синее небо постепенно блекло, туск-

нело и серело. По верхушкам деревьев пронесся порыв ветра. Они пошептались и стихли. Далекие горы теряли резкие очертания и таяли в вечерней мгле. С востока надвигалась пелена темной ночи.

В конце длинного дорожного подъема до слуха путников долетело ржание лошадей. Бориска прислушался:

— Приисковый обоз ночует!

Они ускорили шаги и вскоре увидели сноп искр, вылетающих вместе с дымом из трубы зимовья. Вокруг был целый лес поднятых кверху оглобель саней, нагруженных мешками и ящиками. У коновязи стояли лошади. Уткнувшись мордами в торбы и позвякивая удилами, они пережевывали овес. Возле них крутился рослый возчик в распахнутой козьей дохе, надетой поверх овчинного полубубка.

В зимовье былолюдно. За столом и на нарах сидело человек двадцать обозников. На столе лежали куски говядины, рыба и хлеб. Возчики по очереди подходили с жестяной кружкой к бородатому артельщику. Тот не спеша поднимался с нар и, налив в кружку спирту, с важностью произносил:

— Держи, паря!

Возчик почтительно принимал кружку и отвечал:

— За ваше здоровье, Онуфрий Матвеевич!

— Пей на здоровье! — покровительственно говорил артельщик.

Спирт тут же выпивался, и возчик, крикнув, шел к столу ужинать.

Насытившиеся с красными, разомлевшими лицами сидели на нарах, дымили махрой самокруток. Артель вела себя как пчелиный рой, налетевший на зимовье: двигалась, жужжала, хлопотала. Половицы трещали от топота ног, беспрестанно хлопала дверь: обозники выходили посмотреть лошадей и возвращались обратно.

Несколько рабочих с приисков, оказавшихся в зимовье, прижавшись на нарах в дальнем углу, молча смотрели на бесконечную сутолоку. К ним подсаживались возчики. Они расспрашивали о подробностях Ленских событий, возмущались, вздыхали, материли жандармов и «Лензото».

Бориска с Сафийкой расположились рядом со старателями и тут же принялись за еду.

— А Сыч-то хорош,— гудел басом обозник.— Видал, как исправника со станovým объезжает?

— Нам-то што? Известно, хитрый чалдон.

— Дьявол, а не человек. Стража его на дороге караулит, а он, вишь, нагрузил оленей спиртом да по целине через тайгу и махает. Хы-хы! Знатный спиртонос!

— Рисковый парень, чего говорить. А тоже, чай, дрожит. Поймают — не иначе на каторгу загремит.

— Туда ему и дорога, косому черту. Последние гроши с людей за спирт вымогает.

— Вестимо, туда и дорога. Только его, хитрована, не враз заарканишь.

— Как веревочке ни виться, а концу быть.

— Случаем пользуется. Покуда стража крамолу на приисках изничтожает, он свое дело делает.

— Сам-то ты крамола, варнак. Убийством там нашего брата занимаются. Вот те гады так гады, а спиртонос что!

— Одна сволочь — паразиты! Чего там говорить.

Время от времени гомон обозников перекрывался громкими выкриками.

— Петька, черт, твоя лошадь отвязалась! Ступай привяжи!

Петька молча хлопал дверью, и снова слышалось:

— Ты пошто, варнак, сбрую на снег бросил? Все учить вас, дьяволов, надо: примерзнет — не отдерешь. Подь на сани положи, кукла окаянная!

— Ему бы шею свернуть,— добавил кто-то.— Седни на Шальном спуске наделал делов. Зев раззявил, а лошадь поперек стала. Весь обоз сгрудил.

Ямщики зашумели громче, вспомнив дорожное приключение.

— Верно, давно проучить пора. Совсем мозга в его башке нету.

— Его, разяву, в хвост надо ставить, а не потрафлять.

На голову незадачливого ямщика вылился целый поток бурной ругани.

Артельщик не вставал, не вступал в разговор, а важно сидел на нарах. К нему подошел ямщик:

— Онуфрий Матвеевич, овес съеден. Сена велишь задавать?

— Задавайте.

Снова захлопали двери, выстуживая зимовье.

Возвращавшиеся разувались и ложились вповалку на нары, прикрываясь козьими дохами.

— Досматривать бы надо,— сказал кто-то.

— Небось,— ответил ему степенный голос,— я встану посмотрю.

Шум стал затихать и скоро сменился храпом уснувших людей.

Еще затемно все были на ногах и начали готовиться к отъезду. Со двора доносилось ржание лошадей и громкие окрики возчиков.

Бориска и Сафи, быстро покончив с едой, тронулись в путь. Позади долго слышались человеческие голоса, посвист и скрип груженных саней. Потом все смолкло. Ухо стало ловить знакомые звуки, возникавшие в кажущемся безмолвии тайги. Кто-то царапает, скребется, долбит древесную кору, щебечет. Где-то с ветки обсыпается снег. А потом наступила тасжная тишь.

...Днем горизонт раздвинулся, и обозначился глубокий провал долины Лены. Дорога устремилась вниз. Идти стало легче.

Высокий противоположный берег казался плоским, как доска. Река была закована в лед. По ней бурой лентой пролегал Ленский тракт, уходивший на восток к далекому городу Якутску.

На приподнятой террасе левого берега Лены раскинулось старинное село Витим. Длинный ряд деревянных домов дополнялся дворовыми постройками. Прометно выделялись на снегу изгороди огородов. Посредине села чернела древняя башня, сохранившаяся от разрушившейся поварни. Жизнь людей здесь была тесно связана с Леной. Река их кормила, и от нее же они страдали. Многие занимались зимним извозом по Ленскому тракту, работали ямщиками на почтовой станции, а летом разводили огороды, ловили рыбу и промышляли охотой.

На рабочих приисках, выходивших из тайги в село Витим, здесь смотрели как на дешевую рабочую силу и пускали на постой, если нужно было напилить дров, уплотнить или выполнить другую трудоемкую работу по хозяйству.

В конце дня Бориска со своим другом шел по льду реки Лены. Нагнав лошаденку, тащившую воз с дровами, и поздоровавшись с возчиком, они спросили, у кого можно было бы остановиться. После расспросов возчик показал кнутовищем на почерневший от ветхости дом на краю села и посоветовал:

— Идите к Авдотье. Может быть, пустит.

Желая на этом прекратить разговор, он огрел лошадь кнутом и прикрикнул:

— Н-но, стерва!

Усталые путники направились в конец села.

Их встретила бойкая женщина лет тридцати. Рано

овдовев, она одна вела свое хозяйство и нуждалась в мужицкой подмоге.

На столе появилась деревянная миска со щами и кувшин молока. Пока приятели утоляли голод, хозяйка рассказала, в чем будет заключаться их помощь. Под жилье им была отведена баня.

Дни проходили в работе по ремонту сарая, а вечерами Бориска и Сафи рассказывали и пересказывали подробности Ленских событий приходившим коротать зимние вечера жителям. Ямщики разносили их рассказы по дорожным станциям, селам, становицам.

В воздухе с каждым днем все явственнее ощущалось теплое дыхание весны. Горные склоны заметно потемнели. Кое-где появились проталины. Движение тяжело нагруженных обозов вниз по Лене прекратилось. Редко пролетали лишь почтовые тройки и купеческие возки. Зато вверх по Ленскому тракту спешили возвращавшиеся обозные порожняки.

В это время в сельской кузнице заболел кузнец. Срочные заказы поступали непрерывно, но выполнять их было некому. Бориска взялся заменить кузнеца и показал себя мастером в изготовлении сельских поковок. В кармане у него появились деньжонки. Сафи один управлялся с работой у Авдотьи.

Вскоре движение конного транспорта по Ленскому тракту совсем прекратилось. Лед на реке вздулся и отливал голубизной. Поверх него журчали струйки воды. Черные прогалины на снежном покрове гор разрастались, сливаясь в большие пятна. С каждым днем сильней пригревало солнце.

В один из таких дней по распутице провезли мимо Витима в Киренск арестованных руководителей Ленской забастовки. Сани заливала вода, оцепеневшие от холода люди едва преодолевали свои страдания. Жандармы вер-

хом на лошадях следовали за саями и не давали ни малейшей передышки. Жители села провожали забастовщиков сочувственными взглядами.

Во время распутицы село опустело. Жизнь в нем стала уединеннее. Но работа в кузнице не прекращалась. Жители Витима ремонтировали телеги, огородный инвентарь, давали заказы на поковку уключин, болтов и гаек для лодок.

Наконец начался ледоход. На берегу реки стояли люди и часами наблюдали, как огромные глыбы льда нагоняли друг друга, накренились, разворачивались и, вспенивая воду, кружились и неслись вниз по реке. От движущейся массы льда тянуло прохладой, но солнце состязалось с ней, посылая на землю теплые лучи. С гор шумно неслись мутные потоки снеговой воды. На ветвях лиственниц брызнула сочная зелень.

По высокой полой воде со дня на день ожидалась связка карбасов. На них можно было сплавиться вниз по реке до Якутска. Накупив в дорогу картошки и хлеба, Бориска с Сафийкой сидели целыми днями на берегу Лены. Однажды вечером на реке показался огонек костра, дымившего на связке, которая причаливала к берегу. Огромные весла ритмично опускались в воду.

В Витиме происходила смена лодманов, руководивших сплавом. Очередной лодман уже стоял на берегу. Это был старичок с огрубевшим морщинистым лицом, покрытым бронзовым северным загаром. Он погладил тощие руки, почмокал губами и, привычно сложив ладони трубочкой у рта, закричал высоким фальцетом:

— Чья связка?

С карбаса ответили:

— Купца Дубникова!

— В Якутск?

— Да!

Удовлетворенный ответами лодман поднял с земли мешочек с провнантом и стал переминаться с ноги на ногу.

С подчалившей связки на берег прыгнул молодой приказчик в картузе с подстриженными под кружок волосами, в жилетке поверх синей сатиновой рубахи и в начищенных сапогах. Бориска попросил у него разрешения доехать до Якутска.

— Места всем хватит, садитесь, — сказал приказчик. — Но смотрите: в баловстве замечу — в Лену спущу. А работать, как все, будете.

НА КАРБАСАХ

Через час Бориска с Сафийкой вместе с другими пассажирами стояли у весел и выводили карбас на стрежень великой сибирской реки. Лодман, сидя на возвышении, руководил движением связки, пока она не достигла фарватера.

Каждый карбас представлял собой большой остроносый плот с дощатыми бортами. В верхнем течении Лены карбасы сплавляются поодиночке. Но с выходом на широкое русло их «склячивают в связки» из четырех или шести карбасов, и получается как бы один огромный плот. Придерживаясь фарватера, связки плывут по широкой глади реки, доставляя различные грузы в приленские села и города.

В одном месте на дне карбаса на галечном настиле горел костер. Возле него на поленьях и просто на корточках сидели люди. Бориска с Сафийкой присоединились к ним. От костра чадно валил дым, в котле кипело какое-то варево. Ночная тьма окутала все: небо было беззвездно. Свежий ветерок тянул по долине. Отходившие от костра зябко ежились и возвращались к огню. За бор-

том связки ритмично хлюпала и булькала вода. От ночной сырости одежда становилась влажной и тяжелой. Припухшие веки опускались, и люди сидя дремали. Спать было нельзя, так как в любой момент по команде лопмана они должны были быть готовы взяться за массивные длинные весла, повисшие над водой.

В конце короткой северной ночи костер угас, и в кучке пепла просвечивали лишь отдельные угольки. Тусклый восход расстилался на горизонте холодной желтизной. Туман медленно поднимался, и оловянная поверхность реки все больше и больше отделялась от серого утреннего неба.

Продрогшие люди, выстукивая зубами барабанную дробь, торопливо разжигали костер, бросали в него картошку и, обжигая ладони, чистили и ели обуглившиеся картофелины.

Медленное движение карбасов по живой широкой водной дороге казалось бесконечным. Очертание прибрежной тайги изменялось медленно и почти незаметно. По берегам густо поднималась молодая зеленая поросль. Изредка было видно, как домики ленских станций, вытянувшись в ряд, дымили печными трубами.

Кто-то запел, и стихийно возникла громкая, тягучая, заунывная песня, которую подхватили все. Она поднималась и неслась по реке, затихая и замирая вдали, а затем, оттолкнувшись от обрывистого берега, возвращалась назад гулким эхом.

Сафи сидел рядом с Бориской и глядел, как течение реки уносит их все дальше и дальше. Сердце его сжималось при мысли, что из этого далекого края он никогда уже не попадет в родные места.

Вместе с ними сидел пожилой горный инженер Петров с клиновидной бородкой, ехавший на олекминские прииски. На козырьке его форменной фуражки из синего

кастора играли солнечные блики. Густые брови нависали над серыми выразительными глазами. Тут же сидел ссыльный Симаков, следовавший в Якутск в сопровождении двух унтеров. Они беспрерывно готовили себе в котелках на костре различные кушанья. Симаков был молодой человек с одутловатым, болезненным лицом, припухшими веками и длинной шевелюрой, в которую он время от времени запускал привычным, характерным жестом руку с растопыренными пальцами. Узнав, что Бориска едет из Бодайбо, он набросился на него с расспросами о ходе забастовки и подробностях кровавой расправы с рабочими. Бориска охотно отвечал ему.

— Когда из Киренска пригнали роту солдат, мы поняли, что затевается что-то неладное, но никто не думал, что дело дойдет до расстрела безоружных людей: требовали-то немного.

— Да, это ужасно, — заметил Петров. — Неужели такая дикая расправа была неизбежной?

— Выборные говорили, что Трещенков все время искал случая для расправы с рабочими.

— А между тем я читал, что Милюков расценивает расстрел как следствие провокации, а рабочих считает пособниками провокации.

— Чего же вы хотите еще от кадетов? — сказал Симаков. — Черносотенцы с Марковым и Замысловским вообще не скрывают своей радости и призывают не церемониться с забастовщиками, а гучковцы в отличие от них лишь сокрушаются, что власть действовала слишком открыто и тем дискредитировала себя. Различное отношение политических партий к Ленским событиям совершенно закономерно. Но факт и то, что эти события всполошили буквально всех. А самое главное, что пролетариат России ответил на Ленский расстрел могучей волной забастовочного движения.

— Я противник забастовок,— заявил Петров.— Они приносят большой ущерб развитию промышленности.

— Вы рассуждаете, как меньшевик,— возразил Симаков.— Они как раз призывают не увлекаться стачечным азартом. Но их лепет не находит поддержки у рабочих. Забастовка распирается. В ней рабочие проходят практическую школу классовой борьбы, вырабатывают выдержку и стойкость, необходимую революционерам.

— Я не принадлежу ни к какой партии и плохо разбираюсь в политике.

— Но вы — интеллигент, и ваше сословное положение уже само по себе определяет ваши политические взгляды. В данном случае ваше суждение о забастовках совпадает с тем, что говорят меньшевики.

— Я согласен, что нам нужны демократические преобразования, и я не против революции. Но я убежден, что пока войска верны правительству, никакие революционные порывы не помогут.

— Это тоже неверно. Вы упускаете из виду, что войска состоят из народа. Когда народ поднимется на борьбу, то и войска будут с нами. У нас есть сильная партия. Большевики поднимут народ на борьбу, будьте уверены.

— Вы тоже большевик? — спросил Петров.

— Да. И, как видите, еду с социалистической пропагандой в Якутск под охраной жандармов. После Ленского расстрела правительство перепугано революционным подъемом, и вот вам результат — усиление репрессий. Но это не спасет Россию от революции. Министр Макаров может говорить: «Так было, так будет». Но рабочее дело показывают, что так было, но так больше не будет!

— Тем не менее.— возразил Петров,— достаточно было роты солдат, чтобы подавить Ленскую забастовку. Не так ли?

— Нет,— вступил в разговор Бориска.— Забастовка продолжается. Рабочие ленских приисков не будут там больше работать. С первыми пароходами оттуда уедут все.

— Вот вам, пожалуйста,— оживился Симаков.— А теперь представьте себе, что будет делать «Лензото» без рабочих. Это крах фирмы, а вместе с тем подрыв капиталистического строя. Нет, батенька, штыками забастовку не сломишь.

— Но куда же двинется эта масса рабочих? Вот вы, в частности, на что вы рассчитываете, куда направляетесь? — И Петров устремил из-под мохнатых бровей вопросительный взгляд на Бориску.

Бориска рассказал о своем намерении искать золото в глухой тайге.

— Золото найти очень трудно. Существует целая наука, как его искать. К сожалению, ученых в России единицы. Да и не только ученых. Грамотных людей и то мало.— Петров задумался на минуту и продолжал:

— А какое огромное количество месторождений золота открыто неграмотными золотоискателями! Как мураши ползут они по тайге, не пропуская ни одной долины. Смотришь, нет-нет да и находят новые золотоносные очаги,— обратился он к Симакову.— Самоотверженность и энергия этих людей поразительны. Особенно оживленно стало в дальневосточной тайге после постройки Транссибирской железной дороги. В последнее время только и слышишь — то тут, то там нашли золото. Но пока в тайге еще не тесно и могут быть найдены новые значительные месторождения.

— Вы не сказали о главном,— заметил Симаков,— как ползут за мурашами по тайге муравьеды-толстосумы.

— Вы имеете в виду золотопромышленников? Так это же естественно. Конечно, они прибирают все к рукам.

— Как раз это-то и противоестественно. Старатели ищут золото, добывают золото. Попадает же оно в карман к тому, кто его не ищет и не добывает, а бесцеремонно эксплуатирует чужой труд. Да еще называет себя хозяином. Что же тут естественного? Да ничего. Справедливость требует другого. Необходимо, чтобы хозяевами своего труда были рабочие. В этом главное. Когда хозяевами страны будут рабочие, тогда и золото, добытое их трудом, пойдет не в карман золотопромышленников, а для облегчения жизни всего народа. Думаю, что такое время теперь не за горами.

— Верно говорите, — подтвердил Бориска.

Карбасы продолжали свое движение. Огромная панорама тайги отступала назад, и за поворотом реки возникали все новые и новые отвесные скалы с причудливыми очертаниями вершин.

На следующий день пассажиры опять сидели на мешках и продолжали беседовать.

— У меня все-таки не укладывается в голове, как можно без средств идти в тайгу искать золото? — обратился Симаков к Бориске.

— Проживем как-нибудь. А другой дороги, чем в тайгу, на золото, у старателя нет.

— Но что же все-таки служит у вас движущей силой? Жажда разбогатеть?

— Разбогатеть! — Бориска усмехнулся. — Добывать золото не просто. Каждый золотник — это ведро пота. Не разбогатеешь! Другое дело — фарт.

— Правильно рассуждаете! — подтвердил Петров. — Труд старателя неблагоприятный. И все же большое количество золотоискателей легко объяснимо. Ведь золото очень широко распространено в природе, обнаруживается простым способом, а добыча его из россыпей весьма примитивна.

— И все-таки риск при поисках золота велик, — сказали Симаков. — Никто не считал, сколько старателей гибнет в тайге.

— М-да! Без риска и труда не вынешь рыбку из пруда. А тем более рыбку не простую, а золотую. Кто поопытнее, у того шансов больше найти месторождение. Золотоискатели, конечно, не пользуются научными соображениями. Но у них есть, так сказать, свои приметы, по которым они оценивают обстановку. И большинство примет, почерпнутых из опыта, имеет под собой известное научное обоснование. — Петров подумал и, многозначительно пошевелив густыми бровями, продолжал, обращаясь к Бориске:

— Запомните, что я вам скажу. Опыт показывает, что богатая россыпь одна лежать никогда не будет. Вокруг нее в долинах либо значки золота встретите, либо убогие россыпи. Поэтому не ленитесь опробовать лотком долины по руслам рек. Если знаков золота нет, то искать россыпи бессмысленно — уходите в другой район. Ну, а если знаки золота часто будут встречаться, то проверяйте долины шурфами. Смотришь, в одной из речек приличное золото окажется.

Слушайте дальше. В долинах очень высоких, островершинных гор золото искать бесполезно. Ищите его там, где сопки сравнительно невысокие, с мягкими плавными очертаниями вершин и склонов. Эта примета старинная. Она известна и нам, инженерам, и старателям.

И вот еще что учтите. Россыпное золото в долинах образуется за счет разрушения золотосных кварцевых жил. Ищите на склонах гор выходы кварцевых жил. Есть кварцевые жилы пустые, без признаков оруденения, а в других заметны металлические блески. В них может быть и золото. Ищите жилы с ноздреватым кварцем, с ржавыми налетами. Такие жилы кажутся горелыми. Вот в таких «горелых» жилах чаще всего заключено богатое

золото. Если встретите «горелую» жилу, растолките ее в порошок и промойте на лотке. В ней почти наверняка золотишко встретите. Тогда пройдите в долине шурф до плотика и ищите россыпь.

Петров еще долго рассказывал о признаках золотоносных мест, а Бориска с Сафийкой слушали его, стараясь все запомнить.

На третий день пути небо заволокло свинцовыми тучами. Легкая дрожь пробежала по реке, словно мурашки по телу великана. Это зыбкий ветер рябью прошелся по Лене. Встремил ее, всколыхнул. Поверхность воды закачалась, стала будто шершавой. На берегу под обрывом слышались всплески воды. Волны догоняли друг друга, сталкивались, вскипали. Их гребни заострялись, и скоро река напоминала кипящий котел. Все усиливающийся порывистый ветер свистел в ушах, завихрял и срывал гребни волн, вспенивал их и белыми брызгами разносил по реке.

Карбасы встряхивало и захлестывало водой.

— На весла!

Люди налегали грудью, отвоевывая право плыть по реке. Связка карбасов с трудом развевалась и отходила от берега, куда прижимал ее ветер.

К ночи начал накрапывать дождь и ветер утих.

На рассвете сквозь дождевую завесу проглянул контур острой колокольни олекминской церкви. Встремленная вода журчала под веслами, подгонявшими связку к левому берегу Лены. На берегу визжали пилы, тяпали топоры, перестукивались молотки и орали горластые петухи.

В Олекминске скопилось большое количество старателей. Многие с утра до вечера сидели от безделья на пристани. Бориска подошел к одному из них, кусавшему ломоть ржаного хлеба. Старатель словно оброс грязью, одежда на нем была разодрана, из штанин торчали огромные ступни босых ног.

— Откуда пришел? — спросил Бориска.

— Кто? Мы-то? — переспросил старатель. — Как все — с Олекмы.

— А здесь давно?

— Так как тебе сказать... По последней дороге, вишь, выбрались.

— Не фартит, значит, на Олекме?

— Куда там, паря! Народу понашло отовсюду, и — батюшки! А золота нет. Ну и порешили выносить кости, шибко обмыть в ленской воде.

— Теперь чего кумекаете?

— Мы-то? Парохода ждем, в обратную подаваться.

— А почему дальше вниз не плывете?

Старатель с удивлением посмотрел на Бориску.

— Куда же дальше-то плыть? Дальше золота вовсе нету.

— Кто тебе сказал?

— Народ говорит. А не веришь — поди испытай счастье.

— Поедем со мной в Оймяконь. Там золото есть.

— Нет, паря, не заманивай. Так-то вот и сюда заманили. Мы, как все, в жилуху выбираться будем.

Бориска поговорил еще с двумя старателями, но мнение было единым: нужно возвращаться — дальше золота нет. Шафигуллин вернулся на карбас.

Лодман сменился, и связка вышла снова на просторы речной глади. Сквозь сетку мелкого холодного дождя слабо просвечивали очертания береговых обрывов. Воздух был насыщен сыростью. Сафийка отыскал между ящиками место, защищенное от дождя, и позвал Бориску. Связка казалась безжизненной. Лишь на корме виднелась фигура лодмана в плаще с поднятым капюшоном. Изморось сковала его движения. Он сидел на мешках, неподвижно устремив взгляд в мутную даль.

Черные брови Бориски сошлись, и над переносицей обозначилась глубокая вертикальная морщина. Он задумался. Течение реки увлекало их в страну с трескучими морозами, где живут неведомые люди со своим бытом и укладом, где нет приисков потому, что никто никогда не находил в этой стране золота. Сказочная Оймяконь, затерявшаяся в высоких горах, была слабым лучом надежды. Капли дождя выбивали дробь по брезенту, и звук этот угнетал монотонностью. Но Бориска не падал духом. Он перебирал в уме свои познания в ремеслах, которые могли теперь пригодиться.

Дни пролетали незаметно. Дождь постепенно утихал. Лохматые, рваные тучи низко нависли над рекой. Слева на берегу виднелись домики станции Синской. Справа тянулась полоса Ленских столбов. Высокий крутой склон горы был покрыт скалистыми останцами, причудливо возвышающимися в виде обелисков, пирамид, игольчатых пиков и колонн самых причудливых очертаний. Некоторые утесы подходили к самой воде, другие красовались вверх. Их подножия были усыпаны каменными глыбами и мелкой известняковой щебенкой. Хаотическое нагромождение столбов очаровывало своей дикой и величественной красотой.

Возле Еланской связку карбасов догнал пароход, тянувший четыре груженные баржи. Далеко по горам разнесся его протяжный басовитый гудок. Капитан опасался, что баржи могут задеть связку, и просил посторониться. Лопман оживился и громко скомандовал:

— Корму вправо! Нос табань!

Под взмахи весел связка развертывалась, освобождая путь пароходу «Опарин». Он обгонял карбасы, размеренно шлепая по воде колесами. На небольшой палубе стояла группа хорошо одетых людей. Они любовались живописными видами и, жестикулируя, оживленно разговаривали.

На баржах было много народу. Раздавались звуки гармоник. Пассажиры жили праздной и шумной жизнью, не находя занятий в долгом однообразном пути. Приказчик связки знал, что пароход, который исчез за поворотом, везет грузы для крупного якутского пушнопромышленника Кушнарева.

Долина Лены заметно расширилась, высокие береговые террасы отступили, и у их подножий раскинулись низкие пойменные луга. Начали встречаться одинокие якутские юрты с наклонными стенками и плоскими крышами. Около юрт располагались хотоны с обмазанными глиной стенами, в которых зимует рогатый скот. Небольшие табуны лошадей и комолые низкорослые коровы бродили по лугу с сочной травой. Виднелись поля, засеянные пшеницей. Было как-то особенно свежо. Нежно светило солнце на безоблачном небе.

Русло реки разбилось на многочисленные протоки. На островах зеленели дремучие леса с густыми подлесками высоких кустарников. В заводях плавали утки. Пассажиры связки почти беспрерывно работали веслами, обходя отмели и отбиваясь от течения, прижимавшего карбасы к берегу. Проплыли мимо строений Покровского с большим, почерневшим от времени монастырем.

Впереди был Якутск — центр обширного края с редкими поселениями, где можно ехать сотни верст, не встречая человеческого жилья. Даже само слово «ехать» здесь применимо условно: когда нет дорог, преодоление расстояний превращается в изнурительное странствование по нехоженным болотистым и каменистым пустыням с массой неожиданных и опасных препятствий.

Связка плыла между островами, пока вдалеке у левого берега не появилась пристань города. К ней скромно притулились баржи, баркасы и пароход. Последние взмахи весел — и связка причалила к берегу.

НОВАЯ РАБОТА

Пассажиры сошли с карбасов, и их взорам открылась широкая плоская равнина. Пустыри чередовались с группами деревянных домов, построенных по русскому образцу. Дома стояли вперемежку с якутскими юртами. Улицы города Якутска только намечались. Вдали справа и слева белели две церкви. Среди деревянных построек, в полавляющей массе одноэтажных, странно выглядели несколько каменных зданий в один и в два этажа. На одном из пустырей возвышались две сильно обветшалые бревенчатые башни с деревянной стеной между ними. Это были остатки старинных казачьих укреплений Якутского острога, сооруженного в XVII веке.

Возле лавок сидели якуты, приехавшие из улусов за товарами. Тут же к столбам были привязаны оседланные лошади. Изредка по улицам проезжали извозчики пролетки, поднимавшие огромные клубы пыли. На каланче полинейского управления стоял часовой. Жизнь текла здесь неспешно и вяло. Русский говор переплетался с якутской речью. Иногда можно было увидеть эвенков, приехавших по делам верхом на оленях. Город казался сонным, разомлевшим в дневной жар.

Не теряя времени, Бориска принялся расспрашивать об Оймяконе. Ему казалось, что, проделав длинный путь по реке, теперь достаточно было приложить еще немного усилий, чтобы достичь цели. Но все было значительно сложнее. Ему сообщили, что наслег Оймякон действительно существует, но его отделяет от Якутска тысяча верст по безлюдной тайге. На этом пути встречаются и непроходимые болота, и большие реки, и высокие горные хребты. Пускаться в такое далекое путешествие без средств к существованию было бессмысленно. Мечты об Оймяконе стали рассеиваться.

С грустными думами подходили Бориска с Сафийкой к ночлежному дому на окраине города. Голые нары и стол со скамьей — такова была обстановка в якутской ночлежке. Сильный запах карболки несколько не смущал тараканов и клопов, ползавших по стенам и потолку. В предвечернем сумраке можно было разглядеть нескольких ночлежников с землистыми лицами, в таких же, землистого цвета, лохмотьях. Кто жевал хлеб, запивая его водой, кто обглаживал кости, кто курил. В углу на нарах сидели три парня. По их ухваткам, взглядам и разговорам было видно, что они связаны какими-то темными делами. Обменявшись несколькими фразами с Сафи и Бориской, парни продолжали вести между собой таинственный разговор. Здесь, видно, было их постоянное пристанище.

Сафийка разговорился с приземистым рабочим, обросшим густой бородой.

— Места здесь к жизни малопригодные, — сказал бородач. — Главная беда — зима дюже лютая и долгая. Даром что город, а в студеную пору ни души на улице не увидишь. Попрячутся в дома и сидят. Стало быть, и работы нету. Да и летом не работа, а маята одна. Изредка поденка перепадет, а больше без дела слоняешься. Харчи обработать мочи нет.

— А что за работа у тебя? — спросил Сафи.

— Да что попадет. На пристани больше работаем. Баржи разгружаем, плоты на дрова пилим.

— А чем же народ живет?

— Рабочего люду тут мало. Хозяйством больше живут. Да тоже жизнь несладкая. Кое-как концы с концами сводят. Одно скажу, сокол, залетел ты в мерзлые края. Холод да голод. А боле нет ничего. Вертайся, милок, покуда пароходы ходят, не то пропадешь.

— Нам возвращаться некуда, — сказал Сафийка. — Лучше научи, как на хлеб заработать.

— Что ж тебя учить? Приходи на пристань, послоняйся, может, плот дадут распилить. А лучше ехал бы в наслегу у тойонов траву косить. Скотина тут дешевая. За лето работы корову дадут. У нас, которые уехали в наследии, осмотрелись, юрты построили, хозяйством обзавелись и живут кое-как, перебиваются.

— А много народа вокруг Якутска живет?

— Да как тебе сказать? По здешнему понятию верст на двести кругом густо народу в тайге. Ну, а дальше горы да скалы, к жилью не пригодные. Туда и ворон костей не заносил.

Поздно вечером подошло еще несколько рабочих. Усталые люди ложились вповалку на нары и тут же засыпали.

...По случаю прибытия грузов с пароходом «Опарин» в особняке купца Кушнарера устраивался бал. Приглашены были местные чиновники во главе с губернатором и крупные якутские купцы — Илларионов, Коковин, Басов и другие. На втором этаже особняка в гостиной стоял рояль, диваны и кресла. В промежутках, у окон, виселись пальмы. Тюлевые занавески были обрамлены пышным красным драпри. Комнату украшали дорогие картины в массивных позолоченных рамах.

В столовой, устланной коврами и заставленной вычурной мебелью, сверкал хрусталем великолепно сервированный стол. Два лакея в черных фраках с золотыми пуговицами, в белых галстуках заканчивали последние приготовления к ужину.

Гости подъезжали к дому в экипажах, некоторые шли пешком. В вестибюле их ждал швейцар. Дамы на минуту задерживались у огромного зеркала на площадке железной лестницы.

Хозяин дома, одетый в модный европейский костюм, встречал гостей наверху у входа в гостиную. Он был образованным человеком, знал несколько иностранных языков.

В Токио, где у него были коммерческие дела, он женился на японке и имел свой особняк. Больше всего на свете Кушнарер любил лошадей и держал в Якутске собственную конюшню. Верховая езда была его страстью.

Гостиная быстро заполнялась приглашенными. Слышались веселые возгласы и комплименты. Дамы жеманно перешептывались. Губернатор вошел под руку с женой. Важная осанка, надменный взгляд подчеркивали его самодовольство и превосходство. К нему подходили с учтивым поклоном и почтительно целовали руку губернаторши.

Кушнарер держался с добродушной развязностью довольного собой человека. Переходя от одного гостя к другому, он говорил с ними то по-французски, то по-русски. Возле губернатора хозяин задержался несколько дольше и вскоре, взяв его под руку, увел в свой кабинет.

Разговор между гостями постепенно принял форму легкой, беспечной и непринужденной беседы.

— Ну, а что в Петербурге? — спрашивали дамы у вернувшегося из столицы модно одетого якутского почтмейстера.

— О! Петербург великолепен! — отвечал он, разглаживая волосы с пробором посередине. — Повсюду блеск, сияние электрического света, комфорт. Культура и искусство достигли высшего совершенства. Весьма модными становятся кубизм и футуризм. Мы здесь отстали и даже многого не понимаем.

Однажды я с компанией поехал на концерт. Программа изумительная! Мы были в восторге. И вот, представьте себе, выходит на сцену артист. Одет невероятно пестро. Одна штанина красная, другая зеленая. Сюртук наполовину желтый, наполовину черный. На голове синий берет. Лицо чрезвычайно оригинальное: одна половина розовая, другая серая. В зале, разумеется, недоумевают, но кон-

франсье разъясняет, что это самое новое направление в искусстве.

— Ах как интересно! Ну и что же дальше?

— Артист, натурально, подождет, пока прекратится шум и произнес: «Ю!». Вы понимаете? Сложил губы бантиком, сказал «Ю!», поклонился и ушел. Публика, разумеется, аплодирует, вызывает «на бис», а я чувствую, что для меня это искусство еще непостижимо. В антракте устремляюсь за кулисы, разыскиваю этого артиста и прошу разъяснить смысл его «Ю». «Как,— говорит он,— вы даже не постигли смысла? Очень странно. Впрочем, возможно. Ведь мое «Ю» так интимно и так нежно, что вам все равно этого не понять!»

Дамы смотрели на рассказчика с явным восхищением.

В другом конце зала вели разговоры на политические темы.

— Столичная пресса оживленно комментирует события на ленских приисках,— сказал попечитель народного просвещения, сверкая стеклами пенсне.— Забастовки в Петербурге и в Москве, кажется, все еще не прекратились. Это ужасно. В Бодайбо с ревизией выехал сенатор Манухин. Иркутский генерал-губернатор Князев уже там. Говорят, он отстранил Трещенкова и приказал ему выехать в Петербург.

— Кстати, о Трещенкове,— сказал полицеймейстер.— Я получил сведения, что, по данным департамента полиции в Париже, предполагается тайно послать в Бодайбо бежавшего из Сибири террориста Косарева для свершения террористического акта над Трещенковым.

— Господа, вы слышите? Трещенкова хотят убить террористы!

— Ах, душка Трещенков, мне его так жаль!

— Успокойтесь, мадам. Это, по-видимому, не более как бред самого Трещенкова. Но скажите, господа, когда

перестанут наводнять Якутск не мифическими, а натуральными террористами и, вообще, ссыльными революционерами? Почему их не рассылают по улусам?

— Вы затрагиваете очень деликатную проблему,— сказал прокурор.— В городе они группируются в опасные организации, а в улусах оказывают тлетворное влияние на местное население. Положение, как видите, чрезвычайно щекотливое. Мы предпочитаем держать их в поле зрения.

В то время как гости вели беседы, Кушнарев в кабинете усадил губернатора в удобное кресло, предложил ему сигару и, не изменяя манере держать себя, сообщил, что, по полученным сведениям, фирма благовещенского купца Шутова готовит засылку своих торговых агентов на Колыму.

— Думаю, что благовещенские конкуренты вам не опасны,— сказал губернатор.— В Оле есть более сильные иностранные фирмы, такие, как фирма Свенсона с разветвленной сетью торговых агентов. Вам следует больше внимания обратить на Колыму и Индигирку. При вашем капитале вы можете и должны проникать в отдаленные места. Я окажу вам необходимое содействие, но давайте поговорим об этом позже.

Положив сигару в пепельницу, губернатор встал и направился к двери.

Гостей пригласили к ужину. Губернаторша взяла мужа под руку и возглавила торжественное шествие. Столовая наполнилась шумом оживленных голосов. Захлопали пробки. Зазвенел хрусталь. Застучали ножи и вилки.

С бокалом в руке поднялся чиновник из банка.

— Господа! Я предлагаю тост за господина Кушнарева! — Он залпом выпил бокал и продолжал: — Сегодня собрался цвет нашего общества. Мы здесь островок русской цивилизации. Нас окружает тайга, дикий народ,

мрак и невежество. Каждый из нас выполняет здесь почетную миссию культуртрегера. Но особенно велика благородная миссия господина Кушнарера.

Кто-то снова наполнил рюмку оратора. Почувствовав прилив бодрости и самоуверенности, он продолжал:

— Агенты господина Кушнарера везут в разные концы Якутии продовольствие и предметы домашнего обихода, поднимая благоденствие улусников и приобщая их к культуре. Более благородного дела не существует. Я пью за здоровье господина Кушнарера!

Раздались аплодисменты.

Кушнарев встал и сделал подчеркнуто широкий жест.

— Дамы и господа! Я весьма тронут. От души благодарю. Я счастлив, что вижу сегодня у себя господина губернатора с супругой и всех вас. Я пью за ваше здоровье!

Конец тоста потонул в аплодисментах. Возбужденные вином, гости вели громкий веселый разговор.

Когда ужин подходил к концу, в зале зазвучала музыка. Начинались танцы. Губернатор откланялся и, взяв жену под руку, уехал, ссылаясь на неотложные дела. В столовой осталось несколько купцов. К ним присоединился Кушнарев. Ближе к полуночи оттуда стал разноситься недружный хор пьяных голосов.

Днем позже Кушнарев за обедом у губернатора завел разговор о сфере деятельности своей фирмы.

— Меня интересует, — сказал губернатор, — каким образом поставляете вы товары в отдаленные наследи на востоке Якутской губернии.

Кушнарев охотно отвечал:

— Коковин и Басов несколько лет удачно перебрасывали товары в Якутск через Охотск, и мне теперь ясно, что торговать с колымскими наслегам удобнее всего с моря. Мы будем доставлять товары на Колыму через бухту Ола и отдаленные наследи на востоке тоже включим в ор-

биту торговли. Завалим Колыму товарами. Мы привезем туда все, что необходимо.

— А ближние улусы?

— Ближние улусы не дают дохода моей фирме. Во-первых, многочисленные конкуренты, а во-вторых, ценные звери здесь выбиты, а я меховщик. Оставляю их на попечение менее мощных фирм, а сам устремляюсь на север.

— Мне, как администратору, конечно, небезразлично благосостояние местного населения. Но мне докладывают, что в обмен на меха охотники получают очень мало товаров. Во многих наслегегах голод.

— Это неправда. Я не считаюсь с затратами и всегда везу в улусы большое количество продовольственных товаров, одежды и предметов домашнего обихода. Пушнина, получаемая взамен, едва окупает расходы.

— Ну, что же, я вам доверяю и желаю успеха в вашей полезной деятельности. Ее нужно всемерно расширять!

— Сейчас я увеличиваю число торговых агентов по скупке пушнины. Моя фирма самая крупная в Якутской губернии, но с вашей помощью она будет еще крупнее.

Расставаясь, Кушнарев крепко пожал руку губернатору.

Через несколько дней Кушнарев вызвал своего приказчика Григория Осиповича Шпака. В уютном маленьком кабинете на столе была разложена карта Российской империи. Юркий, подвижный, с большой лысиной, Шпак боком вошел в кабинет и распылся в почтительной улыбке. Он был очень щупленький, маленький, с узкими плечами и вытянутой головой.

— Вот что, Григорий, — сказал Кушнарев, — получена телеграмма, что в Олу пароходом будут доставлены наши грузы. — Он ткнул пальцем в карту севернее Охотска. — Я поручаю тебе большое дело — быть моим доверенным по реализации товаров в колымских наслегегах.

Рука Кушнарева очертила большой круг на карте.

— Вся Колыма, — продолжал он, — в твоих руках! Крупные торговые фирмы туда не проникали. Настоящей цены пушнине там не знают. На Колыме можно взять и десять и двадцать рублей на рубль. Товары у тебя будут разные, но главный наш товар по-прежнему, конечно, спирт. Реализация товара — дело тебе знакомое. Поедешь через Оймякон. Возьми с собой отсюда лошадей, товаров и скупи все, что можно, по дороге в Олу.

— Ясно, Петр Алексеевич. Благодарю за доверие. Колыма — это моя мечта! Мой сон! Мои грезы! Прошу три вещи — людей, лошадей и товаров!

— Товары получай, лошадей возьми в Тюнгюлю, а людей сам подбирай. Еще вот что: нужно обойти конкурентов. Мне известно, что в Оймякон собирает караван Коковин. О том, что ты едешь туда, нужно помалкивать. Кроме того, постарайся опередить Коковина. Пока время есть. На Колыме у нас старый склад в Сеймчане. Я купил его у Амурского товарищества. Приведи все в порядок, отремонтируй, расширь. Зимой перебросишь туда грузы из Олы, построишь барки и летом спустишься по реке до Нижнеколымска. Там у тебя конкурентов не будет. Вот и все. Желаю успеха.

Шпак выскочил из кабинета Кушнарева, зажмурил глаза и потер от удовольствия руки. Сфера его деятельности расширялась. Новый рынок сулил баснословные барыши не только Кушнареву. Шпак и сам не пропускал мимо рта лакомых кусков.

Дома он семенил на коротких ножках из угла в угол и намечал план путешествия. Все рисовалось в розовом свете. Опередить Коковина и сохранить в тайне маршрут до выезда из Якутска было просто. А вот дальше...

Шпак знал по опыту, что избежать молвы о своем передвижении в тайге почти невозможно. Слухи о каждом,

кто едва ступит в нее, распространяются молниеносно. Их разносят из конца в конец при помощи «капсе». Это слово якуты употребляют как приветствие. В точном переводе оно означает «рассказывай новости». Существует опрелеленная церемония приветствия.

— Капсе! ¹ — говорит встречный.

Ему отвечают:

— Сох. Эн капсе! ²

— Сох. Хайдах олорогон? ³

— Учугей. Эн хайдах олорогон? ⁴

— Учугей! ⁵

Следует пауза, после которой повстречавшиеся по очереди сообщают друг другу все, что видели и слышали. Сообщение обычно представляет собой малопоследовательную, но достаточно подробную сводку всех новостей. Сразу после обмена новостями люди, не прощаясь, расходятся или разъезжаются, унося с собой вести для передачи их дальше всем, кто встретится на пути.

Шпак успешно использовал капсе для получения необходимой торговой информации и оповещения охотников о своем прибытии с товарами в наслег или стойбище. Он знал, что вместе с нужной ему информацией якуты-каюры, близко наблюдавшие его деятельность, передавали сведения о его мошенническом методе торговли. Предотвратить распространение подобных сообщений Шпак не мог. Таежный обычай соблюдался свято и неукоснительно, несмотря на все уловки и увещевания хитрого коммерсанта.

Положение было безвыходным, потому что без провод-

¹ Рассказывай! (якутск.)

² Нечего. Ты рассказывай! (якутск.)

³ Нечего. Как поживаешь? (якутск.)

⁴ Хорошо. Ты как поживаешь? (якутск.)

⁵ Хорошо! (якутск.)

ников из местных жителей обойтись в тайге было невозможно. Чтобы каюры не располагали нежелательной информацией, их можно было бы изолировать во время торговли, отправив, например, к лошадям или оленям, но и в этом отношении Шпак был бессилен, так как он плохо знал якутский язык и вынужден был прибегать к помощи каюров как переводчиков. В результате они поневоле знали все. Кроме того, переводчики, словно сговорившись, не желали ограничиваться переводом, а как бы сами начинали участвовать в торговле, решительно защищая интересы не Шпака, а противоположной стороны. Вместо помощи они только мешали ему. Он бегал по комнате, изыскивая способ преодолеть это затруднение и развязать руки для своих махинаций. Не придумав ничего, Шпак отправился за советом к своему знакомому, опытному коммерсанту. Тот, узнав, в чем дело, сказал ему:

— Есть только один выход. Никогда не пользуйтесь услугами переводчиков из местных жителей. Берите с собой в тайгу для этой цели татар. Они быстро изучают якутский язык, потому что в нем много общего с татарским. Кроме того, татары хорошие каюры, не признают никакого капсе и умеют, когда нужно, молчать. Другого выхода я не вижу.

— Но это как раз то, что мне нужно! — воскликнул Шпак. — Вы гений! Архимед! Моя благодарность не имеет границ!

В поисках работы Бориска с Сафийкой каждый день с утра приходили на пристань. Иногда им удавалось поработать на заготовке дров, в другие дни они сидели среди безработных и бесцельно смотрели на расстилавшуюся кругом равнину. Сетовать на свою судьбу было бесполезно. Надежда добраться до Оймякона не оставляла их, но оба понимали, что пройти тысячу верст через тайгу сил у них нет.

На пристань часто приходили политические ссыльные, или, как их тут называли, «государственные». Они беседовали с рабочими, читали литературу. Как-то пришел туда и Симаков. Он сразу же узнал Бориску с Сафийкой, долго говорил с ними, а потом вынул из кармана газету и сказал:

— Вы, наверное, еще не знаете, какую оценку событиям, что произошли у вас на приисках, дала наша партия. Вот слушайте: «Ленский расстрел... явился точнейшим отражением *всего* режима 3-июньской монархии. Вовсе не борьба за одно из *прав*, хотя бы самых кардинальных, самых важных для пролетариата, характерна для ленских событий. Характерно для них полнейшее отсутствие элементарнейшей законности во *всех* отношениях. Характерно вступление провокатора, шпиона, охранника, слуги царя на путь массовых расстрелов без всяких политических поводов. Именно это общее бесправие русской жизни, именно *безнадежность* и *невозможность* борьбы за отдельные *права*, именно эта неисправимость царской монархии и всего ее режима выступили из ленских событий так ярко, что *зажгли* массы *революционным* огнем».

Что из этого следует, товарищи? Из этого следует, что самодержавие по своей сути глубоко враждебно пролетариату. Только власть рабочих, власть трудящихся может уничтожить эксплуатацию и экономический гнет буржуазии, может дать рабочему классу действительное освобождение от ига капитала. Это должен понимать каждый.

Сидевшие вокруг Симакова рабочие одобрительно кивали головами.

...Слушая разговоры якутов, Бориска давно уже отметил некоторое сходство языков — якутского и татарского. Однажды он сидел на пристани рядом с приехавшим из наслега якутом. Сафийка пошел в лавку за хлебом, а Бориска от нечего делать завел разговор с соседом и сравни-

вал вслух якутские слова с татарскими. К ним подошел Шпак. Прислушавшись и убедившись в татарском происхождении Бориски, он всплеснул руками.

— Какая встреча! — вскричал он. — Селям алейкум!

Бориска удивленно посмотрел на него.

— Вы, наверное, ошиблись.

— О, нет. Это не ошибка! А ну-ка встань!

Бориска встал. Шпак забегал вокруг него, задирая голову вверх.

— Какая прелесть! Великолепно! Превосходно!

— Что вам нужно? — спросил Бориска, продолжая удивляться.

— Как? Разве ты не видишь? Я люблю тебя! Выше голову, — восторженно закричал Шпак. — Я — Шпак! Григорий Осипович Шпак! Доверенный фирмы Кушнарера.

— Ну и что же?

— Как что? Я хочу предложить тебе работу! Мне нужны каюры! Ты знаешь, что это такое? Это значит: гат, гат! И все в порядке, и так и далее! Путь неблизкий, но дело хлебное. В накладе не будешь. Едем туда! — Шпак махнул рукой на восток. — Что ты скажешь, курлы-мурлы?

— Затем и сию здесь, чтобы найти работу, — ответил Бориска. — С лошадьми обращаться я умею. К таежной жизни привык.

— Это не все. Я ставлю условие: знать якутский язык и быть преданным помощником в моей торговле! Время есть, язык изучишь быстро!

— А кто дорогу будет показывать?

— Шпак знает половину тайги! Другую половину нам покажут. Это забота не твоя!

— Понятно.

— Как твоя фамилия?

— Шафигуллин.

— Слушай, вот первое поручение: найди второго каюра.

— У меня есть приятель.

— Тоже татарин? Как его фамилия?

— Гайфуллин.

— Беру обоих! Завтра утром быть на пристани! Отвезу вас в наслег: будете смотреть за коняшками и говорить по-якутски. Вольная природа, дикий пейзаж и так и далее и тому подобное!

Шпак махнул Бориске ручкой и быстро пошел вдоль берега, что-то насвистывая на свой манер.

Бориска повеселел: путь в тайгу открылся неожиданно. Он еще не знал, по каким дорогам поведет его Шпак, но был доволен возможностью пройти по якутской тайге, чтобы лучше ее узнать.

Сафи согласился.

— В тайге спокойнее, чем здесь, — сказал он. — Далеко только забрались. Все дальше и дальше уходим от родных мест.

К СКАЗОЧНОЙ ОЙМЯКОНИ

Утром все встретились на перевозе.

— А, курлы-мурлы! — закричал Шпак, увидев Бориску. — Как жив-здоров? А это твой приятель? Отлично! Славный парень! Весь в тебя! Так едем же, едем!

Шпак прыгнул в лодку и, растолкав локтями пассажиров, сразу же уселся. Лодка обогнула несколько островов и причалила к живописному берегу, усыпанному цветами ирисов, таволги и астрагала. Звонко пели жаворонки, жужжали шмели. Вдалеке куковала кукушка. Шпак нанял подводу. К вечеру они приехали в наслег Тюнгюлю. Подвода остановилась возле изгороди у юрты. Обитатель ее, Афанасий Винокуров, колол дрова.

— Доробо, догор! ¹ — закричал Шпак. — Принимай гостей!

Они вошли в юрту. Убогое, задымленное и полутемное жилище было разгорожено на две половины. В одной находился коровник, в другой жили люди. Посредине юрты на земляном полу стоял камелек, в углу помещался ручной жернов для помола зерна. Вдоль стен тянулись оноры — укрепленные широкие скамьи. Крашенный деревянный шкаф с резными дверками служил буфетом.

Сын Афанасия, Емильджан, жарил мясо на рожне. Он резал его мелкими кусочками, нанизывал на гладко выструганные палочки и, воткнув их около огня, поминутно поворачивал. Маленький мальчик голышом сидел возле камелька с куском конского сухожилия в руке, тщетно пытаясь откусить от него хоть кусочек. Он злился и плаксиво ворчал. Жена Афанасия, взявшись за цевку, вращала жернов. Этим примитивным способом она молола муку для лепешек.

Увидев гостей, обитатели юрты прекратили свои занятия и поочередно подошли к каждому, здороваясь за руку. Маленький мальчик сполз со скамейки и тоже вслед за взрослыми подошел и протянул каждому ручонку.

— Чейпиктер турор! ² — сказал Афанасий жене.

В руках хозяйки появился большой медный чайник, а затем котелок с мясом. Началось приготовление обеда.

Шпак осмотрел кушнаревских лошадей, которые паслись под присмотром Афанасия, и сообщил, что привез двух каюров, чтобы они объезжали лошадей и готовили их к далекому переходу. Винокуров согласился поселить каюров у себя. Шпаку он посоветовал выезжать в конце августа, чтобы полнее использовать теплое время для дальней дороги.

¹ Здорово, приятель! (якутск.)

² Чайник ставь! (якутск.)

Утром Шпак уехал обратно в Якутск.

Прощаясь, он вкладывал свою сухую, маленькую ручку в мускулистые руки Бориски и Сафи и говорил:

— Смотрите, орлы, — язык чтобы знать отлично! Якутский язык — это все! В этом весь цимес! Учитесь без лени!

— А куда мы поедem, Григорий Осипович? — решил спросить Бориска.

— Не понимаю. Какая тебе разница? Куда ни поедem — везде тайга! Так каким ты местом интересуешься? — Оймаконом.

Шпак лукаво посмотрел на Бориску.

— Сейчас не обещаю. Потом. А вообще, ты попадешь со мной даже на край света! Ну, пока, пока, курлы-мурлы!

Бориска с Сафийкой стояли у изгороди и смотрели, как Шпак, продолжая рассыпать восклицания, подпрыгивал на сенной подстилке в телеге.

Афанасий Винокуров и его сын оказались простыми и симпатичными людьми. Целыми днями они трудились, стараясь воспользоваться дарами короткого северного лета. Быт их сельской жизни был весьма примитивным.

Наслед Тюнгиюлю расположился на слабохолмистой, почти равнинной местности среди тайги и бесчисленного количества озер. На месте высохших озер возникали цветущие луга, которые называют аласами. В пределах аласов местные жители распахиывают землю и сеют пшеницу. На аласах косят сено и пасется скот. На аласах строят юрты.

Сафи смотрел на клочки распаханной земли, засеянной пшеницей, и удивлялся. Казалось невероятным, что в суровом якутском климате может вызревать хлеб. Тем не менее пшеница давно приспособилась к местным условиям и растет здесь так же поспешно и торопливо, как и все другие растения.

Афанасий рассказал Сафи, что заготовку сена ведут

с весны и до глубокой осени. Однако скошенной травы едва хватает для прокорма рогатого скота, который зимой содержат в теплых хотонах. Слишком коротко северное лето и слишком длинна холодная зима!

Табун лошадей Шпака, оправившись от зимней бескормицы, пасся на сочных травах аласа. Лошади не нуждались в присмотре: обилие корма и воды надолго удерживало их на одном месте. Затем их перегоняли на соседний алас.

Бориска и Сафи, будучи прирожденными коневодами, придирчиво осматривали каждую лошадь. В дальнюю дорогу можно было взять лишь хорошо упитанных, здоровых и молодых животных, способных перенести тяжести перехода по бездорожной тайге.

Сафи сокрушенно качал головой, глядя на маленьких якутских лошадок местной породы, но Афанасий убеждал, что они отличаются большой выносливостью, умеют преодолевать труднопроходимые болота, карабкаться по каменистым россыпям на крутые склоны гор и стойко переносить временную бескормицу. Но Сафи все-таки сомневался.

Немного освоившись, Бориска и Сафи принялись помогать Афанасию: они косили сено, заготавливали дрова, ставили верши на озерах, работали по хозяйству в усадьбе. Вскоре у них завязались дружественные отношения со всей семьей Винокурова, и время проходило незаметно. Вместе с тем будущие каюры старались быстрее изучить якутский язык, и через некоторое время оба с трудом, но уже могли объясняться с Винокуровым на его родном языке.

Бориску поражало местное гостеприимство. Если кто-нибудь приезжал, то его в первую очередь кормили. А если гость приезжал, когда Винокуровы ужинали, ужин прекращался. Хозяйка быстро убирала со стола остатки

скромной еды, варила на камельке новое мясо и кипятила свежий чай. Через некоторое время ужин возобновлялся с участием гостя.

Бориска спросил о причинах такого радушия, и Афанасий объяснил:

— Якуты знают, что такое голод. Поэтому всегда спешат накормить человека с дороги. Только тот, кто не испытывал голода, глух к страданиям другого и не накормит его.

Винокуров рассказал, что во время недорода жителям наслега приходится покидать свои юрты, угонять скот в другие места, более обеспеченные сеном, жить зимой в летних берестяных урасах и питаться сосновой корой вместо хлеба. Но даже и тогда каждый накормит голодного человека тем, что есть дома.

— Тюнгюлю от Якутска совсем близко стоит. Люди дрова в город возят. Ягоды продают. От голода не пропадают. Дальше в тайге шибко худо народ живет. Силы совсем нету. Худо, худо, — повторял Афанасий, мотая головой.

— Скоро поедем туда, товары повезем, — сказал Бориска.

На жестком лице Афанасия обозначилась язвительная усмешка:

— Не торговать вы поедете, а народ обманывать!

— Почему обманывать?

— Русский купец честно не торгует, везет товара мало, а обмана много. Куда он придет, там народ еще хуже потом живет. Плохие русские купцы. Совсем плохие. Состоят у них нет. Не любят русских в тайге.

Бориска смутился:

— Не все русские такие.

— Кто торгует, все такие, — уверенно ответил Афанасий.

Бориска вспомнил, как его обвешивали, обмеривали и заставляли покупать недоброкачественные товары ла-

вочники в «Лензото», и нахмурился. Вероятно, в тайге был еще больший произвол в торговле.

— Русские купцы кругом по тайге ходят. Большую паутину плетут. А толстые пауки в Якутске сидят. Наш народ, как мухи, к паутине липнет.

— Везде одно и то же, — вздохнул Бориска. — На Ленских приисках пауки и здесь пауки. Всюду обман и кабала.

...В конце августа в Тюнгию снова приехал Шпак.

— Доробо, догор! — закричал он, соскакивая с подвоя и направляясь к Бориске.

— Капсе! — ответил Шафигуллин.

— Что? Что я слышу? — завопил Шпак. — Капсе? Выкинуть немедленно это похабное слово из лексикона! Похерить! Уничтожить! Растоптать! — Он затопал маленькими ножками. — Никаких капсе! Я человек дела и слов не люблю. Доробо, догор, — и точка!

Бориска только усмехнулся.

Шпак привез товары, упакованные в переметные сумы, готовые для привьючивания к седлам. Что в них было, не знал никто. Их внесли в юрту, сложив большой грудой в углу.

Узнав, что лошади вполне пригодны для путешествия, Григорий Осипович с довольным видом потер руки.

— Ситуация превосходная! Конъюнктура благоприятная! Прелесть! Чудо! Завтра в дорогу! Гат! Гат! И все в порядке, и так и далее.

Потом он подошел к Бориске.

— А ты, проказник, уже настоящий якут! Молодец! Герой! Гасконец!

Утром привели лошадей, и вскоре караван растянулся по дороге к Чурапче. Афанасий с семьей стоял у двери юрты и наблюдал за отъездом гостей.

Бориска ехал впереди, Шпак в середине, а Сафийка завершал шествие каравана. Сначала все не ладилось, при-

ходило часто останавливаться, поправлять вьюки или высвобождать запутавшихся лошадей, но постепенно неполадок становилось меньше, и животные пошли спокойнее. Шпак хорошо знал путь до Оймякона и не нуждался в проводниках. Из Тюнгию они ехали по широкой, укатанной конной дороге. Шпак всячески избегал юрт, и они останавливались на отдых в палатке. Ночи были теплые, и свежий воздух подбадривал уставших путников.

Тропа вела лесом между озерами, в которых отражалось синее безоблачное небо. Порою отражение синевы в воде было настолько густым и ярким, что казалось по тайге разбросаны обломки небосвода. Неглубокие долины речек сменялись холмами, поросшими высокими, радостно шумевшими деревьями.

Снова ночлег в палатке, и снова движение вперед. У Ытык-Келя конная дорога перешла в узкую тропу, идущую к Ынгы. Однообразный пейзаж примелькался. Поэтому путники машинально смотрели на дорогу, погрузившись каждый в свои мысли. Ветер донес до них далекий лай собак. Между деревьями появился просвет, и в нескольких местах промелькнули плесы широкой реки. Перед ними была долина, а вдалеке, в легкой пелене тумана — вершины высоких гор. Почувствовав запах дыма, лошади оживились и громко отвечали на приветственное ржание ынгинских лошадей.

Караван остановился у крайней юрты налега в устье реки Амги, на берегу полноводного Алдана. Предстояло переправить лошадей через Алдан и продвигаться дальше на восток.

Николай Харитонов, низкорослый, крепкий якут средних лет, вышел из юрты и помог развьючивать уставших лошадей. Переметные сумы внесли в дом. За обедом завязалась беседа. Шпак расспрашивал Николая о видах на погоду и, поддевая хлебом сбитые сливки, отправлял их

в рот. На вопросы Харитонов он или отрицательно мотал головой или выдавливал через нос едва слышимое «угу».

— А мы завтра вас ждали,— сказал Харитонов.

— Откуда ты знал, что я приеду в Ынги?

— Слышал,— спокойно сказал Николай,— Вчера за лодкой послал лошадей перевозить. Однако, завтра лодка будет.

— Удивительно,— пролепетал Шпак.

— Говорят, к морю пойдешь. От Оймякона торговать будешь.

Рука Шпака с куском хлеба остановилась. Он приподнял брови и с раскрытым ртом посмотрел на Харитонову. Шея его вытянулась от удивления. Ох уж это капсе!

Ничего не ответив Харитонову, он с досадой произнес «М-да!», вслед за чем отправил в рот остановленный им на половине пути кусок хлеба.

— А еще говорят,— продолжал Николай,— приказчик Коковина тоже в Оймякон торговать идет.

Шпак отбросил хлеб, от которого намеревался отломить кусок, и круто повернулся к Харитонову.

— Какой приказчик? Где идет?

— Не знаю,— спокойно ответил Николай.— Лошади-то давно в Хандыге стоят, ждут.

— Еще что говорят?

— А еще говорят, что ты только спирт везешь, а приказчик Коковина муку везет, сахар да везет, чай да везет, материю да везет. Его, однако, народ дожидаться будет.

Терпение Шпака лопнуло. Он вскочил из-за стола и забегал по земляному полу юрты от одной стенки к другой.

— Все это ложь! Чистая ложь! — закричал он.— Я везу только спирт! Нет, как вам это нравится? Ты злодей! Дракон! Монстр! У твоей матери были неблагополучные роды! А Коковин, видите ли, везет муку! Памфлет! Карикатура!

Шпак горячился все больше. Наподдав ногой валяв-

шуюся на полу щепку, он сунул руки в карманы, наклонился к Николаю и прокричал ему прямо в лицо:

— Я еду в Верхоянск! У меня разнообразные товары.

Но Харитонов не слушал его. С непроницаемым выражением лица он сидел у камелька, курил трубку и молчал. В отсветах огня его фигура казалась изваянием, отлитым из бронзы.

— Завтра давай лодку! Скорее давай! — продолжал кричать Шпак.

— К вечеру лодка будет.

Шпак судорожными движениями расстегнул пуговицу на вороте рубахи, плюхнулся на оноры и распластался на спине, раскинув руки и устремив взгляд в потолок.

Весь следующий день они провели в Ынги, ожидая лодки для переправы через Аллан. Сафи присматривал за лошадьми, а успокоившийся Шпак расхаживал с Бориской по берегу Амги.

— Торговля — дело тонкое! — разглагольствовал он.— Коммерсант в тайге — это удалец! Рыцарь! Ринальдо Ринальдини! Распространение вздорных слухов вредит делу. В тайге у слухов вырастают крылья. Я не могу запретить им нести всякую чушь. Но вас обоих я прошу держать язык за зубами. Никаких капсе! Молчок — и точка!

— Понятно,— сказал Бориска.— Но куда же мы все-таки едем: в Верхоянск или в Оймякон?

— Комик! Юморист! Мимо Оймякона муха не пролетит! Но об этом ни звука! Вы, кажется, что-то там забыли? Будете иметь возможность найти!

Сияющий Бориска поделился этой новостью с Сафи.

К вечеру подошла лодка, и утром началась переправа груза и лошадей. Операция была несложная. Коней на длинных поводках загоняли в воду и заставляли плыть за кормой лодки. Так повторялось несколько раз.

На берегу маленького озера, среди зарослей пырея,

Сафи поставил палатку и готовил на костре обед. Бориска взял берданку и отправился на охоту. По озеру плавали стайки молодежи. Утки держались осторожно, но Бориске удалось подстрелить пару чирков на лету. За ужином все дружно облизывали жирные пальцы и с ожесточением отбивались от докучливых комаров. Переночевав на озере, караван снова тронулся в путь.

К полудню лес отступил, и караван шел по толону¹. Встревоженный одинокий куличок испуганно поднялся и с криком низко полетел над Алданом.

— Лошади пасутся, — крикнул Бориска, увидев в стороне табун.

— Значит, скоро Хандыга, — заключил Шпак.

Версты через три появились юрты наслег. Возле одной из них Шпак увидел молодого парня в серой рубашке и приказал остановить лошадей.

— Здорово, Федя! — закричал он.

— Здравствуйте, Григорий Осипович!

— Коковинских лошадок пасешь?

— Да.

— Куда собираетесь?

— Шут его знает.

— Понятно! Когда отчаливаете?

— На той неделе обещали товар привезти. А вы куда?

— В Верхоянск.

— Так ведь туда илларионовский приказчик намерен поехать.

— Ничего. Округа большая — всем места хватит.

— Чудно.

— Ничего чудного нет. Бывай здоров!

— Счастливого пути!

Миновав юрты Хандыги, Шпак сказал:

¹ Луг (якутск.).

— Нам нужно торопиться! Коковин пойдет по нашим следам! Открываем семафоры — и полный вперед!

За Хандыгой тропа отошла от Алдана и повела к предгорьям Верхоянского хребта. Лошади шли по широкой речной луговине. Через два дня долина резко сузилась, и караван пробирался, прижавшись к крутому горному склону. Кругом были камни, огромные валуны и каменные глыбы. В нескольких местах путь перегораживали скалистые уступы, через которые река пропилила себе узкое ложе. Скучная растительность пробивалась кустиками блеклой травы между камнями. Река бурлила, наполняя шумом и рокотом глубокую долину. Солнце сияло где-то за водоразделом, отражаясь рассеянным светом на дне мрачного ущелья.

Лошади с большой осторожностью ступали между камней, пересекали ревущие протоки реки, изо всех сил стремились скорее преодолеть пространства бесплодной каменной пустыни. Бориска и Сафийка с сосредоточенным видом шли впереди каравана, выбирая обходы. Только Шпак не покидал седла и озабоченно следил за дорогой, которая то спускалась в долинки небольших речек, то устремлялась вверх к перевалам, то пролегалла между цепями хребтов.

Выше Юп-Кюрме караван вошел в долину, поросшую густой альпийской растительностью. Пики Верхоянского хребта виднелись теперь вблизи. В воздухе чувствовалась прохлада. Склоны гор были покрыты сплошными россыпями мелкой щебенки с рыжими и белыми пятнами мхов. Развьюченные кони разбрелись по долине, пережевывая пучки сочной травы. Белая палатка с дымящим костром казалась необычайным явлением среди девственных, безжизненных просторов каменистого высокогорья.

Бориска смотрел на перевал впереди и мысленно был уже в Оймяконе. Он представил себе Федьку Савельева на

речке Урях с лотком, на дне которого оседают тусклые, маслянистые желтые блестки чистого золота, и подумал: «Велика тайга, и все же нет на свете такого угла, куда бы не пришел старатель».

Отдохнувшие сытые кони успели втянуться в дорогу и шли спокойно по твердому грунту широкой долины к перевалу. Он был почти незаметным.

На перевале путники увидели коричнево-желтый конус урасы эвенов. Перед входом горел костер. Над ним висел чугунный котелок с варившимся мясом. Молодой эвен Захар Габышев в одежде из ровдуги стоял, рассматривая караван. В руке у него была мамыкта — длинный ремень, наподобие лассо, употребляемый для ловли оленей. Его жена неподвижно сидела возле костра.

— Чудесное видение! — воскликнул Шпак — Это превосходит всякое воображение! Дитя природы! Робинзон Крузо! Чист как снег, наивен как ребенок! Делаем привал! Дорого погор! — закричал он, слезая с седла.

— Дорого! — ответил Захар. — Что слышал?

— Во, пожалуйста! Сразу давай новости! Болезненное любопытство! Ненормальное влечение к сенсациям! Ничего не слышал, — сказал Шпак.

— Что видал? — с прежней серьезностью спросил Захар.

— Ничего не видал! Ты рассказывай!

— Ничего не слышал, ничего не видал, — ответил Захар.

Шпак сел у костра. Сафи с интересом разглядывал примитивное устройство жилища кочевников.

Длинные тонкие жерди были воткнуты по кругу в землю, связаны наверху и образовывали высокий конус. Снаружи ураса была обшита берестой, вверху оставлено отверстие для выхода дыма. Внутри жилища на земляном полу, устланном мхом, разложены оленьи шкуры и куку-

ли. Возле небольшого деревянного ящика для посуды и мелких предметов обихода дощечка с чашками и чайником, заменяющая стол. В холодное время посередине урасы на земле раскладывают костер. Дым от него поднимается вверх и выходит через отверстие. Зимой урасу обтягивают оленьими шкурами.

Захар поставил свое жилище во впадине между невысокими холмистыми возвышенностями, совсем непохожими на те возносящиеся к небу вершины, какими они представлялись издали, от подножья Верхоянского хребта.

Габышев сообщил, что он пасет на хребте оленье стадо, потому что здесь много ягеля — любимой пищи оленей и нет комаров, изнуряющих животных в долинах рек.

— Как охота? — допрашивал Шпак.

— Худо, однако, — сумрачно отвечал Захар.

Шпак ткнул пальцем в сторону переметных сум.

— Товар везу. В Оймяконе торговать буду. Скажи своим — пусть шкурки везут.

— Нету ничего.

— Кто соболя добыл?

— Никто не добыл!

— У кого лисицы есть?

— Ни у кого нету.

— Так-таки и нету?

— Нет, — покачав головой, сказал Захар.

— Плохо дело. Тогда приступим к трапезе.

Шпак достал флягу со спиртом и, лукаво подмигнув Борiske, сказал:

— Теперь начнем разговор в другом аспекте. Чудесный напиток расшнурует сейчас языки!

Небольшой стаканчик дважды побывал в руках Захара и его жены. Убедившись, что зелье начинает действовать, Шпак спросил:

— Все ли в стойбище живы-здоровы?

— У Макара мать умерла, — ответил Захар.

— Ай, ай, ай! — искренне сокрушался Шпак. — Симпатичная старушка! Мне ее страшно жаль! Упокой, господи, душу рабы твоея! Ну, а кто родился?

— У Николая сын родился.

— Чудесно! Я люблю детей. Передай поклон Николаю. Я очень рад! А кто жениться собирается?

— Петрушка, однако, надумал, — простодушно ответил немножко захмелевший Захар.

— Знаю его! Хороший парень! Лучший охотник! Самый меткий стрелок!

— Хороший охотник, — подтвердил польщенный Захар.

— Богатую невесту берет?

— Совсем бедную.

— Ай-ай! Бедную жену нужно сразу одевать, наряжать! Котелок, чайник, чашки покупать. Где денег возьмет?

— Петрушка три года в тайге промышлял. Четыре соболя убил. Продавать повезет — товар купит, тогда жениться будет.

— Это хорошо! Говорят, он и выдру добыл.

— Не-е-ет. Выдру Макар добыл.

— Да что ты говоришь! А я думал, Макар плохой охотник.

— Целых три! — сказал Захар.

— Вот как! А мне говорили, что не Макар, а Николай выдру добыл.

— Нету выдры у Николая. Одна, может, будет. Лисиц-то много.

К концу обеда Шпак знал наперечет все шкурки, имевшиеся не только в стойбище эвенгов, но и у охотников Оймьякона.

Сафийка с Бориской, слушая хитрые расспросы Шпака,

с аппетитом ели сочное и вкусное оленье мясо, старательно обглаживая кости.

К удивлению гостей, жена Захара встала, собрала их и положила в горящий костер.

— Нельзя кости бросать, — сказал Захар. — Волки найдут — за стадом пойдут. Один олень пропал, потом много оленей пропал, потом вместе пропадать будем.

— Почему? — спросил Сафи.

— Оленей нет — людям смерть! — спокойно ответил Захар.

— А медведи не нападают на оленей?

— Не-е-ет. Медведь — одинаково человек. Свое дело знает. Он за оленем не гоняется. Стадо видит — напроход идет.

Захар рассказал, что медведи ведут размеренный образ жизни. Весной, поднявшись из берлог, они добывают из земли сочные корни растений. С началом хода рыбы спускаются к рекам и занимаются рыбной ловлей. Осенью питаются ягодами и кедровыми орехами, после чего ложатся в берлоги. Жизнь медведей в некоторой степени оседла. В районе своего обитания они прокладывают тропы к водою и многими повадками напоминают людей.

— Ха! Лесной человек! Мой обожаемый родственник! Идиллия! Тысяча и одна ночь! — восклицал Шпак, слушая Захара. — Но попадись он мне, каналья, я не посмотрю на родственные отношения. Пулю в грудь, а шкуру в карман, и все в порядке, и так и далее.

— Не надо так говорить, — сказал Захар. — Медведь все слышит. Искать тебя будет. Худо тебе будет.

Пора было ехать дальше. Шпаком овладело благодушное настроение. Он раскрыл переметную суму и с помощью Сафи извлек оттуда немного муки, сахару, соли, чаю, отрез сатина и две красивые фаянсовые чашки. В каждую из них он плеснул по несколько глотков спирта

и все это отдал Захару, немало удивив своих каюров этой щедростью.

— Скажи всем — у меня товара много. Все есть! Пусть везут шкурки! Я буду ждать в Оймяконе!

— Зачем говорить? Сами узнают, — ответил Захар.

— Как это сами узнают?

— Тайга скажет.

— Ну-ну! Прощай, догор!

Шпак вскочил в седло, и караван тронулся в путь. По дороге Шпак рассказывал, что у якутов и эвенов сильно развит культ медведя. Существует легенда о происхождении медведей от женщины, убежавшей в тайгу и обросшей шерстью. Правдоподобность легенды якобы доказывает тем, что медвежья туша со снятой шкурой напоминает тело женщины, а конечности очень похожи на руки и ноги человека. Охотники действительно верят, что медведь все слышит и не прощает хулы своим обидчикам. Поэтому о медведях плохо не говорят. Даже собираясь охотиться на медведя, охотник помалкивает, а родные догадываются о его намерениях лишь по приготовлениям.

— Все это, конечно, сказки! — заключил Шпак. — Но эвены суеверны. Дикий народ. Сами ушли недалеко от медведей, вот и считают их своими родственниками.

— Плохо живется народу в тайге, — вздохнул Бориска.

— Живут как умеют! — ответил Шпак.

— Все они хорошие охотники. Неужели за шкурки они получают так мало денег?

— Пустые разговоры!

— А почему Захар не сказал вам сразу, сколько у охотников шкурки?

— Обычная история! — пожал плечами Шпак. — Прирожденная скромность!

— Но ведь они должны радоваться, что к ним приезжает человек с товарами и хочет купить у них шкурки.

Шпак заерзал в седле.

— А потом... — продолжал Бориска, — зачем вы дали Захару товар? Ведь вы ничего у него не купили...

— Так нужно. Реклама — двигатель торговли! Наша фирма богатая, затрат не жалеет! Этот скромный дар делает свое великое дело. О нем сегодня будут знать все.

Миновав перевал, караван вошел в очень широкую долину реки Кебеме. На дне ее высились то тут то там скопления гальки и валунов. Кустики карликовой березы, прижавшись к земле, росли среди вереска и мха. Часто встречались небольшие озерки. Вода в них была прозрачная и холодная. Шумели многочисленные перекааты. Иногда слышались крики куропаток, склевывавших спелую бруснику. «Кобеу, кобеу, тр-р-р-р!» — кричали они. В одном месте поднялась большая их стая. Бориска зарядил ружье и ушел. Выстрелы следовали один за другим, и скоро он появился с целой связкой куропаток.

Преодолев безлесную местность, караван остановился на ночлег среди чахлах лиственниц с густой травянистой подстилкой. За ужином Шпак похвастался своими географическими познаниями и рассказывал, где ему удалось побывать. Бориска спросил его.

— А не знаете ли вы случайно речку Урях возле Оймякона?

— Он меня спрашивает! — воскликнул Шпак. — Что значит — не знаю? Конечно, знаю! Учугей-Урях! Большая река!

— Почему «учугей»?

— Учугей-Урях — значит хорошая река.

— А чем она хорошая?

— Я что, Марко Поло? Капитан Кук? Колумб? Вы ошибаетесь! Я рек не называю. Назвали Учугей-Урях, так пусть себе будет Учугей-Урях. Мы, кстати, мимо нее поедем.

— А просто Урях речка есть?

— Ха-ха-ха! — закатился Шпак. — Ты шутник! Ты можешь уморить нервного человека! Урях — это и есть просто речка! Но у речки должно быть название: Москва-урях, Нева-урях, Лена-урях. Все речки — урях! Так какой тебе урях нужен?

Бориска нахмурился и замолчал. Шпак, грозя пальцем, продолжал:

— Стыд! Срам! Это называется — он изучал якутский язык! Боже мой! С кем я связался? Он не знает азов! Уйди! У меня сейчас брызнут слезы!

«Вон что, оказывается, — подумал Бориска. — Я не знаю названия речки. Но, может быть, эта река все-таки есть? Может быть, о ней слышали в Оймяконе?»

Бориска долго сидел у ночного костра. Поразмыслив, он решил, что капсе, которого так боится Шпак, поможет ему выяснить, где русский моет золото. Мимо местных жителей Савельев пройти не мог. С этими мыслями Бориска заснул.

С утра ехали то по лесу, то по залитым солнцем полянкам. На одной из них лошади стали упирались и храпеть. Бориска присмотрелся и заметил за лиственницей крупного медведя. Зверь стоял на задних лапах и с любопытством выглядывал из-за толстого ствола дерева то справа, то слева.

Караван остановился. Бориска спешился, быстро отвязал от седла берданку и стал заряжать ее. Медведь, видно, почуяв недоброе, вышел из-за дерева, потряс, словно грозя, поднятой лапой и, потешно подбрасывая зад, скрылся в кустах.

— Умный, черт, — сказал Бориска.

— Разбойник! — закричал Шпак. — Ему захотелось поиграть! Чудная забава! Стервец! Погоди, я из тебя устрою бифштекс с кровью!

Преодолев длинный подъем за Агаяканом, караван остановился отдохнуть на перевале. Отсюда открывался вид на широкую долину реки Индигирки. На берегу виднелись юрты и деревянная колокольня церкви в Оймяконе.

КРУШЕНИЕ НАДЕЖДЫ

Шпак устроился в юрте Ивана Слепцова и попросил оповестить всех жителей о своем приезде. Лошади были поручены Сафийке, а Бориска должен был быть переводчиком и помогать в торговле.

С утра из различных углов наслег потянулся народ. Кроме якутов, приехали эвены и с ними Петрушка, собиравшийся жениться. По тайге пронесся слух, что нючча¹ привез в Оймякон много товара.

Шпак приветливо встречал каждого входящего в юрту, дружески хлопал по плечу и подносил всем без разбора по маленькому стаканчику спирта.

В камельке пылал огонек. Люди, выпив спирт, садились на оноры, курили трубки и вели неспешный разговор. Хозяин что-то рассказывал жене, у ног которой возился маленький голый ребенок.

К Шпаку подошел Петрушка.

— Говорят, у тебя товару много. Покупать хочу. Соболя привез, — сказал он.

— А, сын раджи! — воскликнул Шпак. — Знаю-знаю! Жениться хочешь? Молодец! Хвалю за ухватку! Конечно, у меня товара много. Но об этом после. А пока выпьем.

Шпак плеснул в чашку спирта и подал Петрушке. Тот выпил и тоже сел возле камелька. Небольшая доза спирта раззадорила охотников, и им захотелось выпить еще.

¹ Русский (якутск.).

Коренастый парень со скуластым лицом, подойдя к Шпаку, протянул чашку.

— Нючча, агыл аргы!¹

— Сох аргы!² — отвечал Шпак, восседая за столом.

Парень посмотрел на него посоловевшими глазами и повторил более резко:

— Еще хочу! Очень хочу! Агыл аргы!

— Сох, сох, — спокойно отвечал Шпак.

Поднялось еще несколько человек. Обступив Шпака, они настойчиво требовали водки. Шпак был непреклонен. Тогда один из них достал из-под рубахи шкурку лисицы и, соблазняя ею купца, повторял: «Агыл аргы!». Шпак делал вид, что не обращает внимания.

— Мэ!³ — сказал охотник, бросив шкурку на стол. — Агыл аргы!

Шпак лениво осмотрел шкурку, вздохнул и как бы нехотя налил большую чашку спирта. Якут отпил несколько глотков, смачно сплюнул и передал чашку, которая пошла по кругу.

На столе перед Шпаком стали появляться шкурки лисы, выдры, связки белок и горноста. Он не спеша осматривал их, отбрасывая в угол, вздыхал, наливал спирт, давая в придачу табаку, пороха, дрови или чая.

— Вот так — мило и непринужденно! — приговаривал он.

Петрушка некоторое время крепился, но затем бросил на стол соболя и тоже потребовал водки. Шпак протянул ему бутылку спирту.

— А это невесте! — сказал Шпак, подавая нитку дешевых бус, отрез ситца и зеркальце.

¹ Русский, давай водки! (якутск.).

² Нету водки! (якутск.).

³ На, возьми! (якутск.).

К вечеру охотники изрядно перепились. Лишь один пожилой якут держался кое-как на ногах и требовал еще водки.

— Хватит. Иди спать! — крикнул Шпак и вытолкал его из юрты. — Завтра горячий день, — обратился он к Бориске. — С похмелья за водку они спустят последнее и готовы будут отдать в придачу жен и детей.

Бориска до глубины души был возмущен тем, что Шпак бесстыдно обирает охотников. Он вспомнил Афанасия, уверявшего, что русские честно не торгуют, и ему стало еще горше. Тут не было даже подобия торговли. Шпак представлял в образе жестокого, корыстолюбивого вымогателя без стыда и без совести.

— С нищих последнюю рубаху снимает, — с негодованием говорил он Сафи.

Ему особенно жалко было Петрушку. Три года парень гонялся за соболем, мечтал создать семью, а в пьяном угаре забыл обо всем. Когда проспит, то будет уже поздно. Драгоценные шкурки будут покоиться в переметной суме Шпака, а он с пустыми руками вернется в стойбище к своей невесте.

Утром Бориска разыскал Петрушку и горячо стал убеждать его ехать в Якутск, откуда можно привезти много товара.

Жених с тяжелого похмелья едва улавливал смысл его слов и упрямо повторял:

— Водки надо. Много водки. Водки давай!

Удержать Петрушку было невозможно. Тогда Бориска начал просить Шпака не спаивать молодого охотника.

— Я его не принуждаю! — сказал Шпак. — Но тут — рок! А ты романтик! Мечтатель! Сентименталист! Нужно смотреть на вещи реально! Ловить соболей — его профессия, а пить водку — его страсть. Я не могу побороть его страстной натуры!

Охотники быстро пропивали все добытое за время многодневной охоты.

Бориска тяжело вздохнул, вышел из юрты и, подойдя к старику, стоявшему у изгороди, начал расспрашивать его о Федоре Савельеве.

— Был такой чудак, — усмехнулся тот. — По тайге ходил, камни какие-то искал. Говорил: товарищей жду. Тогда скорее камни найдем. Ничего, однако, не нашел. Весной от нас ушел.

— А где он камни искал?

— Никто не знает. Один ходил.

— А куда ушел?

— Говорил: на Охотский прииск пойду, а по дороге камни буду искать. С почтой ушел на восток. Больше о нем не слыхали.

«Ничего, — подумал Бориска. — Все равно назад дороги нет. Пойдем вперед за Савельевым. Нужно осмотреться, освоиться, а там и за дело приниматься. Не может быть, чтобы в этой земле не было золота».

Вечером он говорил Сафийке:

— Мы бы плюнули на Шпака и остались в Оймяконе, если бы Савельев не ушел отсюда. Даже если бы он погиб, мы искали бы золото в этих местах. Но раз Савельев ушел, значит, золота здесь нет. Он не повернул назад. Он пошел дальше. Пойдем и мы. Не бойся, Сафи! Если не найдем ничего, то выйдем к морю, а оттуда махнем на Охотский прииск.

Сафийка только сопел носом, вперив глаза в землю, но и он понимал, что другой дороги у них нет.

За неделю Шпак обобрал всех охотников и стал торопиться с отъездом. Ему не хотелось встречаться с приказчиком Коковина. Дальнейшая дорога была ему неизвестна. Поэтому он нанял проводником оймьяконского жителя Никифора Попова, доставлявшего некогда почту в Сейм-

чан по Оймьяконскому почтовому тракту. В действительности никакого тракта, разумеется, не было. Так называлось однажды выбранное наиболее удобное направление с еле заметными следами редко используемой тропы.

Караван продвигался вверх по Индигирке. Впереди на сивой лошадке ехал Никифор — старый якут с сухим строгим лицом. Шпак спешил добраться к вечеру до Сордоннаха — якутского стойбища, состоящего из четырех юрт. Здесь он рассчитывал пожить в пушшине.

Широкая долина была не тронута рукой человека. Индигирские жители в отличие от ленских совершенно не занимались земледелием. Суровый климат препятствовал вызреванию хлебных злаков и овощей. Источником существования служили скотоводство, охота и рыбная ловля. С большим трудом семья обеспечивала себе голодную жизнь.

Была середина сентября, но уже чувствовалось, что приближается зима. Растительность блекла, и на ее серо-зеленом фоне проглядывали первые желтые пятна осеннего убранства. Сонное молчание застыло над тайгой. Лишь изредка его нарушали пробивающиеся из-под земли ключи. Они блестели, журча в мшистых берегах, прыгали по скользким валунам, тараторили в зарослях кустарников.

Впереди каравана маячила остроконечная сукодная шапка Никифора с меховой оторочкой и кисточкой. Как-то незаметно в таежной дреме возник тихий назойливый звук, похожий на монотонное жужжание комара. Усиливаясь, он перешел в однообразное пение без ритма и музыкальных красок. Постепенно возникли и слова. Это пел проводник. В импровизированной песне он пел обо всем, что привлекало его внимание в пути: вот по тропе идут лошади с товаром, едут трое русских, у них много спирта, а у него нет ничего. Пел о жене, которая осталась дома, о таежной красавице — белой березе, о хрустальных реч-

ках, о своей дальней дороге. Его простому бесхитростному пению сопровождали говорливые ручейки.

Вечером на опушке желтеющего толона появилась убогая юрта, покосившаяся, вросшая наполовину в землю. Караван остановился на ночлег. В юрте уже спали. Шпак, вопреки обычаю окликнуть хозяина дома, шумно открыл дверь. Женщина вскрикнула, муж вскочил на ноги, ребенок заплакал. Никифор успокаивал перепуганных людей: сюда редко заезжали чужие.

Жилье было совсем бедное. На грязных опорах были набросаны вылезшие шкуры и рваное тряпье. Вскоре в камельке вспыхнул огонь. Хозяйка поставила на стол чашки, юколу и вареную рыбу. С дороги клонило ко сну. Быстро поужинав, все легли спать.

На следующий день, пока Шпак занимался скупкой пушнины, лошадей и груз переправили на правый берег Индигирки. У опушки леса раскинули палатку. Впереди виднелся хребет Тас-Кыстабыт, к которому вела долина реки Тарын-Урях.

Никифор Попов оказался весьма общительным человеком. Он сидел у костра и медленно, нараспев, без конца рассказывал случаи из охотничьей жизни, таежные были и старинные якутские легенды, а Сафийка вспоминал родные края на берегу многоводной Волги.

Никифор внимательно слушал, удивлялся, а затем спросил:

— У вас много хлеба, табуны лошадей, коровы, широкие дороги, большие каменные города. У нас тайга, болота и мох. Зачем ты пришел сюда?

— У нас ничего нет. Все у богатых людей. Нас прогнала оттуда нужда. Мы хотим искать здесь золото.

— Какое оно?

— Желтое, как солнце, богатое, как тойон, желанное, как жизнь. Дороже его нет ничего на свете.

— Нет, — плавно покачиваясь, сказал Никифор. — Здесь такого золота нет. Зря искать будете. Много людей в тайге живет — никогда никто такого не находил. У нас золото белое, как снег, большое, как голод, страшное, как смерть. Вот какое золото в тайге. Будете искать — обязательно его найдете.

К концу дня приехал Шпак, и на заре караван выступил в путь. Тарын-Урях где-то рядом бурлила по камням, но самой реки видно не было. С обеих сторон ее скрывали заросли тополей и лиственниц. Между ними и склонами гор тянулись луга и болота. Привычные ко всему якутские лошади шли с большим трудом, то и дело проваливаясь по колено и оставляя позади широкую полосу разбитой ногами топкой почвы. Большие комья дерна разлетались в стороны из-под их копыт. Остроконечные вершины хребта Тас-Кыстабыт вплотную окружили долину. Макушка одной из самых высоких гор была запорошена свежим снегом. Указав на нее, Никифор сказал:

— Конеч лету пришел. Зима с неба спускается.

На границе леса стояла одинокая юрта.

За ужином Никифор рассказал, что в стародавние времена якуты дальше этого места не жили. За хребтом простиралась страна атын-омуков¹. Что за земля там была, никто не знал. Нашелся ловкий, смелый якут-богатырь и решил прийти в этот край. Перевалил он через хребет, пошел по тайге и видит — край очень богатый: соболя, точно белки и рыбы, множество. Пустишь стрелу в дерево — обязательно с белкой падает. Пустишь в озеро — с рыбой всплывает.

Густо кочевали атын-омуки. Костров у них, как звезд на небе, много было. Гуси, пока с юга летели, черными становились от дыма, поднимавшегося из юрт.

¹ Чужой народ (якутск.).

Видит якут-богатырь: ловушек много стоит — стал добычу из них собирать. Обиделись атын-омуки. Позвали своего богатыря, и тот решил убить пришельца. Как ни увертывался якут-богатырь от стрел атын-омука-богатыря, видит, что одному не справиться. Только сядет поест, а атын-омук-богатырь напротив с дерева стрелу нацеливает. Увернется якут-богатырь, спать ложится, а атын-омук-богатырь снова на дереве сидит и стрелой в него метит.

Побежал якут-богатырь назад. Собрал он родичей, и решили они у русского богатыря помощи просить. Пришел русский богатырь. Построили плот, поставили на нем палатку, привязали коня, взяли пушки и ружья.

Увидел атын-омук-богатырь плот и глаза протирает. Не знает — стоять ли, нападать ли. Тут богатыри ударили в него из пушки и бок снарядом вырвали. Бросился атын-омук-богатырь домой. Схватил лук, да пить захотел. Пьет воду из ковша и не замечает, что вода сквозь рану наружу выливается и видно, как сердце в груди трепещет. Мать атын-омука-богатыря взяла нож и ударила сына в сердце.

— Лучше я убью, чем те богатыри, — сказала она.

Увидели атын-омуки своего богатыря мертвым и разбежались в разные стороны. С тех пор якуты пришли в край атын-омуков и живут там.

Наутро караван направился к водоразделу Индигирки и Колымы по плоской долине между двумя высокими хребтами хребта Тас-Кыстабыт. Посреди болота журчал маленький ручеек. Так начинается большой левый исток Колымы — река Аян-Урях. На юго-восток уходило расчлененное мелкогорье верховьев Колымы. Дали были туманные, но в синем небе светило солнце и одиноко парил орел, плавно описывая круги над озером с бирюзовой гладью воды.

С каждым днем желтые краски все больше забивали блеклую зелень. Бурые и рыжие тона преобладали теперь в уборе замиравшей тайги. К югу спешили стаи гусей и утиные косяки. Крики их предвещали снег. Днем еще пригревало солнце, но ночью было холодно и в палатке топилась железная печурка.

...Впереди вздымался к небу гигантский конус горы Морджот. Голые скалы на ее вершине изрезаны полосками белого снега. Мужественной суровостью веяло от этой каменной громады. С деревьев уже осыпался осенний наряд. Опушка леса черной стеной уходила вдаль.

Никифор, прислушавшись к шуму тайги, обернулся и тихо спросил ехавшего следом за ним Бориску:

— Слышишь?

Неподалеку от них раздавался странный, курлыкающий звук.

— Медведь! — Никифор указал на опушку. — На проход пойдем. Не тронет, однако.

Возле высокого дерева, поджав задние ноги, сидела огромная медведица. Она с тревогой посматривала то на караван, то на вершину лиственницы и издавала странный короткий звук. На дереве, обхватив лапами ствол, резвились два медвежонка. Голос медведицы звучал как предупреждение и как призыв, но медвежата, видимо, обладали непослушным правом. Лишь когда ветер донес до них топот конских копыт, они с любопытством вытянули шеи и, струхнув, быстро спустились на землю. Медведица встала и, наподдав лапой по заднему медвежонку, медленно, с оглядкой направилась в заросли стланика. Наказанный пестун, скуля, семенил с братом позади матери.

Караван остановился на почлег у подножья высокой скалистой цепи Негоях. С утра, еще затемно, начался подъем в гору. Путников окружали туманное небо, ого-

ленные скалы и вымерший обнаженный лес. Деревья быстро мельчали, сменялись стелющимися кустарниками ольхи и полярной березки, выше которой простиралось царство мхов и лишайников. Лошади шли по корытообразной ложбине между терявшимися в облаках вершинами. Дул холодный встречный ветер. Никифор поглядывал на небо, готовое засыпать землю белесой крупой. Вблизи перевала он остановил лошадь и быстро спрыгнул с седла. Его зоркие глаза увидели впереди стадо диких оленей.

— Стрелять надо. С мясом поедем,— сказал он, обращаясь к Шпаку.

— Отлично! — воскликнул Шпак. — Демонстрация смелости и отваги! Давай, герой! Свежанинку я люблю!

— Тогда слушайте! — сказал проводник.

И он рассказал, что олень очень осторожное, но весьма любопытное животное. Когда ветер дует от него и он видит что-нибудь непонятное или незнакомое, он будет смотреть как зачарованный, держась на безопасном расстоянии, пока не поймет, что это такое.

— Сейчас ветер от них дует на нас,— продолжал Никифор. — Я обойду стадо, а вы поезжайте по направлению к оленям. Тогда стадо само придет к моей засаде.

Он взял ружье и, пригнувшись, побежал по склону. На фоне серого неба олени будто застыли, не в силах преодолеть любопытство. Дав время Никифору обойти их, караван передвинулся на несколько десятков шагов и остановился. Животные, как загипнотизированные, не трогались с места, и только новое передвижение каравана заставило стадо попытаться, но тут же снова остановиться. Любопытство и осторожность вели между собой напряженную борьбу. Передвижение продолжалось до тех пор, пока сбоку не грянул выстрел.

Стадо взметнулось и рассеялось. По склону горы, размахивая ружьем, бежал ликующий Никифор. Задержка

в пути была оправдана. Лошадей развьючили, и Сафи стал помогать Никифору свежевать тушу убитого оленя.

За перевалом последовал плавный спуск по узкой, заваленной валунами долине. Лес становился выше и гуще. Тропа выбежала из густых зарослей на мертвую, почерневшую гарь. Обугленные деревья взметнули к небу обожженные стволы и ветви. Отчаянно скорчились высохшие кусты. На камнях копоть. Вокруг — зловещая пустота. За гарью простиралась болотистая долина реки Мылги.

Караван остановился в небольшом эвенском стойбище Эсчан. Юрты чередовались с урасами, обтянутыми по-зимнему оленьими шкурами. Вечерело. Путников встретили в юрте с традиционным гостеприимством. Никифор отдал хозяйке часть убитого им оленя.

С утра юрта стала наполняться эвенками. Шпак с флягой спирта в руках расставлял свои коварные сети для простодушных охотников. Испытанный метод действовал безотказно. Эсчанцы давно не видали в своих краях чуждальных людей. Они сильно нуждались в чае, соли, табаке, тканях, ружьях, боеприпасах. Но прожженный торговец, как всегда, предпочитал дурманить им головы. Никифор, видевший многих купцов, и то удивлялся беззастенчивому грабежу охотников.

Обобрав эсчанцев, Шпак поспешно укладывал пушнину в переметные сумы, увертываясь от требований охотников дать им необходимые товары. Он разводил руками, прикидывался простачком, давал обещания, отшучивался и торопил каюров с отъездом. Охотники ударяли руками по бедрам, выражая так свою досаду.

Никифор, отправившись с Сафийкой разыскивать лошадей, с горечью произнес:

— Правильно говорят: лисица хвостом след замечает, а русский купец — языком.

— Народ здесь несмышленный,— ответил Сафи. — На

спирт набрасываются, как мухи на мед. А я бы с ним поторговался. Небось купил бы все равно!

— Не все такие. Был у нас крепкий старик охотник. Приехал купец, а он ему: вот тебе по две белки за кирпич чаю. А то, говорит, барыша много будет.

— Что же купец?

— Купец рот раскрыл. Долго сидел — торговался. Потом дал.

— Значит, уговорил его охотник?

— Нет, старуха потихоньку доплатила, чтобы старик не знал. Вот купец и дал.

— Зачем же она купцу потакала?

— Испугалась, что чай увезет. А где еще возьмешь? Нужда заставляет за гроши отдавать. Никто в тайгу товара не везет. Вот купцы и пользуются.

По запорошенной снегом долине Мылги, караван пробирался к Тасканскому наслегу. Тонкий ледок хрустел под ногами лошадей. Миновали устье Чек-Чека и вскоре вышли на обширную равнину. Речки здесь сильно петляли, течение воды было медленное, берега местами заросли камышом. Горы, словно гигантские зубчатые стены замка, виднелись далеко на горизонте. Впереди блестели изгибы реки Таскан.

В большой роще из лиственниц и тополей, окруженной пестрыми болотами, запорошенными первым снегом, на протяжении нескольких верст были разбросаны девять юрт якутских семей. Жестокая природа будто глумилась над людьми, но они стойко переносили невзгоды и вели неравную борьбу за свое жалкое существование. Болезни и голод — постоянный бич наслегов — уносили огромное количество жизней. Население вымирало.

Шпак устроил по обыкновению дневку. Бориска взял ружье и отправился с Сафийкой побродить по берегу Таскана.

— Вот мы с тобой и попали в глубь колымской тайги. Как думаешь, Сафи, найдем мы здесь золотишко?

— Где же его найдешь? Тайга велика, Бари, а сил у нас мало.

— Верно. Поэтому торопиться нельзя. Давай осмотримся, оглядимся. Подумаем, что делать дальше.

— С голоду умрем здесь.

— Не умрем. Плохо тут народ живет, да ведь и мы с тобой всегда не лучше жили. А здешние места мне нравятся. Видишь, — Бориска склонился над прибрежной галькой, — вот белеет кварц. Это гранит. А этот мягкий черный камень, кажется, сланцем называется. Все хорошие, приисковые камни. В этих краях может быть золото. Надо будет смастерить лоток и возить с собой, чтобы брать пробы.

— Никифор говорит, что тайга чужих людей неприветливо встречает.

— Мы с тобой не первый год по тайге ходим. Какие же мы ей чужие? Мы ее знаем, и она нас знает. Никифор думает, что мы из города пришли, а мы ведь старые таежники.

...Десять дней не было видно в пути никаких признаков человеческого жилья. И лошади и люди очень устали. С каждым днем становилось холоднее. Болота подмерзли, в заводях рек появились забереги. Золотая хвоя лиственниц устилала землю. Деревья стояли почти голые, ожидая прихода зимы. Не было видно ни птиц, ни зверей. После полудня пошел снег, подул холодный ветер, началась метель. Никифор ехал впереди и пел свою песню. Его островерхая шапка то и дело скрывалась в вихрях снега. Лошадь шла навстречу ветру с уныло опущенной головой. Тропу замело снегом, но проводник уверенно вел караван.

— Скоро Сеймчан! — крикнул он Бориске.

— Почему так думаешь?

— Дымом пахнет!

Как бы в подтверждение его слов лошади пошли бодрее. В лесу метель утихла, но снег падал не переставая.

Вскоре они увидели одинокую юртенку. Она стояла у дороги, подмигивая единственным тусклым оконцем.

— Приехали! — объявил Никифор.

Шпак вошел в юрту, поздоровался с хозяевами и опытным взглядом коммерсанта определил, что сюда купцы заглядывают чаще. На стене висело два ружья, в шкафу было много посуды. На столе — свежее масло, сбитые сливки, юкола. В чашках — крепкий чай с молоком.

— Хорошо живете! — заметил Шпак, подсаживаясь к столу.

— Хорошему человеку везде хорошо, — отозвался хозяин.

Сеймчанцы поддерживали изредка торговую связь с поселком Ола, откуда привозили необходимые товары. Но хозяин юрты жаловался, что к ним давно уже не приезжали купцы, а в Оле товаров нет. Шпак довольно улыбался. Ситуация складывалась благоприятная. Его грузы лежали на складе в Оле, и он чувствовал себя монополистом в этом обширном крае. В голове роились комбинации, сулившие большие барыши.

Никифор грел руки у камелька.

— Однако, сильная пурга будет! — сказал он.

— Почему? — спросил Шпак.

— Слышишь — огонь кричит! — указал он на камелек, где весело потрескивали дрова.

Мороз усиливался, и местность окутывал беловатый туман. На рассвете подул резкий ветер. Вихрь вздымал снежные клубы и переметал сугробы. Застонали деревья, осыпая с веток искристый убор. Жутко стало в тайге. Горе путнику в такую бурную погоду: пурга слепит глаза, знобит тело, как иглами колет лицо. Ураганный ветер клонит

деревья, свистит в ушах, завывает в печных трубах. В теплых юртах люди прислушиваются к его голосу, и их воображение рисует косматую голову мифического лесовика с лесовицей, танцующих фантастический танец.

Днем дверь распахнулась и в юрту ворвался клуб снежной пыли. Пожилой якут в меховом соне¹ и высокой беличьей шапке, опущенной соболем, медленно обвел взглядом присутствующих и не спеша принялся развязывать кушак.

Шпак сидел за столом, наблюдая, как незнакомец, обнажив седеющую голову, снимал сон с пышными, сборчатыми рукавами. На суконной куртке его теперь была видна массивная бронзовая цепь с большой медалью.

— Доробо, дотор! — сказал он.

— Доробо, доробо! — ответил Шпак.

Припелец подошел к столу и сел против Шпака.

— Мин тойон Мандров!² — ткнул он пальцем в свой толстый живот.

— Рад приятному знакомству! Как поживают, господин тойон, ваша жена и детки?

— Толкуй сох³, — ответил тойон.

— Шафигуллин ко мне! Переведи ему, что я рад познакомиться!

Бориска перевел. Тойон выслушал перевод, расспросил о цели приезда и, узнав, что Шпак является доверенным купца Кушнарера, удовлетворенно кивнул головой.

— Эн саха курдук!⁴ — несколько удивленно сказал тойон Бориске и просил передать Шпаку, что он доволен его приездом.

¹ Пальто якутского покроя (якутск.).

² Я тойон Мандров! (якутск.)

³ Не понимаю (якутск.).

⁴ Ты настоящий якут! (якутск.)

— Гайфуллин! — скомандовал Шпак. — Помоги-ка мне приготовить жертвоприношение! Тойон — это власть! Мы должны ублажить ему душу!

На столе перед тойоном появились кульки с сахаром, солью, мукой, чай, бутылка спирта и пачка табака.

Мандров принял это как должное. Сделав длительную паузу, тойон обернулся к Бориске:

— Охотников пусть не ждет. Все шкурки у меня. Со мной торговать будет.

Бориска перевел.

— Тоже неплохо! — сказал Шпак, метнув вскользь хитрый взгляд на тойона. — Шафигуллин, скажи ему, что для оптовой торговли у меня нет сейчас товара. Пусть подождет. Потом покупать буду!

Тойон кивнул головой, облачился в сон, взял сверток и ушел домой.

Пурга продолжалась, но порывы ветра слабели. На Колыме появилась пуга. Нужно было спешить с переправой лошадей на правый берег, где находились склад и жилой дом купца Кушнарера. Шпак рассчитался с Никифором и пожелал ему счастливого пути.

В КОЛЫМСКОЙ ТАЙГЕ

Шпак быстро освоился в своей резиденции на берегу Колымы. Он с удовлетворением отметил, что здание было построено добротно и хорошо сохранилось. После того как на окна были повешены занавески, а стол застелили скатертью, ему показалось, что в доме появился даже некоторый уют. Неловкость в отношениях между Шпаком и его подчиненными исчезла. Постоянное присутствие их в доме больше не стесняло его. Бориске были поручены лошади и заготовка дров, а работа по дому — Сафи.

Река стала, но тонкий лед не позволял еще сообщаться с Сеймчаном. Отправляясь проведать лошадей, Шафигуллин брал с собой ружье, но ни дичи, ни зверей не встречалось. Только однажды он заметил, как странный серый комочек вспорхнул и застыл на ветке. Бориска выстрелил, и на землю упал убитый зверек. С любопытством разглядывал он темные усы на острой мордочке. Складки шкурки, покрытой нежной светлой шерстью, соединяли передние лапки с задними и напоминали крылья летучей мыши. «Мне этот зверь незнаком, — подумал он. — Спрошу у Сафи, может быть, он знает».

Сафи высказал мнение, что это местная белка, но Шпак, взглянув мельком на зверька, громко засмеялся:

— Шутник! Это летяга! Никчемный зверь! Грош ему цена! Нашли что стрелять!

— Больше некого. Совсем пустая тайга.

— Неверно! — заявил Шпак.

Бориска пожал плечами.

— Мы прошли с вами две тысячи верст, — сказал он, — а много ли видели зверей?

— Ха-ха-ха! Какая наивность! И это называется таежник! Щенок! Молокосос! Мы идем по тайге и шумим. Конечно, звери разбегаются! Тайга любит тишину. И звери и охотники ведут себя тихо. Осторожность! Осмотрительность! Маскировка! Терпение! Выносливость! Словом, охотника из тебя не выйдет. Твой удел быть каюром.

— Наняться каюрами нас заставила нужда. Мы шли с другой целью — искать золото.

— Вот как? Искатели золота! То-то я вижу, что романтика прет у вас из всех пор! Где же вы хотите его искать?

— Здесь!

— Здесь? Искать золото? Как ты узнал, что оно тут есть? Ты что — Шерлок Холмс? Ник Картер? Нат Пинкертон?

— Я не знаю, есть ли оно тут. Нужно поискать.

— Ха! Он не знает и хочет искать! Это чистое безумие! Тут нет золота!

— Почему?

— Очень просто. Коммерсанты в тайге — это не только скупщики пушнины. Такой взгляд примитивен. Коммерсант в тайге — ее первый исследователь. Он все видит и слышит. Да-да, не забывайте об этом! Мы не пишем книг о своих путешествиях, нет. У нас другая цель. Мы не ищем золота. Но мы находим его там, где оно есть! Я торгую. Да! И пусть торгую, как торговали испанцы с индейцами. Все так! Скромность ни к чему! Будем смотреть действительности в глаза. Но кто показал конквистадограм американское золото? Испанские купцы! Они нашли его первыми. Нашли не в земле. Нет-нет! Скупили в индейских хижинах. Потом пришли конквистадоры, заставили индейцев показать, где они его берут, и все в порядке, и так и далее. А кто первый привез с Урала в Петербург самоцветные камни? Русские купцы! Тысяча примеров. А вывод один: коммерсант первый узнает о золоте. Он не пройдет мимо него. В этих краях коммерсанты не слыхали о золоте. Значит, здесь его нет!

— Купцы могут узнать о золоте, если его кто-нибудь уже нашел, — сказал Бориска. — И они узнают о нем, потому что я первый понесу купцу золото в обмен на товары. Но тут его не искали. Здешний народ к золоту неспособный.

— Пусть! Но запомните: пока местные жители не найдут его, и вы ничего не найдете.

— Почему?

— Вы ребенок! Бэби! Одного желания мало. Вы же в тайге! Чем обеспечено ваше существование? Ничем! А у них оно обеспечено. Их много, а вас двое. Они могут искать золото сотнями лет. Десятками поколений. А вы

сдохнете с голоду через полгода. Нет-нет! Искать здесь золото — это безумие! Бред! Смотрите лучше за лошадьми, мой милый каюр!

В погожий зимний день к резиденции Шпака подъехали сани. Ими управлял молодой скуластый парень с энергичным, но маловыразительным лицом.

— Тур! ¹ — скомандовал он лошади, натягивая вожжи.

С саней поднялся тойон. Неспешно отряхнув снег, он направился к дому. Гайфуллин подошел к саням. Лошадь была запряжена в старую без шлеи сбрую. Дугой служил согнутый сук березы.

Поздоровавшись, Сафийка разговаривал с парнем. Его звали Багылаем. Оставшись сиротой, он нанялся хамначитом ² к тойону. На нем была сильно потертая заячья куртка, коровьи торбаса и огромная папка из тарбаганьих шкур.

Сидя в санях, Багылай рассказывал о Сеймчане и сообщал, что сейчас в наслеге осталось мало людей — все охотники ушли в тайгу промысливать зверя. Вдруг раздались хлопки, похожие на выстрелы.

— Что это такое? — удивился Сафи.

— Сюлюкюттяр в карты играет, — сказал Багылай.

— Какой сюлюкюттяр?

— Дух водяной. Всегда, когда в карты играет, лед трещит.

— С кем же он играет?

— Может, с лесовиком играет. В прошлом году лесовик обыграл. Всех зверей в тайгу угнал. В этом году не знаю, как будет.

— Кто же тебе сказал об этом?

— Шаман говорил. Он все знает.

Багылай сказал это серьезно, убежденно. Тайга, по его

¹ Стой! (якутск.)

² Батрак (якутск.).

представлениям, была наполнена добрыми и злыми духами, которые общались друг с другом, дружили и враждовали, вели между собой борьбу и распространяли свою могучую власть на людей. Все удачи, несчастья, болезни и смерть приписывались действию всемогущих духов тайги. Посредниками между таинственным миром духов и людьми считались шаманы. Их несокрушимая власть была несравнимо больше власти тойонов.

Шпак угощал Мандрова и через Бориску договаривался с ним, как организовать олений транспорт для переброски грузов из Олы в Сеймчан. Тойон обещал собрать ездовых оленей. Одновременно Шпак выяснил, возможно ли наладить в Сеймчане постройку баркасов для сплава по реке Колыме. Тойон сообщил, что в наслеге есть только два плотника, и обещал прислать их для переговоров. Этот ответ не удовлетворил Шпака.

— А как вы, орлы, плотничать умеете? — обратился он к Бориске.

— Умеем!

— Тогда все в порядке, и так и далее!

— Будет в порядке, если найдем на складе инструмент, — ответил Бориска.

— Пойдем сейчас же! Медлить нельзя! Пилу, топоры, рубанки, стамески — все нужно найти. Что же ты стоишь, курлы-мурлы? Одевайся!

Шпак быстро накинул полушубок и выскочил во двор. Через четверть часа он входил в дом довольный, потирая руки.

— Я так и знал! — воскликнул он. — Какой дурак повезет отсюда железо? Его везут только сюда. Раз строили дом, то был инструмент. Раз был, значит, остался! Логика — это наука! Вы могли убедиться, что это так!

— Завтра начнем заготовку леса, — деловито сказал Бари.

— Люблю за ухватку! С таким, как ты, нигде не пропадешь!

Выбрав на берегу удобное место для спуска баркаса на воду, Бориска и Сафи отправились в лес пилить и вывозить деревья. Шпак прикидывал в уме размеры баркаса и набрасывал его чертеж. Вечерами обсуждали детали предстоящей работы.

В ноябре пришли ездовые олени. Морозы крепчали. Шпак, надев поверх полушубка доху, выехал с транспортом в Олу.

Постройка баркаса шла полным ходом. На другом берегу Колымы в это время тоже стучали топоры: сеймчанцы сооружали второй баркас. Люди часто подходили к костру, чтобы согреться. Среди них был и Багылай. Иногда он приходил в резиденцию Шпака, оставался там ночевать и с увлечением слушал рассказы Бориска и Сафийки о жизни на Большой земле. Багылай научил каюров Шпака делать и ставить петли на зайцев, и теперь у них на столе время от времени появлялось свежее мясо. Иногда им удавалось подстрелить куропаток, а однажды Сафийка принес глухаря.

Дни за работой бежали незаметно.

...Наступил 1913 год. Сеймчанский охотник Нукулун шел как-то на лыжах мимо дома Шпака. Он тянул за собой маленькие легкие санки с палаткой, железной печкой и продовольствием. Сверху лежала свернутая сетка из крученых конских волос. Впереди бежала собака.

— Куда направился? — крикнул Бориска.

— Соболя добывать иду.

— Далеко?

— Нет, близко. — Нукулун махнул рукой в сторону водораздела. — Там, в вершине речки, живет. Я следы видел.

Охота на соболя заинтересовала Бориску.

— Пойду-ка я с ним,— сказал он Сафийке.— Кстати, посмотрю, что тут за речки. А то живем мы с тобой здесь, а тайгу только издали видим. По долине Колымы о ней судить нельзя.

— Сходи.

— Возьмешь меня с собой? — спросил Бориска охотника.

— Зачем?

— Посмотреть хочу, как соболей промышляете.

— Раньше смотреть надо было. Когда я по сопкам бегал, следы искал. Теперь зря ходить будешь.

— Ты так говоришь, словно добыл уже соболя.

— Конечно, добыл.

— Ну вот и покажешь его мне.

— Показать можно. Пойдем.

Бориска достал лыжи, взял ружье и, помогая Нукулуну тащить санки, отправился с ним.

Пройдя несколько верст по долине Колымы, они свернули в распадок и по нему начали подъем в гору. Ночь застала их за перевалом. Поставив палатку, они настелили кедрового стланика, затопили печку и сварили мясо.

Рано утром, спустившись по речке, они свернули в долину ключа и пошли по ней вверх.

— Теперь близко,— объявил Нукулун.— Здесь живет. Верст через пять он показал Бориске следы соболя. Они петляли по долине, образуя сложный рисунок.

— Самый хитрый зверь — соболь,— сказал Нукулун.

Следы были старые, и охотники шли не останавливаясь. Собака то убегала куда-то в кусты, то появлялась около них и, повивая хвостом, снова устремлялась вперед. Русло ключика с крутыми берегами, соединенными валежинами, стало узким. Упавшие деревья, запорошенные снегом, висели как мосты. Их было очень много, и на каждом виднелись соболиные следы.

— Ни одной валежины не пропустит,— улыбнулся Нукулун.— Все обойдет, посмотрит.

В одном месте он остановился и позвал собаку.

— Однако, недавно ходил.

Собака принюхалась и стала петлять по следу, а охотники продолжали путь. Вскоре далеко впереди послышался собачий лай.

— Соболя видит,— сказал Нукулун.— Теперь гонять будет.

— Надо торопиться,— посоветовал Бориска.

— Не уйдет. Когда стланику много, уйти может. Здесь стланику нету.

Собачий лай приближался к охотникам, и Нукулун остановился. Через несколько минут можно было видеть, как вниз по долине, взметывая снег, скакал темный комочек. Он проскакал мимо охотников, спасаясь от преследования собаки.

— Стрелять надо,— Бориска поспешно сбросил с плеча ружье.

— Нельзя, шкурку испортишь. Сеткой ловить будем.

Охотники повернули и пошли по следу собаки.

— Домой побежал,— продолжал Нукулун.— Там его добудем.

Вниз по долине идти было легче. Далеко впереди слышалось тявканье пса.

— Загнала! — воскликнул Нукулун и, повинувшись охотничьей страсти, прибавил шаг.

Они подошли к толстой лиственнице, под которой была видна нора соболя. Собака скребла передними лапами мерзлую землю и, всунув в нору морду, шумно втягивала воздух.

Нукулун снял с санок сетку и разматал ее. Она была больше аршина шириной и около пятнадцати в длину. Через каждые полтора аршина поперек сетки были ук-

реплены тонкие деревянные палочки, немного выпущенные с одной стороны. На сетке в нескольких местах были подвешены бубенчики.

Размотав сетку, Нукулун с помощью Бориски воткнул выступавшие из нее палочки в снег. Вокруг дерева образовалась сетчатая изгородь. Затем в стороне поставили палатку.

— Теперь наш будет, — сказал Нукулун, залезая в палатку.

Охотники просидели до ночи, но соболь не хотел выходить из норы.

— Бойтся, видно. Спать будем — тогда пойдет, — решил Нукулун.

Постелив собаке веток возле сетки, охотники улеглись.

Перед рассветом чуть слышно звякнул бубенчик. Это соболь просунул голову в ячейку сетки и застрял в ней. Нукулун мгновенно выскочил из палатки, но собака опередила его. Со злобным рычанием вцепилась она зубами в голову зверька и задушила его. Когда Бориска выполз из палатки, Нукулун успел освободить соболя и с радостным видом держал его за хвост на вытянутой руке.

Напившись чаю, они тронулись в обратный путь. Вправо и влево уходили долинки ключей и узкие распадки. Бориска всматривался в них взглядом золотоискателя, и они нравились ему. По дороге он спросил у Нукулуна, не находил ли кто-нибудь в этих краях золота, но ответ был неутешительный. О Федоре Савельеве старый охотник тоже не слышал. Такой человек через Сеймчан не проходил. В прошлом году, по словам Нукулуна, проехал здесь русский — Березкин, но он смотрел дорогу от Олы в Оймякон и золота не искал.

В долине Колымы они вспугнули стайку куропаток. Бориска побежал за ними, но, к своему удивлению, ни одной не нашел.

— В снег спрятались, — сказал Нукулун и объяснил, что от холода куропатки часто зарываются в снег.

...Постройка баркасов успешно продолжалась. Напилив теса, Бориска с Сафийкой строгали в складе доски и обшивали ими борта и дно. Шпак вернулся с грузами в феврале, когда работа подходила к концу. Оставалось проконопатить и просмолить щели. Вслед за сеймчанскими оленями пришел олений обоз, нанятый Шпаком в Элекчане. Разместив товары в складе и отдохнув несколько дней с дороги, Шпак снова уехал в Олу.

— Смотрите, орлы! К моему приезду чтобы все было готово! — кричал он, вцепившись руками в нарту.

Олени, гремя боталами, рысью помчались по льду реки и скрылись за поворотом.

Закончив постройку баркаса, Бориска с Сафийкой помогали сеймчанцам довести дело до конца. Затем по льду они перевезли на лошадях сеймчанский баркас к резиденции, и флот Шпака был готов к плаванию. Получились две вместительные посудины, способные поднять несколько тонн груза.

В свободное время Бориска смастерил старательские лотки для промывки золота, насадил лопаты и отковал кайла из обрубков железа, найденных в складе. Получились они неказистые на вид, но вполне пригодные для работы.

В конце апреля Шпак привез новую партию товара. В Оле остались еще грузы, но вывезти их по зимней дороге времени уже не было. Приближалась северная весна, и Шпак стремился до вскрытия рек приобрести пушнину у охотников, вернувшихся в наследи с зимнего промысла.

По вечерам он любовно разбирал и приводил в порядок шкурки, скупленные по дороге из Олы, и ругался, что местные купцы успели здесь взвинтить на них цену.

В холодном складе на перекладинах висели тысячи белок, сотни лисиц, десятки соболей, выдр и другие меха.

— Теперь к тойону. Посмотрим его товар! — сказал Шпак, обращаясь к Бориске.

Прихватив подарки и флягу со спиртом, они верхом поехали в Сеймчан.

У жилища тойона маленький Шпак легко соскочил с седла и засеменил к двери.

— Доробо, догор! — закричал он. — Вот и я! Торговать приехал! По вашей рекламе!

Он выложил отрезы дабы, кульки с сахаром и солью, положил на стол пачку табаку и чаю. Хозяйка поставила мясо, рыбу и сбитые сливки.

— Ну-с! — сказал Шпак. — Так говорил Заратустра: кто рекламирует шустро, но не прельщает товаром — тот рекламирует даром! Шафигуллин, переведи, что я хочу посмотреть товар!

Тойон провел его в помещение, где висели шкурки. Шпак внимательно осмотрел их, прикинул стоимость товара и от удовольствия потер руки. Предстояла крупная сделка. Шпак не спешил.

Он вернулся к столу и, угощая всех присутствующих спиртом, налег на ужин. Когда тойон захмелел, Шпак заявил, что покупает всю пушнину.

— Сколько заплатишь?

— Это потом! Посмотри теперь мой товар!

Тойон был доволен таким ходом торговли и пил до тех пор, пока не заснул за столом.

За завтраком с тяжелого похмелья были допиты остатки спирта, но тойон просил налить еще.

— Сколько хочешь! — сказал Шпак. — С моим почтением! Но здесь водки нет. Запрягай лошадку. Дивный воздух! Тепло! Поедем ко мне! Товар смотреть будем!

Тойон стал собираться. Когда Багылай подал лошадь

и тойон, качаясь, пошел к саням, Шпак схватил Бориску за руку.

— Орел! Чтобы мигом! Ясно? Тащи все в сани!

Захватив полную охапку шкурок, Шпак юркнул во двор. За ним последовал Бориска.

Не ожидая такого оборота дела, тойон сказал:

— Однако, твой товар сперва посмотреть надо!

— Конечно, сначала смотреть будешь, — воскликнул Шпак. — Твой товар — это твой товар. Мой товар — это мой товар. Торговать будем!

Тойон успокоился, а Бориска продолжал носить шкурки, пока не перенес все. Тойон восседал на груде мехов в санях, которыми правил Багылай, а Шпак с Бориской следовали верхом.

В резиденции шкурки сразу сложили в склад. Сафийка накрыл стол и принес спирту.

— Что ты хочешь получить за пушнину? — спросил Шпак.

Бориска перевел. Тойон выпил, покраснелся и начал перечислять товары, добавляя, что ему всего надо много.

— Конечно, много надо! — сказал Шпак. — Я дам много. А довезешь?

— До-ве-езу-у!

Вечером пьяного тойона усадили на крыльце и приступили к погрузке товара на сани. Шпак не скупился и сам руководил погрузкой муки, соли, сахара, чая, пороха, дрови и, конечно, спирта. Несколько раз он подходил к тойону и спрашивал:

— Хватит или еще?

— Мало, — говорил тойон.

— Возьми еще, для тебя мне не жалко.

Наконец Багылай решительно заявил, что лошадь больше не увезет, и тойон, взглянув на воз товара, сказал:

— Ладно. Хватит.

— Нет, не хватит,— сказал Шпак.

Он велел привьючить еще два больших бидона со спиртом к своей лошади и послал Сафийку проводить гостя до Сеймчана. Наконец тронулись в путь. В санях на мешках восседал дремавший тойон в островерхой беличьей шапке.

Шпак, довольный, прохаживался по комнате.

— Завтра снова ждите тойона,— сказал Бориска.— Проспитесь и поймет, что отдал свой товар за бесценюк.

— Малыш! Детеныш! — вскричал Шпак.— У них свое понятие. Бедному рубль дороже, чем богатому миллион. Он в жизни не имел столько товара. Эквивалент — это чушь. Они не знают цены товару. Привыкли брать что дают.

— Но ведь товар-то не его, Григорий Осипович! Сейчас к нему явятся охотники и будут ругаться, что он дешево отдал.

— Это их дело! Теперь торговать будет он!

— И барыш будет иметь он?

— Конечно! Посредник должен иметь барыш. Тойон влез в торговлю, чтобы иметь барыш! И он будет его иметь! На это у него ума хватит. Кроме того, власть тойона сильна! Что даст, то и возьмут! Цены на пушнину здесь никто не знает!

В тайге быстро разнеслась весть, что Шпак привез товары, и к резиденции потянулись охотники из дальних колымских наслегов. Они приезжали на оленях и лошадях, обменивали шкурки на спирт, материю, боеприпасы, продукты и уезжали. Их поток прекратился лишь когда в воздухе повеяло весной.

Шпак целыми днями сортировал шкурки, составлял их опись, что-то подсчитывал и упаковывал в ящики.

Снег быстро сходил, потянулись перелетные птицы. Постепенно оживала тайга. Как-то ночью раздался треск,

где-то заухало, и по реке с громким шипением тронулся лед. С каждым днем его становилось меньше, и вода пошла на убыль.

Однажды на лодке в резиденцию приехали четыре сеймчанца, чтобы сопровождать Шпака вниз по Колыме до Балыгычана. Там он рассчитывал заменить их местными жителями, с которыми предстояло плыть дальше.

Баркасы спустили на воду и начали готовиться к отъезду. Бориска с Сафийкой оставались в Сеймчане. Им было поручено перевезти по летней дороге на лошадях пушнину в Олу для отправки пароходом во Владивосток и обратными рейсами вывезти в Сеймчан оставшиеся там товары.

Нагрузив баркасы, Шпак отправился в низовья Колымы. Тайга спешно прихорашивалась. По лесу распространился смолистый аромат лиственниц и кедрового стланика. Земля подсохла, и можно было отправляться в Олу. Сафийка съездил в Сеймчан за Багылаем, который должен был показать им дорогу.

Благополучно переправившись через Буюнду, караван продвигался вдоль берега Колымы по болотистому, кочковатому талону и на следующий день достиг устья Среднекана. Дальше дорога шла по долине. Она постепенно сужалась и становилась все круче и круче. Впереди виднелся перевал, но расстояние было обманчиво, и караван поднялся на него только вечером. Спустившись в долину реки Холокоучан, раскинули палатку.

Захватив лопату и лоток, Бориска отправился к речке. Расчистил обрывистый берег, вырыл ямку, положил в лоток несколько лопат земли, присев на корточки у реки, аккуратно промыл породу. На дне лотка блеснула крохотная, еле видимая глазом золотинка. Бориска не мог сдержать радостного возгласа. Завернув крупицу в бумажку, он углубил ямку, промыл еще лоток, но золота в нем не было.

Со своей находкой он вернулся в палатку и показал ее Сафи:

— Не так уж плохо. Первый же лоток дал знак золота. Значит, оно здесь есть.

Весь следующий день они шли по кочковатому болоту, поросшему редким лиственничным лесом, то поднимаясь на склон, то опускаясь в долину. В конце дня они достигли юрты якута Прокопия Винокурова. Зимой он ловил петлями зайцев и куропаток, а летом занимался рыбной ловлей. Рыбы еще не было, и Прокопий с удовольствием согласился сопровождать караван дальше, так как Багылаю нужно было возвращаться, чтобы ехать на толон косить сено для тойона. Караван медленно двигался по заболоченной долине. Как только лошади были расседланы, Бориска снова пошел искать золото. Прокопий и Сафи принялись собирать валежины для костра. Тучи комаров роились в воздухе. Лошади беспрерывно вздрагивали и хлестали себя хвостами, отгоняя докучливых насекомых.

— Дымокуры зажигать надо, — посоветовал Прокопий.

Вокруг было много влажного мха и гнилушек, которые подолгу тлеют и обильно дымят. Вскоре легкий ветерок стелил дым по земле. Животные приблизились к дымокурам, ища спасения от гнуса.

Вернулся Бориска и показал еще один значок золота. Сафи безнадежно махнул рукой.

— Если часто будут встречаться золотишки, то это неплохая примета, — не унывал Бориска.

Темнело, когда на тропу выскочил зайчонок. Он испуганно посмотрел на людей у костра, прыгнул в заросли и притаился. Сафи заметил его и поймал. Сердечко зверька колотилось от страха.

— Совсем еще маленький, сосунок, — сказал Сафийка. — Где-нибудь поблизости зайчиха сидит.

— Почему так думаешь? — удивился Прокопий.

— Как же он без матери проживет?

Прокопий рассмеялся.

— Нет, — хитро прищуривав глаза, сказал он. — Зайчихи своих зайчат не знают. Они бегают, ищут их, какого найдут, того и покормят молоком.

— Самый беззащитный зверь — заяц. Потому и врагов у него много. И звери и птицы охотятся на них.

— А все равно их много. Плодятся быстро, — заметил Бориска.

— Год на год не приходится, — не согласился Прокопий. — Какой год зайца навалом, а какой мало. Старики толкуют, что мор на них находит.

Сафи отпустил зайчонка, и тот, прижав уши, поскакал по тропе.

Утром караван тронулся в путь. Поднимаясь на Эльгенский перевал, Сафийка увидел на высокой лиственнице орлиное гнездо. Орлица с гордым видом сидела на краю гнезда и спокойно смотрела на проходивших.

Сафийка остановил лошадь и, взяв ружье, направился к гнезду.

— Ты куда? — спросил Бориска.

— Орла хочу подстрелить.

— Стой, несчастный! — заорал Прокопий. — Ты накликаешь на свою голову страшную беду! Нельзя стрелять танару!¹ Это дух-покровитель. Ты молод и опрометчив. Ты не знаешь, что танара покоряет злых духов тайги и не подпускает их к жилью человека.

Прокопий развязал тряпицу, достал недоеденный утром кусок хлеба и пошел к дереву, где было гнездо. Положив хлеб на землю, он стал громко просить орлицу смириться и принять от него скромный дар. Птица сидела неподвижно и, опустив клюв, смотрела на старика, стояв-

¹ Орел (якутск.).

шего с обнаженной головой. Так продолжалось довольно долго.

Шафигуллин окинул взглядом окружающую местность. Дебри колымской тайги охраняли от взоров людей тайны своих недр.

Пологий спуск с Эльгенского перевала через некоторое время сменился таким же пологим подъемом на Яблоновый хребет. Чем дальше продвигался караван, тем круче становилась тропа. Лес поредел и состоял теперь из низкорослых деревьев. Сразу подул свежий ветер.

На самой вершине хребта стояла чахлая лиственница. Она была принаряжена, как праздничная елка. Полинялые от дождя лоскутки материи, выцветшие ленточки, пучки конских волос трепетали на ветру среди зеленых веток.

Прокопий соскочил с седла, оторвал полоску от своей тряпочки и тоже привязал ее к дереву.

— Что ты делаешь? — спросил Бориска.

— Это наши дары добрым духам, — ответил Прокопий. — Духи покровительствуют в пути человеку. Надо благодарить их за благополучную дорогу.

С Яблонового¹ пологим спуском тропа вела по долине реки Мальманды к юрте Калинкина, где был устроен ночлег.

Не в пример другим эта большая юрта была построена добротно, и возле нее стоял склад. Здесь была своего рода перевалочная база служащего Амурского торгового товарищества П. Н. Калинкина, сумевшего впервые перебросить грузы на оленях из Олы в Сеймчан. Дальше товары сплавлялись в Среднеколымск по реке. В 1907 году Амурское товарищество распалось, и теперь Шпак по существу возобновлял торговый путь, который прежним предпринимателям казался слишком дорогим.

¹ Теперь он называется Мальманджинским хребтом.

Прокопий Винокуров, в свое время работавший каюром у Калинкина, сказал:

— Однако, хитрый был Калинкин. Много оленей нанимал. Сам князь Громов у него работал. Много пушнины скупал. Потом товары кончились и Калинкин уехал. Сказал, в другом месте сам торговать будет.

На следующий день, миновав Мальманду, караван направился вверх по долине Дондачана. Склоны гор поросли высоким стлаником. Он бахромой обрамлял дно долины и часто вторгался в ее пределы. Прокопий, как всегда, ехал впереди.

В середине долины его лошадь вдруг стала останавливаться. Не понимая причины, он сердито понукал животное, но лошадь, сделав несколько шагов, никак не хотела идти дальше. Тогда Прокопий приподнялся в седле, тщательно осмотрелся и вдруг, круто повернувшись, подъехал к Бориске и соскочил с лошади.

— Ружье давай!

— Зачем?

— Скорее давай!

Бориска зарядил берданку и протянул Прокопию.

— Держите лошадей, — шепнул Прокопий и, пригибаясь за кустами, побежал.

— Что там такое? — спросил Сафи.

— Кого-то увидел, велел держать лошадей.

Прокатилось эхо выстрела, и все увидели, как через долину к кустам бежит крупный медведь. Раздался второй выстрел, но зверь, не обращая внимания, продолжал бег и скрылся в зарослях стланика.

— Не то глаз худой, не то ружье худое, — сказал Прокопий, вернувшись. — Однако, глаз худой стал.

Он взял лошадь под уздцы и пошел впереди каравана. Дойдя до места, где находился медведь, он остановился и, разглядывая траву, произнес:

— Сильно раненный, видно, пошел. Смотри, сколько крови.

— Догнать нужно,— сказал Бориска.— Далеко не уйдет. Ну-ка дай ружье, я схожу по следу.

— Остерегись,— предупредил Прокопий.— Раненый медведь очень свирепый.

— Не бойся. Я пойду осторожно.

Бориска быстро зарядил ружье и зашагал по кровавому следу.

Войдя в кусты, он стал прислушиваться и, бесшумно раздвигая ветки, шаг за шагом продвигаться вперед. Поднявшись на террасу долины, он услышал где-то слева тяжкий стон.

«Живой еще»,— подумал Бориска и стал обходить медведя, поднимаясь на скалистую кручу, откуда открывался вид на террасу. Здесь стоны слышались явственнее, и скоро в зарослях он заметил черное пятно. Бориска начал медленно приближаться к нему, выбирая удобное место для стрельбы. Подойдя к обрыву, он увидел зверя прямо под собой и стал целиться, но необычное зрелище остановило его. Медведь лежал на спине, подтягивал к пасти ветки стланика и, срывая хвою, поспешно пережевывал ее. Затем выплевывал жвачку на лапу и со стоном прикладывал к ране на груди.

«Совсем как человек. Даже рану лечить умеет»,— удивился Бориска, и чувство сострадания готово было одержать верх над азартом охотника. Но неожиданно у него из-под ног выскользнул камень и полетел вниз. Зверь всполошился. Дело принимало опасный оборот. Нельзя было терять ни мгновения. Бориска выстрелил, и медведь замертво рухнул на землю.

По случаю удачной охоты было решено здесь переночевать, и вскоре в ведре над костром уже варилось свежее медвежье мясо.

На следующий день караван спустился в долину реки Нух и расположился на отдых. К утру стал накрапывать дождь. Он шел не переставая три дня. Казалось, не будет конца непогоде. Но вот встречный ветер разорвал тучи, и небо очистилось.

Передвигаться было трудно. После дождя лошади скользили по мокрой тропе, речки вздулись, острые камни на их дне не были видны в мутной воде. Вскоре горы уступили место широкой приморской равнине с болотами и озерами. Болота эти никогда не высыхают, поэтому ноги людей и животных скользят и проваливаются в решетины оголенных корней, тонут в глубоком мху, вязнут в жидкой грязи. Путники спешились и осторожно вели лошадей под уздцы.

На плоском, низменном берегу в устье Олы показались строения поселка. Он состоял из нескольких деревянных домов, трех десятков юрт, лавки купца Соловьева, складских помещений фирмы «Свенсон и К°» и небольшой церкви. Сама бухта была ничем не привлекательна. Северный берег ее скалистый, обрывистый, словно черная стена подходит к самому морю.

На рейде стоял пароход, доставивший из Америки товары для фирмы Свенсона, скупавшей здесь рыбу. На берегу моря лежали лодки и сушились рыболовные сети. Возле дома с вывеской «Школа» резвилась стайка ребят. Около церкви стояли и разговаривали псаломщик и священник в рясе, с крестом на груди. У ворот одного из домов Сафи с Бориской заметили пристава в форменной фуражке. Он внимательно оглядел караван и долго провожал его глазами: приезжие люди здесь появлялись не очень часто.

Бухта Ола имела большое значение для всего края, являясь воротами в необъятную богатую тайгу.

Бориска по поручению Шпака пришел к купцу Соловьеву, который вел дела Кушнарева в Оле и хранил ключи от его склада.

Полный, средних лет лавочник встретил его радушно. Подстриженные под кружок волосы и окладистая русая борода, прикрывавшая избитые оспой щеки, придавали ему степенный вид, но в глазах сквозило лукавство. Вручив Бориске ключ от склада, он сказал, что утром примет пушнину и выполнит просьбу Шпака отправить ее с парходом по назначению.

Развьючив лошадей, каюры разбили палатку и сидели возле костра. Холодные волны Охотского моря плескались о берег, и ветерок доносил запах соленой воды. Облака висели совсем низко, и казалось, вот-вот пойдет дождь.

Днем в склад пришел Соловьев и принял ящики с пушминой. Затем он показал остатки товаров Шпака, которые нужно было перевезти в Сеймчан. Бориска решил, что их можно перебросить в два приема.

Усталые лошади нуждались в отдыхе, поэтому караван мог выступить в обратный путь не раньше как через неделю. Воспользовавшись этим, каюры знакомились с местными жителями и их жизнью. Прокопий не раз бывал в Оле, и он повел Бориску с Сафийкой к своему знакомому якуту — Макару Захаровичу Медову.

В закопченной избе они застали хозяина дома, человека лет сорока, и его приятеля, старого якута Килланаха. Это был могучий человек с карими, пронизательными глазами. Килланах протянул Прокопию огромную руку с узловатыми, необычайно длинными пальцами.

После традиционного обмена новостями завязалась беседа. Узнав, что Бориска с Сафийкой приехали из Якутска, Килланах очень заинтересовался ими. Он рассказал,

что они с Макаром родились и выросли в Якутске, а здесь поселились пятнадцать лет назад.

Долгое время Килланах служил ямщиком. По всей округе шла о нем слава, как о самом сильным и выносливым человеке. Соревноваться в быстроте езды с ним не брался никто. Он настолько умело управлял лошадьми, что они при очень быстрой езде уставали меньше, чем лошади других ямщиков. Событием в жизни Килланаха была поездка из Якутска в Вилюйск, когда он вез ссыльного писателя-революционера Николая Гавриловича Чернышевского.

При богатырской силе Килланаха ему не было равного в якутской борьбе.

— Однако, один раз попался лукавый человек, — сказал Килланах и показал четыре искривленных пальца на левой руке. — Лукавством хотел взять. Прямо-то не мог. Все равно я бросил его на землю.

На Килланаха обратил внимание купец Коковин. Некоторое время Килланах работал у него кучером, а потом Коковин предложил ему возглавить экспедицию по переброске грузов из Охотска в Якутск.

— Барыша большого Коковин искал. Денег много обещал. Согласился я, пошел. Вот Макар пошел со мной, Гавриил Аммосов, Макар Захаров, Артемьев, — энергично жестикулируя, рассказывал Килланах. — Шли осенью пешком. Потом зима застала — ехали верхом по тайге. От юрты к юрте, от урасы до урасы пробирались. Когда эвены провожали, когда сами шли по солнцу на восток. Дошли, однако. Лодки сделали, взяли товар и весной 1893 года назад поплыли. Пол-лета по реке Охота вверх шли. На лошадях по берегу лодки тянули. Потом в скалу уперлись. Волоком лодки перетаскивали, товар перевезли. Дальше по реке Юдома вниз поплыли и через Алдан в Якутск пришли. Похвалил Коковин. Опять послал. Близкая дорога.

Удобная. Скала только мешала. Взорвать ее надо — тогда совсем хорошо будет. Пять лет груз возили. Потом не захотел Коковин: «Пароходов-то, говорит, на Лене много стало». Прогнал нас и денег не дал. Куда идти? Сам видел, как народ в тайге живет. Пошли мы с Макаром обратно в Охотск, а оттуда сюда переехали. С тех пор здесь живем — рыбу ловим, на собаках ездим, охотой промышляем.

Килланах отрезал кусок копченого балыка и стал запивать его чаем.

— Сколько же тебе лет? — спросил Сафи.

— Восемьдесят три, — ответил Килланах.

— Железный человек, — сказал Медов. — Время не берет его. Абааса¹ совсем забыла о нем.

На берегу моря Бориска встретил другого жителя Олы. Он шел с ружьем и был обвешан морскими утками. Шафигуллин поздоровался.

— Здравствуй, — ответил тот. — Откуда приехал?

— Из Сеймчана.

— Понятно. А я удивился. Пароходов из Владивостока еще не было, а новые люди откуда-то появились. Я уж думал, что с Охотского прииска.

— Что с прииска, это вы угадали. Только не с Охотского.

— А с какого же?

— С Ленского.

— С Ленского? Интересно! Пойдем ко мне. Чайку попьем, поговорим. Скучно тут. Как тебя зовут?

— Бориска.

— Ну, а меня — Илья Тимофеевич Бабцев. Вот мы и познакомились.

Они подошли к дому. Илья Тимофеевич бросил уток на крыльцо и, войдя в дом, сказал:

¹ Смерть (якутск.).

— А это моя супружница, Анисья Степановна. Прошу любить и жаловать. Сооруди-ка нам, мать, яишенку да чайку. Так ты, говоришь, с ленских приисков? Слыхали мы тут о ваших делах, слыхали! У вас-то дело кончилось, а в России забастовки до сих пор продолжаются. Во всех газетах пишут. Мы тут редко их получаем, сразу за полгода, но все-таки читаем.

— А чем кончилось дело на Лене?

— Вот-те раз. Разве ты не знаешь?

— Нет. Мы ушли оттуда в апреле прошлого года.

— Была сенатская ревизия, да что в ней толку? Увеличили жалованье горнорабочим на три копейки в день — вот и все. Ну, а дальше пытались заставить рабочих прекратить забастовку, но из этого ничего не вышло. За лето четыре тысячи человек покинули прииски.

— Уехать оттуда еще при нас все решили. Мы с Сафи сразу ушли — терпение всякое лопнуло.

— Решение правильное. Только от кабалы никуда, браток, не уедешь! Я вот старый питерский рабочий. На военном заводе работал. Отравление получил. Два года в постели провалялся. Думал, помру. Жена кое-как отходила. На заводе работать больше мочи не было. Поехали мы с Анисей к шурину во Владивосток. Прослышал про вольную жизнь здесь. Приехали, покрутились, а кроме как на рыбалку никуда не наймешься. Забросил я совсем свое ремесло — пошел рыбу ловить. Ездили мы с женой, ездили и заехали в эту глушь. Тут и остались. Везде один черт. Сколько хорошей жизни ни ищи — нигде не найдешь.

Бабцев прошелся из угла в угол. Приветливое лицо его стало хмурым от невеселых воспоминаний.

— Поначалу трудновато было, а со временем привыкли. Ловим рыбу, солим, коптим, икру приготавливаем. Осенью пароходы приходят — продаем рыборотловцам.

Тем и живем. Хозяйства тут не разведешь — не растет ни дьявола. Только море и кормит. Весной яйца диких уток и бакланов на скалах собираем. Птицу морскую бьем. На зверей в свободное время охотимся. Живем как на острове. Дорог нет — одна тайга да болота. Без дорог и лошадей тут никто не держит. На собаках ездим, а таежные жители на оленях разъезжают. Лошади тут нишечем, да делать с ними нечего.

— Почему нечего? — сказал Бориска. — С ними хлопот мало. В якутских наслеггах для них даже сена не заготавливают. Круглый год на подножном корму держат, а молодая конина не хуже говядины.

— Знаю, якуты конину едят, но здесь на нее любителей мало. Мы свиней разводим. Сами рыбу едим и свиней ею кормим. Свинина хоть и не особенно вкусная получается, потому как рыбой отдает, но при нашем достатке церемониться не приходится.

— А звери какие здесь есть?

— Разные. Зайцы, белка, лисы водятся. Но больше всего медведей. На берегу тропа наторена не хуже столбовой дороги. Говорят, от самого Владивостока тянется. Сейчас для охоты время подходящее, медведи к речкам идут рыбу ловить, а ее еще нет. Может быть, сходим вдвоем, попытаем удачи?

Бориска охотно согласился.

— Тогда давай чайку попьем, отдохни пойдешь, а к вечеру являйся. Вон на ту горку пойдешь, я там следы видел.

На закате охотники переехали через реку Ола и у подножья высокой, скалистой горы вышли на медвежью тропу. Идти по ней было удобно. Только в зарослях ветки кустов хлестали по лицу, напоминая, что люди идут по зверовой тропе. Поднявшись наверх, охотники выбрали место в стороне от тропинки и засели в кустах. До ночи медведи не появлялись.

— Теперь до утра не придут, — сказал, вставая, Илья Тимофеевич. — Давай-ка отойдем подальше и разведем костер, а на рассвете снова будем караулить.

Под треск сухих веток, охваченных огнем, Бабцев говорил:

— Живем мы тут, как кроты. Тишина, спокойствие. Кажется, везде так. Но в России неспокойно, она бурлит. На фабриках и заводах наш брат рабочий все громче подает свой голос. Стачки, забастовки, маевки. В деревнях мужик разгибает свою могучую спину. Общая судьба наша горькая сплывает на борьбу. Силища огромная! Если поднять всех нас, браток, блин от царской власти останется. А нас есть кому поднять. Социал-демократия ведет большую работу среди рабочих. Разных я слушал. Одни против царя, но фабрикантов выгораживают. Другие помещиков защищают. Самую правильную линию большевики ведут. Всех паразитов надо уничтожить: и царя, и фабрикантов, и помещиков. Все нужно отдать рабочим и крестьянам. Мы работаем — наша и власть должна быть в России. Эх, ма! Превратили они меня в инвалида, сволочи! Но когда дело до драки дойдет, то и мы покажем еще себя.

Костер догорел. Илья Тимофеевич, выкурив сигарку, задремал. С моря надвинулся туман. Он клубился, оставляя на одежде мельчайшие капельки прозрачной влаги. Короткая летняя ночь подходила к концу. Бориска встал и, чтобы размяться, пошел по пологому спуску. Дойдя до бровки небольшого уступчика, он остановился. Клубы тумана то застилали все, то приоткрывали перед ним лесную поляну. Неожиданно в просвете он заметил на расстоянии выстрела двух медведей. Они стояли к нему боком и что-то ковыряли в земле.

Вскинув ружье, Шафигуллин прицелился, но в тот момент, когда он спускал курок, звери заметили его и резко

повернулись. Прогремел выстрел. Один из косолапых бросился бежать в лес, а другой, припав на задние лапы, с ревом пошел на охотника. Бориска передернул затвор и снова выстрелил, но не попал. Раненый зверь приближался.

— Лежа стреляй! — услышал он голос бегущего к нему Бабцева.

Бориска быстро лег и, собрав всю силу воли, прицелился. Раздался выстрел. Медведь сильно мотнул головой, повернулся и, волоча задние ноги, поплелся к лесу и скрылся в кустах.

Охотники решили преследовать подранка. С большой осторожностью раздвигали они кусты, спускаясь к морю, пока не вышли на берег. Неподалеку от них раненый зверь пытался зайти в море, но всякий раз, как он приближался к воде, волны прибоем отбрасывали его назад.

— Куда он лезет?

— А пес его знает!

Бабцев подкрался поближе и, лежа за скалой, выстрелил. Медведь упал. Бориска побежал к нему.

— Осторожнее, — остановил его Илья Тимофеевич. — Давай-ка сначала посмотрим на его уши. Если прижаты, то подходить нельзя. Зверь часто притворяется мертвым, а подойдешь — внезапно закогтит.

Уши у медведя торчали. Тогда охотники сломали длинную жердь и, приблизившись к нему, несколько раз с силой толкнули зверя в бок. Он не подавал никаких признаков жизни. Оттащив тушу от воды, они принялись свежевать ее.

— А вот тебе и причина, почему медведь залез в море, — сказал Илья Тимофеевич. — Первым выстрелом ты раздробил ему хребет, и у него отнялись задние ноги. Вторая пуля попала в голову, но не раздробила черепа, а скользнула по нему, рассекла кожу на лбу, и кровь зали-

ла ему глаза. Теперь ясно: медведь искал воду, чтобы промыть глаза и обрести зрение.

— Пожалуй, правильно. Медведи могут себя лечить. Я сам это видел, — ответил Бориска.

Вспорол зверю брюхо, Илья Тимофеевич вырезал печень с селезенкой и сказал:

— Это бросать не будем, отдадим Лю Сяо.

— Какому Лю Сяо?

— Живут у нас два китайца — Лю Сяо и У Фа-лин. Они и золотоискатели, и рыбаки, и огородники. Пришли с Охотского прииска. У них медвежья желчь высоко ценится как лекарство при болезни желудка. Лю Сяо просил меня при случае принести.

— Надо познакомиться с ними, — сказал Бориска. — Хочется расспросить об Охотском приiske.

— Ну что же, я познакомлю тебя.

Шафигуллин сбегал в Олу за лошастью, и медвежатина была вручена Аниусе Степановне.

Китайская фанза стояла на краю поселка. Низкая крыша, навес перед входом и высокая деревянная труба выделяли ее среди остальных построек. Внутри фанзы был проход между двумя канами, служившими для сиденья и сна. Внутри кана устраивается дымоход, и потому поверхность его всегда теплая. Немолодой уже Лю Сяо сидел на циновке, поджав по-китайски ноги. Одет он был в синие шаровары и коротенькую синюю курточку из дабы. В руке у него была трубка с металлической головкой и длинным тонким деревянным мундштуком. В ответ на приветствие гостей Лю Сяо, улыбаясь, произнес:

— Тун хао, ходя!¹

Он очень обрадовался подарку, засуетился и предложил попробовать выращенную им редиску.

¹ Здравствуйте! (китайск.)

— Моя ваша шибато, шибато спасибо. Моя чего-чего боли — кушай буду, — говорил Лю Сяо, указывая на пещеру медведя. — Шибато шанго¹.

— Я слышал, что вы работали на Охотском прииске. Как там золотишко? — спросил Бориска.

— Наша Охотске мало-мало конходи². Тинза³ шибато пу хао⁴. Один солнце конходи — тинза мей ю⁵. Земля шибато много, тинза шибато мало. Один люди конходи, чи фан⁶ нету. Другой люди конходи — чи фан нету. Наша так не могу. Совсем пропади. Другой место ходи. Много люди другой место ходи.

Картина была ясна. Старатели добывали на Охотском прииске так мало золота, что не могли обеспечить себе пропитание, и разбегались.

Во время беседы с Лю Сяо пришел У Фа-лин. Его вид поразил Бориску: все лицо и череп избороздили глубокие шрамы. Раковина левого уха была разорвана пополам, на месте правой поздри зияла глубокая дыра, искалеченное правое веко обнажило верхнюю часть глазного яблока. Обезображенное лицо застыло в виде страшной, неестественной маски.

— Самый смелый охотник, — сказал Илья Тимофеевич. — С тиграми сражался. Это очень любопытный случай. — И он попросил У Фа-лина рассказать о нем.

Тот, очевидно, привык повторять невероятную историю, происшедшую в Приморье на реке Бикин. Усевшись на циновке, он начал рассказ на том русско-китайском диалекте, которым широко пользовались на Дальнем Востоке

китайцы и русские в разговорах между собой. У Фа-лин в течение нескольких лет вдали от людских жилищ сеял опиумный мак. Он жил один в маленькой фанзочке и обрабатывал разбросанные по тайге плантации.

Однажды, захватив ружье, он перевалил через сопку, поросшую кустарником, и увидел в пятидесяти шагах от себя тигра. Зверь что-то рассматривал на земле. У Фа-лин вскинул ружье и выстрелил. Тигр упал, но было неясно, убит он или ранен. Охотник перезарядил ружье и внимательно следил за поведением зверя. В это время он услышал в стороне шум раздвигаемых кустов и, взглянув, обомлел. Крупными прыжками на него неслись второй тигр. Расстояние быстро сокращалось. У Фа-лин отчетливо сознавал, насколько велик риск стрелять издали. Шансы попасть в тигра были ничтожны, в то время как промах привел бы к трагическому концу. Молниеносно передернуть затвор ружья для второго выстрела он не успел бы, поэтому У Фа-лин решил стрелять в упор.

Когда тигр подскочил к нему и взвился для последнего прыжка, У Фа-лин выстрелил влет, но пуля не остановила зверя. Полосатая громада обрушилась на охотника, подмяла его под себя и, захватив голову в пасть, сжала мощные челюсти с саблевидными клыками. У Фа-лин услышал, как затрещали кости его черепа, но не потерял самообладания. Выхватив нож, он нанес зверю несколько глубоких ран в грудь. Тигр упал, а охотник, высвободив голову, отполз в сторону и, обливаясь кровью, дивился тому, что он еще жив.

Через некоторое время У Фа-лин с величайшей тревогой стал ощупывать голову. Дрожащими пальцами он искал проломы или выступы раздробленных костей. Но череп был цел. Это открытие его поразило, так как хруст костей не был галлюцинацией. У Фа-лин разорвал рубаху, обвязал ею голову и кое-как добрался до фанзы. У него

¹ Прекрасно (китайск.).

² Работать (китайск.).

³ Золото (китайск.).

⁴ Плохой (китайск.).

⁵ Нет (китайск.).

⁶ Еда (китайск.).

достало сил, чтобы промыть и забинтовать раны. Ужасные следы этих ран остались на всю жизнь.

Поправившись, У Фа-лин пошел к месту трагического поединка. Убитые тигры успели разложиться, и вокруг них хлопотала целая стая ворон. Подойдя к трупам хищника, У Фа-лин понял причину своего спасения. Выстрелом он раздробил нижнюю челюсть зверя, и, когда тот попытался сжать охотнику череп, перебитая кость хрустнула, челюсть отвисла и потеряла свою могучую силу. Это и спасло охотника.

Смеркалось, когда Сафи пришел в фанзу и сообщил, что Анися Степановна зовет ужинать. К ужину подошел знакомый Ильи Тимофеевича — Михаил Ильич Канов. Он давно приехал на Охотское побережье, но жил то в Ямске, то в Оле, а в 1912 году старался на Охотском прииске. Услышав об этом, Бориска сразу же стал расспрашивать Канова об охотском золоте.

— Да что о нем говорить, — ответил Михаил Ильич. — Охотское золото известно давно. Еще в 1895 году несколько человек старались на реке Лантарь, но подходящее золотишко нашли позже, на притоках Кухтуя. В прошлом году слух о нем далеко разнесся. Вот и тронулись туда старатели. Даже с Аляски приехало человек двадцать. Было среди них несколько американцев, а остальные — русские, жители Аляски с тех времен, когда она еще наша была. Снабжала их Аянская корпорация. Думали, что новая Аляска отыскалась, но промахнулись. Аляски не получилось. Есть золото, но небогатое. Американцы — люди деловые. Сразу оценили положение, и многие уехали назад. Те, что остались, вместе с зейскими золотоискателями продолжают поиски. Наносы там неглубокие, работать удобно, но фартит не всем. Мне тоже не повезло. Потому и уехал оттуда.

— Напрасно уехали, — сказал Бориска, — быстро золо-

то не найдешь, а риск всегда большой. Но кто не рискует — тот не выигрывает.

— Знаю. Но под риск один раз снабдят харчами, а в другой раз откажут. В нашем риске нужна помощь, а голодным рисковать не будешь, потому что сил у человека в запасе мало. Видел я, как, шатаюсь от голода, люди из тайги выходили с пустыми руками. Искать золото хорошо лишь тогда, когда ты сыт. А настойчивости у золотоискателя хватает.

— Правильно говоришь, — задумчиво ответил Бориска. — Потому и нужно счастье пытаться попутно с какой-нибудь работой. Хорошо бы на Охотский прииск посмотреть, но уж очень мне Колыма нравится. Там обязательно фарт найдется.

— О Колыме много говорят. Только толком о ней никто ничего не знает. Вот вы с Колымы пришли. Много там народу живет?

— Нет.

— А богато живут?

— Нет.

— Вот и попробуй там искать золото. И просто, а как продержись вдалеке от населенных мест? Сам мечтаю на Колыме побывать. Только мечту эту трудно осуществить. Хоть бы зацепка какая была... Я бы рискнул. Встречали вы там золото?

— Знаки попадаются.

— Этого мало. Нужно россыпь найти. Тогда туда наш брат пойдет. Потому что от Охотска до Гижиги много народа, способного к добыче золота, слоняется без дела. Только сигнал подай — я первый пойду куда хочешь. У золотоискателя всегда зуд в ногах и руках. Никакие лишения не остановят.

— Это так, — согласился Бориска. — Если найду — обязательно сообщу.

За неделю Сафийка и Бориска перезнакомились со всеми жителями поселка, но особенную симпатию они питали к семье Ильи Тимофеевича, куда часто заходил Канов.

Лошади отдохнули, и каюры Шпака торопились ехать в Сеймчан. Теперь они знали, откуда начинается кратчайший путь на Колыму и где можно найти помощь, если случится беда. Якутск, откуда они пришли, казался прозрачным и ненужным, куда возвращаться не имело никакого смысла.

В Оле они почувствовали близость фронта золотоискателей, готовых наступать на седую колымскую тайгу. Связь с этим фронтом терять было нельзя.

ЗНАКИ ЗОЛОТА

Перед отъездом Бориска отдал Соловьеву ключи от склада, и караван тронулся в путь. Прокопий достал у знакомых якутов рыбы и был доволен. Сидя в седле, он пел свою бесконечную песню. Бориска рассчитался с ним продуктами. Старик поблагодарил его и пожелал счастливой дороги.

Местность теперь была знакомая, путь казался короче. Долины цвели: на обсохших речках розовели свечки иван-чая, в низинах пестрели головки желтых, белых и фиолетовых цветов. По небу плыли редкие облака.

За юртой Осташкина караван перевалил через хребет в вершине реки Холокоучана и вышел в долину Среднекана.

— Красивое тут место,— сказал Бориска.

— Кругом одинаково,— ответил Сафи.— Горы да тайга.

— А у моря тебе понравилось?

— Не очень, но лучше, чем здесь.

Когда лошадей отпустили пастись, Сафи занялся приготовлением обеда, а Бориска отправился побродить по склону горы. Поднимаясь вверх, он обратил внимание на обломки кварца и стал их рассматривать. Ржавый, поздраватый кварц с блестками пирита заинтересовал Бориску. Он собрал образцы и, вернувшись к костру, показал их Сафи.

— Смотри, кварц с хорошей приметой. Помнишь, инженер говорил о горелых жилах? Наверно, здесь есть горелая жила. Надо будет поискать ее, когда поедем еще раз в Олу.

— Надо не жилу искать, а яму копать в долине, если хочешь золото найти.

— Ямы будем зимой копать. Сейчас вода не позволит. Сразу яму зальет. А жилу проследить можно.

Сафи мало верил в успех поисков и ничего не ответил своему другу. Они пообедали молча, завьючили сытых лошадей и тронулись в путь. Миновав долину Среднекана, караван приближался к устью Буюнды. Теперь уже было рукой подать до резиденции Шпака.

Возле запустелого дома на солнцепеке жужжали мухи, и огромные лопухи раскинули шершавые темные листья. Колыма обмелела, и поверхность ее отливала зеркальным блеском.

Отдохнув несколько дней, каюры Шпака привьючили к седлам лошадей последние ящики с пушниной и снова выехали в Олу. Бориска прихватил с собой лопату, кайло и лоток. Интерес к хорошо теперь знакомой дороге был потерян, и каждый погрузился в свои думы.

В долине Среднекана поставили палатку, отпустили лошадей и отправились искать кварцевую жилу. Вскоре нашли ее выходы и занялись протолочкой кварца, используя для этого кайло и топор. Большой камень с вогнутой поверхностью заменял ступу. К вечеру натолкли два лотка

белого порошка, и Бориска аккуратно промыл его. На дне обозначалось пылевидное золото.

— Есть тут золото в долине! — обрадовался Шафигуллин.

— Нам нужно богатое золото, как в шахтах на бодайбинских приисках добывают. А это не золото! — махнул рукой Сафи.

— Дай срок. А сейчас поехали дальше!

На остановках Бориска не расставался с лотком. Он проходил закопуши и опробовал речные наносы. Несколько раз его зоркий глаз улавливал в лотке едва заметные золотишки. Сияющий значок казался отверстием, просверленным тонким золотистым лучом, падавшим на дно лотка. И каждый такой луч был для него лучом надежды на успех. Ведь золотоносный пласт чрезвычайно редко залегает у поверхности земли. Обычно он прикрыт толстым слоем пустой породы, и уж если значки золота встречаются в верхних слоях, то под ними могут находиться россыпи с высоким содержанием металла. В таком случае нужно углубиться вертикальной выработкой и опробовать породу, лежащую на глубине.

По расчетам Бориски, Шпак должен был вернуться в Сеймчан по зимней дороге не раньше декабря, а Сафи и без Бориски мог закончить перевозку груза в августе. А ему по крайней мере три месяца можно использовать для разведки золота. Нужно лишь удачно выбрать место. Далеко от резиденции они отлучаться, конечно, не могли. Оставалось начать разведку в долинках вблизи дома. Бориске понравились места, где он зимой охотился на зайцев, и друзья решили отправиться туда.

Размышляя о поисках золота, Шафигуллин плохо следил за дорогой, но умная лошадь шла, не сбиваясь с тропы, по долине реки Гербы. В одном месте он поднял голлову и не сразу мог сообразить, откуда взялась рыжая

собака, неторопливо бежавшая рысцой впереди каравана. Это была лиса. Ее смелость поразила Бориску. Плутовка бежала с опущенным хвостом, беспрерывно поглядывая назад. Как только лиса заметила, что на нее обратили внимание, она шмыгнула в сторону и исчезла в кустах..

Проезжая мимо орлиного гнезда, Бориска с Сафийкой увидели, что из него выглядывают два желторотых орленка, а высоко в небе кружит орел. Несколько раз на тропу выскакивали зайцы, рядом взлетали куропатки, но задерживать караван не хотелось. За равниной лежала Ола.

В поселке чувствовалось оживление. Рыбная путина была в разгаре. Кунгасы возвращались с богатым уловом. На берегу разделявали рыбу. Каждый был занят с утра до вечера своим делом. Море кормило людей и, кроме того, позволяло выручить деньги для покупки всего необходимого на зиму. Все спешили полнее использовать время путины.

В лавке Соловьева тоже произошли изменения. Пароходы доставили грузы, и ассортимент товаров стал значительно разнообразнее. Местные жители чаще заглядывали сюда, и купец повеселел.

— Быстро вы обернулись, — сказал Соловьев, с довольным видом разглаживая бороду.

— Теперь мы дорогу знаем, Михаил Петрович, — ответил Бориска.

— Ну, ну! Пойдемте на склад. Устали, чай, с дороги.

Вечером Бориска и Сафи сидели на берегу бухты. Ветер стихал, и море постепенно успокаивалось. Беляков было мало, и накатывали волны ритмично ударяли в береговые валы. Горизонт темнел, линия его становилась неясной, но на западе отсветами вечерней зари еще светилось небо. Чайки с криками подолгу кружились в воздухе. С удивительной легкостью они опускались на воду, снова поднимались и без конца перелетали с одного места на другое.

— Какая легкая птица, — заметил Бориска. — Смотри, у нее только брюшко касается воды.

— Бесплезная птица, — ответил Сафи.

— Зато красивая!

Стаи чаек казались белыми пятнами на поверхности моря. Поодаль от них держались мартины. Среди них мелькали чистики. Последние кунгасы подходили к берегу. С моря дул небольшой ветерок, и на Олу медленно надвигался туман. Он лежал на самой поверхности воды, и казалось, что горизонт затянут мглой.

Сдав пушнину и захватив остатки товаров Шпака, Бориска опять затопился в Сеймчан. Перед отъездом Соловьев вручил Бориске телеграмму, полученную для Шпака из Якутска от Кушнарева. Ее доставили из Армани, где был телеграф.

Снова тот же путь, и теперь он подавлял своим однообразием. Оставались позади изогнутые полосы рек, прибрежные заросли тальника, сопки и хребты, спуски и подъемы, ночлеги в закопченных пустых юртах. На их месте возникали новые, и так без конца. Кругом ни души. Говорили, что где-то в стороне есть эвенские стойбища, но эвены не живут на месте и вечно кочуют по тайге со стадами оленей. Кругом безлюдная пустыня. Горы стоят загадочной стеной. Человек робко обходит их, не решается вступить в их пределы. Найдутся ли такие герои-богатыри, которым под силу оживить эту обширную горную страну и превратить ее в обжитые места, где будут работать и жить люди, завещая потомкам приумножать плоды своих трудов? Откуда могут прийти такие богатыри? Кто пошлет их сюда?

Караван выходит на правый берег Колымы и останавливается у построек резиденции Шпака. Отпустив лошадей и нагрузившись котомками, Бориска и Сафи направились к истокам Балыгычана. На фоне зеленого наряда

тайги забелела палатка и возле нее взвился дымок от костра.

В одной из долинок Бориска вымыл значок золота и решил начать разведку. Успех ее во многом зависел от удачного выбора места для ямы. Но как обыкновенному старателю правильно выбрать такое место? Незнание невольно делало людей суеверными. Вооружившись инструментом, Бориска пошел по долине, высоко подбрасывая в воздух кайло. В одном месте оно упало, возвившись острием в землю. Здесь и решено было рыть яму.

Тщательно очертив на земле прямоугольник со сторонами восемь и пять четвертей, Бориска снял дерн. Под ним обнажился темно-серый грунт, состоящий из песка, ила и речной гальки. Работая по очереди, золотоискатели раскапывали талую породу и выбрасывали ее в навал. Комья свежей, пахнувшей сыростью земли соскакивали с лопаты и послушно ложились у борта ямы, засыпая высокую траву. Сердце стучало учащенно, дыхание сделалось прерывистым, на висках проступили капли пота, но душа радовалась. Долго пришлось скучать о привычной приисковой работе, и вот, наконец, мускулы снова наливаются силой. С каждым взмахом лопаты яма углубляется и цель становится ближе.

В конце дня Бориска наложил полный лоток породы и пошел к речке. Выбрав местечко с пологим берегом, он погрузил лоток в воду и растопыренными пальцами перебортил его содержимое, поднимая крупную гальку наверх. Очистив камни от прилипшего песка и глины, он отбросил их в воду. Породы в лотке намного уменьшилось. Встряхнув лоток, Бориска, сидя на корточках, волнообразными движениями споласкивал верхний слой песка, снова встряхивал лоток и снова смывал породу. По мере того как ее становилось все меньше и меньше, росло напряжение. В его опытных руках из лотка не могла ускользнуть ни

одна даже самая мельчайшая, едва заметная глазу золотинка. Но есть ли эта золотинка?

Бориска с нетерпением ждал момента, когда обнаружится дно лотка. Вот смыты водой последние песчинки, обрисовалась тонкая темная полоска шлиха магнитного железяка, но золота нет. И все же Бориска не терял надежды.

Яма была выкопана на два аршина, когда по звону кайла можно было заключить, что оно уперлось в мерзлый грунт. Скользящая поверхность вечной мерзлоты словно могучая броня прикрывала лежащую ниже породу. Нужно было ее оттаивать. Для этого возле ямы зажигали большой костер и клали в него крупные камни. Когда они нагревались, их бросали на дно ямы и сверху прикрывали толстым слоем мха. Камни постепенно отдавали свое тепло мерзлой породе. За ночь они остывали, а под ними был талый слой земли. Камни вытаскивали, выбрасывали талый грунт и оттаивали следующий слой породы. Время от времени промывали пробы на лотке. Но золота по-прежнему не было.

Золотоискатели упорно углубляли яму. Незаметно наступила быстропроходящая северная осень. Ажурные кроны деревьев подернулись желтизной. Долины и горы зацвели лиловыми, лимонными и багряно-красными пятнами, среди которых резко выделялся вечнозеленый кедровый стланик. Дни становились прохладными. У берегов речек появились первые ледяные узоры. Вечерами, взяв ружья, Бориска и Сафи поднимались на гору и подолгу смотрели на желтые сопки и синеющие вдаль вершины, изучая местность вокруг.

В октябре яма была добыта до скалы, но золота в ней не оказалось.

Палатку перенесли в долину соседнего ключа и приступили к проходке новой ямы. По утрам выпадал иней.

Становилось холодно, но работа продолжалась. Время от времени ходили в резиденцию за продовольствием. Там было все спокойно. Лошади бродили по широкому толону, и сами находили вдоволь корма.

Снег выпал неожиданно и не хотел таять. В тихие морозные ночи в утепленной палатке железная печка разливала живительное тепло. Хорошо было после работы растянуться на медвежьей шкуре, дать отдых натруженным мышцам, отогреть замерзшие руки и ноги и дремать под шорох тайги.

Четверть за четвертью яма углублялась, но пробы и здесь были пустые. В один из декабрьских дней кайло застучало по скальной породе. Шафигуллин набрал полный лоток обломков с глинистой примазкой, в которой хорошо удерживается золото, и с обычным усердием промыл пробу. На дне лотка осталось несколько блесточек золота. Друзья склонились над лотком и задумались. Огромный труд был затрачен впустую.

— Другим везет — они находят россыпи золота. А у нас с тобой, Сафи, удачи нет... — сокрушенно промолвил Бориска.

— Нету в этой тайге золота — вот и не везет.

— Тут ты не прав. Помнишь, по Лене с нами ехал инженер? Он говорил, что если во многих речках встречаются знаки золота, то где-нибудь, в одной из долин, можно найти богатую россыпь. А ведь я собрал больше тридцати значков из разных мест. Значит, в колымской тайге есть золото, а вот где его искать, не придумаешь.

— Сто лет искать будем — не найдем.

Бориска засмеялся.

— Все дело в удаче. Но она сама не придет. Нужно искать. И мы будем с тобой искать.

Бориска собрал значки золота и, аккуратно завернув их в бумажку, спрятал в карман.

...В январе 1914 года по зимней дороге с низовьев Колымы на оленях приехал Шпак. Он привез большую партию пушнины и с довольным видом прохаживался по дому, насвистывая веселую песенку.

— Север! Вот где раздолье! Шедевр! Золотое дно! Царство пушнины! — восклицал он. — Голубые песцы в цене зайца. Их бьют у домов палками!

Бориска передал Шпаку телеграмму, полученную в Оле. В ней говорилось, что фирма «Кунст и Альберс» произведет в 1914 году заброску грузов для Кушнарева вместо Олы в Нижнеколымск морем через Берингов пролив. Шпаку предлагалось весной выехать во Владивосток и оттуда пароходом проследовать в низовья Колымы для скупки пушнины.

— Ха! — удивился Шпак, прочитав телеграмму. — Они подслушали мое мнение. Ола — пройденный этап. На Севере — торговля. Здесь — жалкий намек. Нужно ехать туда! Только туда! Три пароходных гудка — и все в порядке, и так и далее.

Однообразные зимние дни тянулись мучительно долго. Вокруг стояла звенящая тишина. Бориска вспоминал бодайбинские прииски с большими поселками, оживленное движение обозов по дорогам, звонкий стук топоров. Там тайга и здесь тайга. Но там живет много народу, а здесь она безжизненная, спящая. Что-то происходит сейчас на приисках «Лензото»? Как далеки они теперь от той насыщенной событиями жизни!

Шпак изучал привезенные шкурки, упражнялся в финансовых расчетах, сортировал и упаковывал пушнину. Бориска с Сафийкой помогали ему и вели домашнее хозяйство.

Тойон Мандров опять собрал у охотников шкурки зверей, но на этот раз их было мало. Иногда в резиденцию приезжали со шкурками охотники из далеких наслегов.

Шпак никуда не выезжал, так как запасы его товаров подходили к концу. В его бурной деятельности наступало затишье.

Как-то он спросил:

— Ну, а что с золотом? Нашли вы его, курлы-мурлы?

Бориска развернул бумажку и показал едва заметные тусклые золотишки.

— Это вы называете золотом?

— Да, это знаки. Знаки того, что оно тут есть!

— Такие знаки в шерсти у каждой собаки! Я говорил, что здесь золота нет. Слушайте Шпака: он все знает!

Ближе к весне Шпак нанял в Сеймчане оленей и уехал в Олу с частью пушнины. Остальное он хотел вывезти на лошадях по летней дороге.

Бориска с Сафийкой ремонтировали сбрую и подумывали о своей дальнейшей судьбе. После неудачной попытки найти золото в Балыгычане мнения их разделились. Бориска предлагал остаться на Колыме и продолжать поиски золота. Сафи возражал: неразумно оставаться в тайге, проживать последние деньги, которые должен был заплатить Шпак за их двухлетнюю работу у него. Только эти деньги помогут уехать отсюда и подыскать работу в другом месте.

Можно было бы добраться на пароходе до Владивостока, а затем попытаться счастья где-нибудь на амурских приисках. Или же уйти на Зею, где для старателей еще много простора, и попробовать поискать золото, не слишком удаляясь от жилых мест. Там ищут золото тысячи людей. И не только ищут — они его находят. Почему же для него и Бари свет должен клином сойтись на Колыме, где их силы совершенно несоизмеримы с дикими пространствами тайги, где редко встретишь человеческое жилье? Да и откуда видно, что здесь есть богатое золото? Кроме жалких значков, никто на Колыме ничего не находил. Остаться

одним в тайге равносильно безрассудному хождению по улицам большого города в поисках кошелька, туго набитого деньгами.

Шафигуллин и сам понимал, что упорствовать можно лишь тогда, когда есть реальные шансы достичь цели. Таких шансов у них пока не было. Следовательно, и упорствовать было неразумно. В конце концов было решено ехать на Охотский прииск.

Шпак вернулся из Олы по последней зимней дороге и готовился к отъезду из Сеймчана навсегда. Как только обсохла земля после весенней распутицы, караван из двадцати лошадей, нагруженных пушниной, выступил в Олу. С сожалением глядел Бориска на горы, тайну которых ему разгадать не удалось. Молчаливый Сафийка, наоборот, с радостью ощущал приближение моря, и пока еще робкая надежда уехать на родину, в Казань, зарождалась в его душе.

В Оле ожидали первого парохода. Шпак целыми днями носился по поселку, то устремляясь на почту, то в лавку Соловьева, то на склад. Вскоре бухту огласил протяжный гудок. Люди высыпали из домов и направились к берегу моря. На рейде стоял пароход «Нева». К нему уже подходило несколько кунгасов, посланных из Олы для разгрузки. Шпак с помощью Бориски и Сафийки перевез на берег ящики и нетерпеливо топтался возле них.

— А как же насчет расчета, Григорий Осипович? — спросил Бориска.

— Да! В самом деле! — встрепнулся Шпак. — Нам нужно рассчитаться. Вы знаете ведь, что денег у меня нет. Возьмите этот табун лошадей!

— Что же мы будем с ним делать? Продать их здесь невозможно! А нам нужны деньги.

Шпак развел руками.

— Не здесь, так в другом месте продадите. Не падайте

духом! Лошадки хорошие! Они превосходят всякое воображение. Целый табун! Целое состояние!

— Все так, но здесь они никому не нужны.

— Что значит — не нужны? На мясо! В лавку Соловьева! И все в порядке, и так и далее! Ну, мне пора! Будьте здоровы, курлы-мурлы!

Шпак уже вскочил в кунгас и распоряжался погрузкой ящиков с пушниной, не обращая внимания на своих каюров.

Кунгас отчалил.

— Трудную задачу нам задал Шпак, — вздохнул Бориска.

— Жулик! — закричал возбужденный Сафи, потрясая кулаком.

Морской прибой заглушал его слабый голос. Шпак, увидев поднятую руку Сафи, снял шапку и приветливо помахал ему. Сафийка в сердцах сплюнул и пошел за Бориской.

— Не ругайся, Сафи. Лошади стоят денег. А как лучше их продать, спросим у Бабцева. Он подскажет.

Илья Тимофеевич, выслушав Бориску, сказал:

— Продавать лошадей Соловьеву не торопитесь. Дайте им жирку нагулять, а тем временем порыбачьте. Выгода в рыбе небольшая, но лишняя копейка не помешает. К осени продадите лошадей и уедете. Приходите мне помогать рыбачить.

Бориска с Сафийкой поблагодарили Бабцева. Почти ежедневно после этого они ездили с ним в море и помогали выбирать из сетей кету и горбушу.

В конце июля с парохода высадился на берег высокий, сухопарый молодой человек. Он был одет в приличный европейский костюм, модное кепи. Через левую руку у него был перекинут плащ. Рядом с ним возвышалась гора ящиков с товарами. Незнакомая обстановка, по-видимому,

несколько смутила его, потому что он озирался по сторонам и с тоской смотрел вслед уходявшему пароходу. Затем он зашагал к лавке Соловьева и через некоторое время появился с ним у склада.

На следующий день к Илье Тимофеевичу пришел Макар Медов и сказал, что Соловьев разыскивает каюров Шпака.

Шафигуллин направился в лавку.

— Мне говорят, — сказал приезжий, — что вы хорошо знаете дорогу в Сеймчан.

Бориска подтвердил это.

— Моя фамилия Розенфельд. Я агент фирмы «Шутов и К^о». Мне нужны проводники. Пойдете ко мне работать?

Бориска подумал и спросил:

— На чем вы хотите ехать?

— У вас же есть лошади!

— Если вы купите их у нас, то мы поедем с вами.

Розенфельд справился о цене, назвал свою, и в конце концов сделка состоялась.

— Сколько вас? — спросил Розенфельд.

— Двое.

— Найдите третьего. Моя главная задача не торговля, а изыскание удобных путей сообщения и изучение экономики этого края. Придется много ездить, и в трудном пути двух проводников мне мало.

— А сколько вы будете платить нам?

Розенфельд назвал приличную сумму, и Бориска согласился.

— Ну, слава аллаху, — сказал он Сафийке, — лошадей продали! — И он вынул из кармана пачку хрустящих кредиток. — Теперь нужно уговорить Канова присоединиться к нашей компании. Едем снова в Сеймчан. Такова у нас уж, видно, с тобой судьба!

ПЕРВЫЙ САМОРОДОК

Юрий Янович Розенфельд, эстонец по происхождению, впервые появился в Охотске в 1908 году. После распада Амурского торгового товарищества он был послан благовещенским купцом И. Е. Шутовым для поисков торговых путей между Охотским побережьем и Колымой. Первые шаги Розенфельда не увенчались успехом, так как торговые связи с Колымой через Охотск наладить было невозможно. Пришлось вернуться к пути, которым пользовалось Амурское товарищество со времени Калинкина. Это и послужило причиной тому, что в 1914 году Розенфельд появился в Оле.

Он производил впечатление образованного человека. Не расставался с записной книжкой, и, казалось, его интересовало многое в жизни населения, а не только скупка пушнины. Но, конечно, пушнина была основой его коммерции.

Узнав, что в Оле есть учитель, Розенфельд направился в школу, чтобы познакомиться с Игнатием Афанасьевичем Варреном. К нему вышел молодой, невысокого роста, курчавый камчадал со смуглым лицом и смеющимися глазами.

— Варрен, — представился он, протягивая руку. — Чем могу служить?

— Я хотел бы побеседовать с вами о географии этого края, о жизни его населения.

— Садитесь. Но вряд ли я смогу быть вам полезен в этом деле, — ответил Варрен. — Я приехал с Камчатки и работаю здесь только с прошлого года. Едва успел познакомиться с жителями Олы и еще никуда не выезжал. Сейчас трудно собрать интересующие вас сведения об этом крае. Вот если бы вы приехали весной, — тогда другое дело. Во время весенней ярмарки сюда съезжается

очень много народу. Приезжают охотники и оленеводы из далеких стойбищ. От них вы узнали бы столько, сколько не способны рассказать жители Олы. Шумно и весело бывает здесь в это время. Везут сюда все, что добыли за зиму, обмениваются новостями, запасаются солью, табаком, материей и, конечно, гуляют. Сейчас люди рассеяны по тайге и заняты своими делами.

— Год работы — это уже немало. Скажите, каким вы видите будущее этого края?

— У него нет сейчас будущего. Неграмотное население находится под властью шаманов. Суеверие — страшный бич нашего народа. Мы живем оторванно от всего мира со своими обычаями и привычками. Посмотрите, с каким трудом приходится налаживать здесь начальное обучение грамоте. В Оле нет даже школы. Ведь этот дом — для приезжающего начальства. И учитель я здесь пока один. До меня славянской грамоте здесь обучали немногих детей священник и псаломщик. Занятия были нерегулярны, церковного направления. Вы понимаете, как много нужно сделать, чтобы появились здесь грамотные люди? О каком же будущем края можно говорить?

— Давайте помечтаем, — предложил Розенфельд. — Куда бы вы считали нужным проложить дорогу из Олы?

— Никуда, — твердо ответил Варрен. — По побережью сообщение поддерживается на собаках, а в тайге — на оленях. Эти виды транспорта не нуждаются в дорогах. Нужно знать лишь удобное направление. Его знает местное население. Но необходимости в частых сношениях между селениями нет.

— Как же можно без дорог организовать переброску больших грузов в глубь этого края?

— А на что вы хотите их менять? Наш край не дает ничего, кроме пушнины, а ее скупают и без дорог. Наш лес не покупают даже японцы, у которых его не хватает. То-

варной рыбы тоже в тайге нет. Вся она добывается у побережья Охотского моря.

— А нет ли в тайге золота?

— Простите, но я не специалист в этом вопросе. Могу сказать только, что эвены, камчадалы и коряки им не интересуются.

Распровавшись с Варреном, Розенфельд шел по селу и думал: «Конечно, учителя не могут оценить потенциальные экономические возможности этой далекой окраины России. Их дело — учить детей грамоте. Но Варрен мыслит реально. Нужно, чтобы вложение капитала было оправданным. С другой же стороны, без затрат на изучение этих диких мест нельзя понять, что могут они дать взамен. Ведь русские так и не поняли, какие богатства таила Аляска, когда она была частью России, а предприимчивые американцы вывезли оттуда горы золота. Не может ли оно объявиться и на Колыме, если его поискать? Нашли же его возле Охотска».

Вечером Бориска встретил Канова и предложил ему ехать в Сеймчан. Поколебавшись, Канов отправился на переговоры с Розенфельдом и через час сообщил, что он готов составить им компанию. На следующий день начались сборы в дорогу. Из склада вынесли ящики и мешки для подготовки вьюков.

— Вот он, конкурент Шпака, — сказал Шафигуллин Сафийке. — Шпак уже давно скупил пушнину и вывез ее, а этот думает, что охотники ждут не дождутся его приезда.

Розенфельд сменил свой городской костюм на дорожный, надел высокие сапоги и широкополую шляпу с сеткой от комаров. Достав записную книжку, он что-то писал, не обращая внимания на приготовления своих каюров.

— Он совсем не похож на Шпака. В нем не видно купеческой ухватки, — заметил Сафи.

— У того опыт, — ответил Бориска. — А у этого, вид-

но, нету. И характер другой — обходительный. У Шпака — мертвая хватка.

Канов пришел, когда все было собрано в дорогу. Он принес старательский инструмент и мешок соленой кеты. Караван тронулся в путь. Сначала все шло хорошо: Юрий Янович был поглощен освоением верховой езды. Но вскоре у него появились неприятные ощущения: заныли колени и по мере продвижения каравана вперед боль усиливалась и становилась невыносимой. Пришлось постелить на седло ватную куртку. Стало легче, но настроение не улучшилось. Розенфельд с мрачным видом качался в седле, ожидая остановки на ночлег.

Ночевать пришлось в палатке. После ужина Сафи натаскал травы, устроил постель, и измученный агент со стоном забрался под ватное одеяло. Ночь принесла ему небольшое облегчение, но через час езды седло разбредило натертые места, и боль снова разлилась по телу. Подстилка уже не помогала. Розенфельд спешился, отдал лошадей Борiske и зашагал по тропе позади каравана. Местами он отставал, и лошади подолгу ожидали его. В середине дня он выбился из сил. Пришлось поставить палатку и остановиться на отдых.

На следующее утро караван не тронулся с места. За обедом Розенфельд хмурился и молча что-то рисовал и писал, примостившись на валежнике. Солнце, очертив свой путь по небу, нырнуло за хребет, и земля снова погрузилась во мрак. Юрий Янович уснул, а каюры, выспавшись за день, лежали в палатке с открытыми глазами. Костер погас, и кругом было тихо. Думать ни о чем не хотелось и оставалось терпеливо ждать, когда придет сон. Прошел час, другой, но сна не было. Вдалеке закричала ночная птица, и снова все смолкло. Вдруг Бориска почувствовал, как кто-то снаружи через палатку толкнул его в бок. Впечатление было такое, словно подошла свинья и наподдала

ему рылом. Бориска не пошевелился, и толчок повторился с возросшей силой. Тогда он неслышно приподнялся, нащупал ружье и пополз к выходу из палатки.

— Куда ты? — спросил Канов.

— Тише!

Бориска развязал завязки у входного клапана и вышел на воздух. Обойдя вокруг палатки, он не обнаружил ничего подозрительного и направился было спать, но в это время услышал, как стреноженные кони спешно приближаются к нему. Он пошел им навстречу. Увидев его, лошади остановились, поминутно оглядываясь и перемежая храп со вздохами. Шафигуллин лег на траву и стал наблюдать. Узкий серп луны слабо освещал долину. Так прошло с четверть часа. Возбуждение у лошадей не проходило, они сбились в кучу.

Бориска зорко всматривался в ночную темень. Вдруг он заметил мелькнувшую возле деревьев тень и насторожился. Вслед за ней промелькнуло еще что-то темное и скрылось в кустах. Загнав патрон в ствол ружья, Шафигуллин оглядывал опушку леса и наконец увидел широкую голову со стоячими ушами и притупленной мордой на длинном туловище с пушистым хвостом. С другой стороны появились еще трое животных. Сомнения не было — к табуну подкрадывались волки. Поводив носом, один из них игривым галопом направился к лошадям, тогда как другие выжидательно стояли с другой стороны. Лошади образовали круг и приготовились к обороне. Волк подскочил к ним и на мгновение остановился. Раздался выстрел. Серый хищник рванулся вперед и упал. Через минуту он попытался подняться, но новая пуля пригвоздила его к земле.

Сафи и Канов выскочили из палатки, когда остальные волки уже разбежались. Каюры разложили несколько костров и провели остаток ночи без сна, охраняя лошадей. На рассвете они нашли следы целой волчьей стаи. Один

из волков подходил к палатке. Он-то, очевидно, неосторожно и выдал свое присутствие Бориске.

Приготовив завтрак, Сафийка растолкал все еще спавшего Розенфельда. Оказалось, что он даже не слышал выстрелов.

Содрав с волка шкуру, путники покинули место ночного приключения. Юрий Янович немного оправился и применял комбинированный метод передвижения: часть дороги шел пешком, а часть ехал. Его, хотя и здоровый, организм с трудом приспосабливался к непривычному путешествию. Под вечер Розенфельд совершенно выбивался из сил и падал в изнеможении у костра.

День за днем караван шел вперед. Розенфельд внимательно следил за дорогой, интересовался каждой юртой на пути следования, прикидывал расстояния между ними и не расставался с записной книжкой. В начале пути он старался сохранять по возможности облик цивилизованного человека: ежедневно брился и чистил щеткой костюм и сапоги. Ему сначала казалось странным, что, если поблизости не было воды, его каюры садились есть не умываясь, казалось неприличным снимать на ночь только обувь и спать одетым. На его замечания Бориска шутливо отвечал, что медведи весь век не умываются, а люди их боятся или что одетому сподручнее вставать. Подобные ответы вызывали протест у Розенфельда, но постепенно он приходил к выводу, что можно и не умываться, спать одетым, есть мясом руками — словом, поступать так, как это кажется удобнее.

Как-то за ужином, разговорившись со своими каюрами, Розенфельд был немало удивлен, что все они золотоискатели и возят с собой лотки, кайла и лопаты для опробования речных отложений.

— Что же вы мне раньше не сказали? — спросил он. — Я ведь тоже очень интересуюсь золотом.

— Мы думали, что вы больше интересуетесь белками, — пошутил Канов.

— Белки белками, а золото золотом. Видел ли его кто-нибудь из вас в этих местах?

Бориска достал бумажный пакетик и, развернув, показал ему крупницы шлихового золота.

— Здесь оно повсюду встречается, — сказал он. — А вот это пылевидное золотишко я намыл из горелой жилы.

— Горелая жила? Что это такое?

Бориска объяснил и обещал показать ее выходы на склоне долины Среднекана.

Розенфельд был очень обрадован этими сообщениями, достал книжку и стал записывать, где уже было произведено опробование.

— Вы даже не понимаете, как это важно, — сказал он. — Горелые жилы! А где вы видели их еще?

— На Холокоучане. Да и в других местах они встречаются.

— Это очень интересно. Мне говорили: раз есть жилы с золотом, то должен быть и золотоносный песок. Нужно только искать.

— Вот и мы решили поискать, — сказал Канов.

— Это перевернуло бы все представления о Колымском крае.

— О золотоносных жилах говорить уже можно, но о россыпях золота с хорошим содержанием мы ничего не знаем. Их никто здесь не находил.

— Потому что не искали, — убежденно сказал Розенфельд. — Сюда нужно послать геологические экспедиции. Создавать базы. Для этого нужно привлечь капитал. Вложенные деньги окупятся с лихвой. Добыча золота — это не скупка пушнины. Она изменит всю экономику края.

Когда разговор закончился и каюры пошли посмотреть лошадей, Бориска сказал:

— Грамотный, видать, Розенфельд. Я сразу заметил, что он на купца не похож.

— Мечтатель, — ответил Канов. — В Охотске больше золота, а американцы не стали разведывать.

— Для американцев это чужая земля. А для нас — своя.

В долине Среднекана Бориска показал горелую жилу Розенфельду. Тот объявил «большой привал» и отправился осматривать склоны. Вернувшись вечером, он заявил:

— Здесь прямо-таки склад горелых жил. На целую корпорацию хватит. А об этом ведь никто не знает. Едем дальше!

Весть о прибытии Розенфельда в Сеймчан быстро разнеслась по юртам охотников. Выяснилось также, что товаров у него немного. Жители наслегов не торопились ехать в резиденцию, тем более, что все зимние трофеи охоты увез Шпак. Да и времени не было. Все занимались косьбой травы, чтобы заготовить сена скоту на долгую колымскую зиму.

Розенфельду не сиделось на месте. Он побывал в Сеймчане, и ему стало ясно, что все ценные шкурки скупил Шпак. Мандров предложил ему то, чего не брал Шпак: шкуры медведей, зайцев, оленей и летяг. Пришлось купить все, что было. Но Розенфельд не ограничивал свою деятельность скупкой пушнины: он расспрашивал о расположении стойбищ и системе местных рек. Якуты и эвены — прирожденные географы. Они прекрасно знают карту тайги и легко рисуют схему речной сети, выделяя главные долины и боковые притоки в пределах мест их кочевок и охоты. Розенфельд с энтузиазмом записывал все о Колыме, обычаях и нравах ее жителей.

...Однажды Юрий Янович спросил у Бориски, где бы он, например, стал искать золото.

— На притоках реки Буюнды, — ответил тот.

— Едемте туда. Я хочу посмотреть эти места.

Оставив Сафи в резиденции, Розенфельд с Бориской и Кановым выехали по Буюндинской тропе, прихватив товару для нескольких семей живших там якутов. Путь занял несколько дней. Вечерами у костра, как всегда, они обменивались воспоминаниями о нехитрой жизни в тайге, о повадках зверей, о дорожных приключениях.

— Мне больше всего запомнилось, — говорил Канов, — как мы ехали на собаках из Охотска в Олу.

— Любопытно. Там же хорошая дорога по берегу моря.

— Ночь подвела. Был сильный мороз, и мы торопились скорее добраться до зимовья, чтобы отдохнуть в тепле. Поужинав на скорую руку, уехали на нарты и тронулись в путь. Ехали вдоль кромки моря. Справа от нее виднелась черная полоса незамерзшей воды. Следы дороги потерялись, но мы не обращали на это внимания. Собаки трусили мелкой рысцой, а мы, подремывая, кутались в тулупы. Затем снова появились следы нарт, и собаки пошли веселее. По времени выходило, что мы должны бы приехать, но зимовья все не было. Когда рассвело, нас смутило, что прибрежные горы отошли от нашей дороги далеко влево. Собаки сильно устали. Пришлось встать на лыжи и идти рядом с нартами. На пути нам попались пустые банки от консервов, окурки и спички. Мы остановились, осмотрели их и удивились. Это было место нашего ужина! Тогда мы поняли, что оказались на оторвавшейся льдине и всю ночь кружили по ней возле кромки воды.

— Ну и что же дальше?

— Приуныли, конечно, а что поделаешь? Четыре дня северный ветер гнал нашу льдину на юг. Затем подул восточный ветер, и мы стали продвигаться на запад. Берег приближался. Натерпелись мы страха. Но все кончилось хорошо. Льдину прижало к кромке сплошного ледяного поля, и мы успели перескочить на него. Оказалось, что на

льдине мы проплыли назад двести верст и вышли к зимовью Бубякина в семидесяти верстах от Охотска. Пришлось возвращаться в Охотск за кормом для собак. Да и нам есть было нечего.

— Зря вы уехали из Охотска,— сказал Розенфельд.— Там нашли еще золото, организовали прииски, и снова туда стекаются старатели.

— Охотское золото от нас не уйдет. Но тогда мне не повезло.

Наконец в долине Буюнды появилась юрта Аммосова. Приветливой она показалась после долгой дороги. В закопченном помещении пылал камелек. У стола на онорах сидел Иннокентий Аммосов с женой и девочкой-подростком.

Канов и Бориска хлопотали возле лошадей, а Розенфельд вошел в юрту и, сняв плащ, стал искать, где бы его повесить. Не найдя вешалки, он вынул из кармана гвоздь и попросил молоток.

— Молотка-то нету, откуда возьму? А топор на дворе. Возьми вот камень, я им забиваю гвозди: удобно,— сказал Аммосов.

Непомерно большой вес камня привлек внимание Юрия Яновича. Забив гвоздь в стену и повесив плащ, он подошел к окну и поскреб камень ножом. Яркий солнечный блеск не оставлял сомнения в том, что он держит в руках самородок золота.

— Где ты взял этот камень?

— В тайге нашел.

— Подари его мне.

— Возьми,— простодушно ответил Аммосов.— Тебе, однако, он сразу понравился. Мне тоже понравился. Никогда такого не видел. Прямо железный камень, тяжелый.

Розенфельд поблагодарил за подарок и стал внимательно рассматривать его. Самородок был с ладонь величиной

и имел неправильную форму с бугристой поверхностью. Выступавшие выпуклости заметно потерлись и отливали тусклым, горчичным цветом. В промежутках же был нетронутый темный налет.

В это время Бориска внес в юрту вьюк и, увидев самородок в руках Розенфельда, воскликнул:

— Вот это находка!

— Да,— сказал Розенфельд,— за это можно отдать хозяину все, что мы сюда привезли.

Семья Аммосова жила очень бедно. Но в этот вечер был устроен такой обильный ужин, какого никогда не было в его юрте.

После ужина Розенфельд лег спать, а каюры вышли на улицу покурить. К ним подошел подвыпивший Аммосов.

— Щедрый ваш купец,— сказал он.— Дорого камень оценил.

— Ты лучше скажи, где ты его нашел,— вступил в разговор Канов.

— В тайге.

— Тайга велика. Точнее говори.

— Речку Среднекан переезжал. Там в воде его увидел.

— В каком месте?

— Если вверх по тропе пойдешь, то два раза Среднекан переходить будешь. На втором переходе перекат небольшой, там и нашел этот камень.

— Понятно.

— А что это за камень? — спросил Аммосов.

— Золотой камень.

— Никогда не думал, что золотые камни в речках лежат. Теперь всегда смотреть буду. Видишь, сколько товару купец дал!

Канов усмехнулся наивности Аммосова, но ничего не сказал.

— Правильно Шпак как-то утверждал, что первое золото окажется в руках у купца,— заметил Бориска.

— Так это же чистая случайность,— ответил Канов.

— Все начинается в таких делах со случая. Потому и говорят — фартит. Сегодня Розенфельду подфартило. Ну, а завтра может подфартить и нам.

Аммосов слушал, плохо улавливая смысл разговора. Он был доволен, что получил много товара, и, сидя на корточках возле догоравшего костра, с удовольствием раскуривал трубку.

Утром Розенфельд отказался ехать дальше, и караван повернул к резиденции. По дороге он ощупывал в кармане нежданное свое богатство и представлял, как он будет прельщать самородком фирмы для организации экспедиций на поиски золота в притоках Колымы. Снова ночевки в палатках и разговоры у костров. Караван с опустевшими выючными сумами двигался быстро, и однажды вечером в темноте как-то неожиданно возник контур их резиденции. Сафи спал. Прошло несколько минут, пока он поднялся, зажег свет и открыл дверь. Началось приготовление ужина.

За ужином, отхлебывая чай из жестяной кружки, Розенфельд сказал каюрам:

— Я вижу, что у вас большой опыт в поисках золота. Буюнда должна быть золотиносною. Возьмем еще товару, и снова туда.

Он начал строить планы опробования долины на золото, и его энтузиазм передавался золотоискателям.

Но неожиданная весть изменила ход событий. Приехавшие в начале сентября из Олы сеймчанские якуты сообщили о начале войны с Германией. Рассказывали, что в России объявлена всеобщая мобилизация. Говорили, что много наших солдат гибнет на фронте из-за недостатка снарядов для пушек, что одна винтовка приходится на

троих, что наступление германских войск продолжается. Обсуждая эту новость, трудно было представить себе здесь в тайге линии окопов, проволочные заграждения, кровопролитные сражения. Все это было слишком далеко и никак не вязалось со звенящей таежной тишиной. Но так или иначе известия взволновали всех.

Розенфельд помрачнел. «Война меняет экономику,— размышлял он,— меняет всю привычную жизнь. Кому нужна теперь моя деятельность в этом забытом богом краю? Кому нужно вкладывать деньги в освоение этих окраин? Что делать? Ход событий нарушен, и нужно реагировать на это».

Розенфельд и его каюры — все были запасными. Раз по всей стране объявлена мобилизация, то надо немедленно ехать. Призовут в армию или не призовут — это уже вопрос другой.

Груз, доставленный в Сеймчан, таял на глазах. Предстоял выбор: либо завозить сюда то, что осталось на складе в Оле, либо продать там остатки и поспешить выехать последним пароходом во Владивосток.

Розенфельд был дальновиден и решил, что нужно прекратить на время свою проспекторскую и коммерческую деятельность и ехать в Олу. Остальные тоже боялись окануться в числе дезертиров.

— Раз война, значит, нужно воевать!

Решение было общее — спешить в Олу.

Грустный, ехал Бориска по долине Среднекана. Там, где Аммосов нашел самородок, он отстал от каравана и долго стоял возле реки. «Так вот где, оказывается, можно найти россыпи,— размышлял он.— Сколько раз мы проезжали по этой долине и не знали, что под ногами у нас лежит золото. Жаль, что так нескладно все получилось. Может быть, остаться? Не ехать? — спросил он себя. И тут же ответил: «Нет, нельзя. Одному без продуктов здесь

оставаться невозможно. Голод и смерть!» Бориска натянул поводья и стал догонять караван.

В Олу караван пришел в конце сентября. На рейде стоял небольшой пароход, направлявшийся во Владивосток. Розенфельд рассчитался с каюрами, продал лошадей и остатки товаров купцу Соловьеву. В кармане остался лишь главный трофей — первый самородок колымского золота. Юрий Янович увозил его как доказательство отличных перспектив развития этого края. Он так же, как Бориска, верил в богатство недр Колымы. Записная книжка Розенфельда пополнялась все новыми записями.

К ЦЕЛИ

В Оле жизнь текла по-прежнему. Илья Тимофеевич усердно ловил рыбу. Пропитанный морской солью, с загорелым, обветренным лицом, он поздно возвращался домой и, если бы не вынужденный отдых из-за разыгравшегося шторма, то повидать его скорее всего удалось бы не скоро. Сильное волнение на море нарушило ход рыбной путины, и рыбаки занялись починкой разорванных сетей.

— Ты чего тут околачиваешься? — закричал он, увидев Бориску. — На войну захотел? Мигом забреют. В Охотске исправник всех мобилизовал. Ждем, что скоро он и здесь объявится.

— Ну и что же, — усмехнулся Бориска. — Мобилизуют — пойдем воевать.

— Иш ты, герой нашелся!

— За дезертирство судить будут.

— Правильно. А ты не будь дезертиром. Сиди на своем месте в тайге и жди, когда призовут. Тайга велика — до каждого не доберешься. А здесь будешь околачиваться — быстро шинель наденут.

— А вы сами-то как?

— Насчет войны, что ли? Мне-то что — я инвалид. К службе в армии не пригоден. А ты тикай отсюда.

— Мы на днях уйдем. С работой у купцов разделились. Пойдем золото искать.

— За старые дела беретесь? Так-так. Крепко, видно, в тебе золотоискательство сидит.

— Верное место нащупали, да сил маловато. Местных бы жителей уговорить помочь.

— Ну, что ж, поговорите. Народ тут, как ты знаешь, разный. Может быть, и подговорите кого составить вам компанию.

Но жители Олы не заинтересовались предложением Бориски и Сафи. Канов и тот отказался снова ехать на Среднекан.

— Не время сейчас. Да и вам не советую. Слишком ты поверил Аммосову, а он и соврать мог и забыть, где поднял самородок.

Но все помыслы Бориски были устремлены к Среднекану. Он притягивал, как магнит, и вера в успех теперь не покидала Шафигуллину. Купцы показали туда путь. Теперь дело за ним.

Товарищей не находилось, и даже Сафи по-прежнему относился с недоверием к возможной удаче. Зашли они в фанзу китайцев, рассказали о находке самородка, но те тоже отказались ехать.

Однажды на берегу моря Бориска познакомился с Александром Байковым. Высокий молодой человек в полосатой фуфайке, грубых штанах и тяжелых болотных сапогах ловко разделявал рыбу. Острый нож в его руках скользил от головы к хвосту, разделяя рыбину на две половины. Он работал с таким увлечением, что даже не обратил внимания на подошедшего к нему Бориску. После того как выпотрошенная рыба наполнила корзину, рыбак отнес

ее под навес и быстро развесил для сушки. Вид у него был необычный: плечи прикрывал пестрый женский платок, стянутый узлом на груди, в левом ухе болталась массивная золотая серьга, а на среднем пальце правой руки сверкало золотое кольцо с рубином.

Бросив сердитый взгляд на Бориску и подходившего Сафи, незнакомец опустил корзину на землю и довольно неприветливо бросил:

— Помогать, что ли, пришли?

Бориска и Сафи переглянулись.

— Тогда проваливайте. Вам тут делать нечего, а я занят, — отрезал Байков. Нож сверкнул в его руках, и разделанные рыбины стали снова наполнять корзину.

— Дельный вы, видно, человек, — заметил Бориска.

— Бездельничать не люблю и вам не советую. Лучше помогите отнести рыбу под навес и развесить для сушки.

— Почему же не помочь? — ответил Сафи.

Развесив рыбу, Байков набил трубку табаком и, присев передохнуть, сказал:

— Еще нажим — и юколой я обеспечен.

— Зачем она вам?

— Для собак. Без юколы не поедешь.

— Далеко пробираетесь?

— На Аляску еду.

— Один?

— Один. Тут уж недалеко осталось. По берегу до Гижиги. А там Пенжино, Паранольский дол, Марково и Анадырь. По моим расчетам, до Анадыря две с половиной тысячи верст. По хорошей дороге за два месяца доеду.

— А дальше?

— Дальше — чепуха. В Анадырь приходят американские шхуны. Устроюсь кочегаром и буду в Номе. Собачья упряжка у меня отличная. Один Железный Клык чего стоит. Ведет на совесть. Поднимусь по Юкону, а там...

В общем, что говорить, Юкон — золотое дно. А вы, просите, чем занимаетесь?

— Золото ищем.

— Вот как! Тогда доставайте собак и составим компанию.

— Зачем ехать в чужую страну? У нас своего золота хватает.

— Только не хвалитесь. Аляска усыпана золотым песком и самородками, а здесь его нет. Вот слушайте, что такое Аляска. — Он поднял с земли книгу Джека Лондона и, размахивая рукой, прочитал: «...в одном месте Таруотер стал на колени, большой заскорузлой рукой ухватил пучок мха и вырвал его с корнями. Что-то блеснуло и загорелось в ярких лучах весеннего солнца. Он тряхнул мох, и с корней, будто гравий, на землю посыпались крупные самородки — золотое руно, которое оставалось теперь только стричь!» — Понятно, какое там золото?

Байков отбросил книгу и снисходительно посмотрел на новых знакомых.

— Ради этого стоит гнать собак. И черт меня побери, если я не буду иметь мешка, туго набитого драгоценным металлом. Где еще можно найти такое золото?

— Мы знаем место, — сказал Бориска, — где якут-охотник нашел самородок величиной с ладонь прямо в русле реки.

— Сказки!

— Можете не верить, но мы отправляемся сейчас туда и уверены, что найдем богатую россыпь.

— Нет. Я еду на Аляску.

— А мы вас и не приглашаем с собой. Я только объяснил, почему мы не можем составить вам компанию.

Золотоискатели разошлись, но на следующий день Байков сам пришел к своим новым знакомым. Весь вечер они проговорили о золоте, и Байков убедился, что перед ним

опытные старатели, затевающие серьезное дело. Сам он не мог похвалиться ничем, выходявшим за пределы прочитанных рассказов Джека Лондона.

Родом из Пензы, он где-то учился, где-то работал, где-то раздобыл денег и, повинаясь обуявшему его азарту, собрался искать приключения в золотых долинах Аляски. Отвага, энергия и здравый смысл в сочетании с выносливостью во многом способствовали его успешному продвижению к цели.

Ехал Байков, как заправский путешественник: с компасом и картами. Он понимал толк в дорожной одежде и стоически приучал себя к спартанскому образу жизни. В холод и в метель гнал он упряжку, приобретенную в Николаевске-на-Амуре, спал на снегу и питался грубой пищей. Сначала надежда не желала считаться с опытом: ему казалось, что самое главное — это преодолеть расстояние. В этом он, бесспорно, преуспел. Потом, когда упряжка продвигалась все дальше и дальше, по пути к золотоносным полям Юкона, в голове замелькали мысли о том, что он не подготовлен к поискам золота.

В лице новых знакомых он впервые увидел опытных старателей. Горячась, он стремился вперед к берегам чужой земли, а они спокойно ехали к месту, где наверняка лежит золото. Мечты и реальность скрестили мечи. И чем дольше велись разговоры, тем больше он убеждался, что его мечты разбиваются в прах. Неразумно было искать в неопределенном далеке, когда золото лежит рядом. Слишком велик был соблазн, слишком чудесной казалась встреча с людьми, которые только что нашли золото. Нет ничего удивительного, что, поручив собак Макару Медову, Байков решил ехать на Среднекан. Теперь нужно было ждать попутного транспорта.

Стояла поздняя осень. Золотыми были листья берез, золотом отливала трава, золотом подернулись ветви лист-

венниц. Всюду, куда ни взглянешь, был виден его отблеск. Ему принадлежали и мысли пришедших сюда людей.

Дождавшись, когда в Олу с Колымы прибыли на оленях эвены, золотоискатели закупили продовольствие в лавке Соловьева и, погрузив его на оленей, отправились на свой страх и риск искать россыпь в долине Среднекана.

На этот раз дорога показалась очень длинной. Эвены ехали верхом на оленях, а путники шли пешком, потому что их веса олени не выдерживали. Им приходилось уходить сразу после завтрака, не ожидая, пока будут свернуты палатки и привьючен груз. В дороге караван обгонял их, а когда дело близилось к ночлегу, они подходили к лагерю, где их уже ждал готовый ужин. Так с каждым днем они все больше удалялись от Олы в глубь колымской тайги.

Своеобразна кочевая жизнь семей эвенов. Много хлопот связано с тем, чтобы сохранить и умножить стадо оленей, определяющее благосостояние каждой семьи. Олень — источник ее пропитания. Шкуру его используют для изготовления одежды и постройки жилища. Бедные семьи имеют по десять — двадцать оленей, но есть зажиточные эвены со стадами в двести и пятьсот животных. Почему же одна семья добивается больших успехов в разведении оленей, а у другой стадо остается небольшим? Байков как-то задал этот вопрос их проводнику, и проводник стал рассказывать об эвенских обычаях.

Когда в семье родится ребенок, то отец идет в стадо и метит пару оленей — важенку и быка, которые после этого принадлежат уже не ему, а его сыну или дочери. Так по одинаковому, неписаному закону эвенов кладется начало стаду каждого ребенка. Олени детей ходят в стаде отца, но он не использует их для нужд семьи и весь приплод метит особой для каждого ребенка меткой. Растет ребенок — растет и его стадо. Когда сын хочет жениться,

он собирает своих оленей, соединяет их с оленями невесты и образуется одно стадо будущей семьи. У счастливых детей выделенные им олени приносят преимущественно важенок, и стадо быстро разрастается. У несчастных — от оленей рождаются быки. Тогда стадо увеличивается очень медленно, предвещая бедность его владельца.

О состоянии поголовья у каждого ребенка знают жители всей округи. Удачливые сыновья стараются жениться на удачливых невестах. Несчастливцы соединяют свои стада со стадами неудачливых невест. Так образуются зажиточные и бедные семьи. Бедность может быть связана также с падежом оленей при эпидемических заболеваниях или со стихийными бедствиями. Поэтому у богатых родителей могут быть бедные дети, и наоборот.

Отец, видя, что стадо ребенка увеличивается медленно, не поможет ему, не выделит лишнего оленя. Сын, видя бедность отца, также не даст ему оленей из своего стада. Только после смерти родителей их стадо переходит к сыну или дочери, с которыми они жили в старости. Таков закон тайги!

...Дойдя до Среднекана, золотоискатели отпустили караван и, быстро срубив зимовье, приступили к заготовке дров.

Таинственными показались Байкову дебри колымской тайги. Острое чувство любопытства горячило воображение. Звонкий ручеек как будто рассказывал прекрасную сказку о богатствах своей подземной кладовой. Весело шумевшие деревья, подернутые седым мхом, стояли как старые солдаты в почетном карауле у таинственных сокровищ. Они как будто приветствовали приход человека и протягивали ему ключи от сокровенных недр.

Легкий морозец подбадривал. Байков бродил по руслу речки, рассматривал омытую кристально чистой водой гальку и восторгался красотой нетронутой человеком при-

роды. Хотелось скорее приступить к главному — к рытью шурфов.

Зимовье было сделано основательно. Стужа не могла одолеть его толстые, проконопаченные мхом стены. Саша Байков не щадил сил и работал с большим упорством. Тяжелый физический труд предусматривался в его программе на пути к цели. Золото и только золото окупало все. Еще немного усилий — и в тайге хлынет проливной золотой дождь, а с ним наконец-то придут к старателям богатство и счастье.

Бориска был душой всего дела. Он умело распределял силы и со спокойной уверенностью руководил работой. По вечерам зимовье наполнялось шутками и бесконечными беседами на самые разнообразные, неожиданно возникавшие темы. Старатели вспоминали случаи из своей жизни, а Саша с увлечением рассказывал им о прочитанных книгах. Эта атмосфера доверия и дружбы была верным залогом успешной работы.

Бориска предупредил своих товарищей, что в тайге можно заболеть цингой. Поэтому было решено обеспечить себя на зиму ягодами и орехами. Все трое собирали мешками шишки в зарослях кедрового стланика, ползали в брусничнике.

По первому снегу начали проходку шурфов. В тайге застучали кайла и лопаты. Байков работал не покладая рук: ему не терпелось увидеть золото. Вскоре вечная мерзлота затормозила работу. На дне шурфов раскладывали пожоги, и каждую четверть уходки вырывали с большим трудом. Бориска и Сафи работали слаженно и методично. Байков стал отставать. Он приходил усталый, в горле неприятно горчил запах распаренной и горелой земли. Казалось ему, что землей набито все тело.

— Что-то золотом не пахнет, черт побери, — тревожно говорил он.

— Не беспокойся,— отвечал Сафи.— В долине лежит россыпь золота. Нужно только докопаться.

— Искать золото — дело трудное, кропотливое,— разъяснял терпеливо Бориска.— Не сразу возьмешь его. Нетерпеливых людей оно не любит.

Байков молчал.

С наступлением морозов работать стало еще тяжелее. Холод обжигал лицо и руки, забираясь под одежду, заставлял ежиться и дрожать. Приходилось то и дело подходить к костру, обогреться и ждать, когда же наконец за таежными гривами погаснет холодная медная заря и можно будет уйти в теплое зимовье.

Время от времени золотоискатели ходили на охоту за зайцами и куропатками и однажды набрали на свежие следы оленьих нарт. Предложение Бориски разыскать эвенков и купить у них мяса встретило дружную поддержку. Собрав дорожные мешки, золотоискатели пошли на лыжах от юрты к юрте в направлении Гербы. Вскоре им повстречался охотник, указавший, где расположено ближайшее стойбище.

Поход был удачным. На чай и табак старатели выменяли шесть оленей и обеспечили себя на всю зиму мясом.

Вернувшись на Среднекан, они с удвоенной энергией продолжали начатое дело. Отвалы постепенно росли, а шурфы углублялись. Бориска старательно промывал пробы, но золотоносный пласт упорно не обнаруживался. В лотке оставался лишь шлих магнитного железняка.

...Пошел 1915 год. В лютый январский мороз Сафи спустился в расчищенный шурф и увидел на дне его угловатые обломки породы. Сунув их в карман, он вылез из шурфа и показал Бориске. Тот покачал головой и, обследовав шурф Байкова, нашел такие же камни с острыми гранями. Они предвещали приближение к скале. Добитые до коренного плотика шурфы были пустыми. Разочарован-

ные золотоискатели сидели в бараке, опустив головы и погрузившись в невеселые думы.

— Это нужно было предвидеть,— сказал Байков.— Вы знаете, что ни тяжелая работа, ни грубая пища меня не смущают. Я работаю, как вол. Но беспредметная работа — вздор.

— Нужно терпение. Золото лежит где-то близко, и мы его найдем,— невозмутимо отвечал Бориска.

— Я не верю. Желания найти его мало. Нужно знать, где оно лежит. Я был уверен, что вы знаете.

— Конечно, знаем, но не всегда угодишь шурфом в россыпь. Сил у нас мало, а долина велика. Но мы близки к цели.

— Сказки. Я сейчас был бы уже в Анадыре и смотрел бы через море на Клондайк. Ваша работа не по мне. Я хочу, потрудившись, сорить золотым песком в кабаке, пить виски и флиртовать с индейками. А вы меня затащили в лесную берлогу на пустом ключе. Клянусь остатками моей чести, что я успею опрокинуть бутылку рому на Сороковой миле Юкона, пока вы будете здесь рыть пустые шурфы.

— Дело покажет,— сказал Шафигуллин и вышел.

На темном небе высыпали крупные звезды. Оно было спокойно и торжественно. Большая яркая звезда с красноватым отливом мерцала в зените. Из-за гребня горы поднимался бледный диск луны.

Бориска задумался о причинах своих неудач. В правдивости сообщения Аммосова Бориска не сомневался. Самиродок, стоявший у него перед глазами, поднят на Среднекане. Почему знать, может быть, золото лежит у того поворота или вон под тем выступом горы? Может быть, россыпь прижалась к склону или обошла шурфы стороной? На поверхности долины этого не видно. Нужно копать, много копать, копать изо всех сил.

На следующий день золотоискатели наметили новые места для проходки шурфов чуть-чуть выше устья Левого Среднекана. Байков работал теперь вяло, с ленцой. Возвращаясь в зимовье, он иногда ждал, что его будут ругать, но его никто не осуждал. Лишь после того, как он совсем не пошел на работу, Шафигуллин спросил, что с ним происходит.

— Хочу уходить, — ответил Байков. — Я вижу, что мой папа ничего здесь не закапывал. Я поеду на Бананзу, где в каждом лотке остается целая унция золота. Я читал, что до самой жилы там еще не добрались. Клянусь, черт побери, что мне достанется какая-нибудь лужица.

— Я не советую уходить отсюда.

— Меня переубедить невозможно. Мои собаки страшны, и сам я тоже. Я готов претерпеть лишения в дороге, лишь бы добраться до цели и разбогатеть. Я мечтаю о беззаботной, разгульной жизни, о дорогих вещах, о красивых женщинах. Клондайк, Бананза, Эльдorado — жизнь, полная приключений! А здесь? Неужели весь смысл жизни в том, чтобы ковыряться, как кроты, в пустых шурфах?

— Мы не стремимся к разгульной жизни. Но если найдем россыпь, то будем не только сыты, но и богаты. Вы вольный казак, но мы вам советуем не думать об Америке.

— Нет. Я решил ехать. Я добьюсь своего вот этими руками.

Бориска и Сафи ушли на работу, а Байков остался в зимовье, увязал свой мешок и приготовил на дорогу еды. Рано утром две пары лыж заскользили по чистому снегу. Сафи проводил Байкова до ближайшего стойбища эвенов, откуда он уехал с попутными оленями в Олу.

Разведка на Среднекане продолжалась, но добытые в апреле шурфы так же, как и первые, оказались пустыми.

Подходила весна, запасы продовольствия кончались, и денег не было. Положение было критическим. Впервые

голод становился реальностью. Это хорошо понимали старые таежники. Но поискам золота они отдали все силы, сердце и разум. Уйти из Среднекана — значило проиграть. Свертывать с пути было поздно.

— Мы должны продолжать поиски, — упрямо говорил Бориска. — Пока у нас нет средств, попробуем использовать лето для заработка на пропитание. Пойдем в Сеймчан и наймемся косить сено. Осенью, когда будем обеспечены мясом и рыбой, вернемся сюда и начнем шурфовать.

Сафи согласился.

В мае в тайгу торопливо пришла весна. Еще не успел сойти снег, как из земли уже поднялись первые цветы. Некоторые из них распускались до того, как вырос стебель и появились листья. Цветы казались сорванными и разброшанными по земле. Быстро просыпался кедровый стланник, расправляя отдохнувшие за зиму ветви. На позеленевших кустах и деревьях хлопотали серенькие пеночки, желтогрудые вьюрки, розовые шуры, ярко-желтые дубровники, красногрудые чечевицы. В прибрежных кустах на речках и озерах закрикали утки.

Бориска и Сафи вышли к устью Среднекана и обосновались в палатке. Сафи соорудил на озере шалаш, смастерил подманок и вместе с Бориской ходил каждый день на охоту. Вечером они возвращались, обвешанные утками, которых в этом году было особенно много. Вслед за утками потянулись на север стаи гусей. На ночь они опускались отдыхать, выставляя дозорных гусаков. По их тревожному крику стая мгновенно взмывала вверх и перекочевывала в безопасное место. В погоне за перелетными гусями приятели проводили все ночи. Иногда охота была удачной, и они приносили то одного, то двух гусей. Когда ледоход окончился, сколотили плот и перебрались на левый берег Колымы. По еще не просохшей тропе они пришли в Сеймчан.

ТАЙГА ОТКРЫВАЕТ СВОИ НЕДРА

Тойон Мандров неторопливо сверлил глазами стоявших перед ним бывших каюров русских купцов. Станным казалось их возвращение в тайгу и желание жить в якутском наслеге. Не скрывается ли за этим какого подвоха? Невозможно понять чужедальных людей. У них другая жизнь, другие обычаи и даже другие болезни. На вид они большие и сильные, но на самом деле слишком изнеженные: они боятся стужи, им нужна другая пища, их немоющее тело требует другой одежды. Сейчас они стоят покорные, но разреши им жить в наслеге — они будут глумиться над старыми обычаями якутов, не станут уважать стариков, не захотят признавать власти тойона и еще, чего доброго, посмеются над шаманом.

Пока золотоискатели переминались с ноги на ногу и комкали в руках шапки, тойон курил и думал. Выколотив трубку, он положил ее в карман и сказал:

— Мы дадим вам работу, приютим в своих юртах, постелим вам шкуры, на которых спим, и накормим тем, что сами едим, если вы будете жить нашей жизнью и уважать наши обычаи.

— Об этом не беспокойтесь, — сказал Бориска.

Тойон снова подумал:

— Однако, у стариков совета надо спросить. Приходите на муннях¹, скажите людям, зачем вы пришли к нам. Люди будут слушать, а старики решат.

Появление Бориски и Сафи на муннях было встречено присутствующими холодно. Тойон надел на шею бронзовую цепь с медалью и восседал с надменным видом повелителя на скамье возле своей юрты. По сторонам рядом с ним сидели старики и дальше остальные жители Сейм-

чана. Золотоискатели вышли в круг, поклонились на все стороны и остановились против тойона.

— Говори, нючча, — сказал тойон, направляя указательный палец на Бориску.

— Наша родина находится далеко отсюда, — начал Бориска. — Много лет, как мы ушли оттуда и живем в тайге. Сюда пришли с купцами, но они уехали, а мы остались. Люди мы рабочие, и, кроме рук, у нас ничего нет. Ехать нам тоже некуда. Мы пришли просить у вас работы и будем уважать ваши законы.

Толпа загудела, мнения разделились. Тойон обратился к старикам. Они отвечали, делая по обычаю длительные паузы. В их речах слышалось опасение и сомнение в том, что чужедальные люди станут жить их жизнью. Никогда еще такого не бывало. Наконец выступил старик Пивоваров. Он жил под Якутском и там видел много русских людей, поселившихся среди якутов. Он рассказывал, что пришельцы женились на якутских девушках, забыли свой язык и переняли местные обычаи. Тойон послушался его слов. После муннях он предложил Бориске и Сафи косить ему сено. Золотоискатели согласились.

За ними закрепилось прозвище «нючча хамначит».

В юрте тойона, где поселились Бориска и Сафи, жил и третий хамначит тойона Багылай. Он дружелюбно встретил старых знакомых и вместе с ними стал готовиться к поездке на сенокос.

Однажды на дороге они повстречали двух якутов. Рядом с молодым, вихрастым парнем шел маленький, щупленький старичок с жидкими черными косичками под опушкой высокой шапки. По тому, как Багылай уступил ему дорогу и с почтением отвечал на вопросы, было видно, что старичок пользуется в наслеге большим уважением. Старичок постоял несколько минут, рассматривая подслеповатыми, гноящимися глазками Бориску с Сафи, потом

¹ Собрание, сходка (якутск.).

достал красивый, вышитый бисером кисет, набил трубку табаком и пошел дальше.

— Кто это?

— Шаман!

— А другой?

— Кутуруксит!

— Что это значит?

— Помощник шамана. К больному пошли, лечить шаман будет.

Вскоре в одной из юрт собрался народ. Пошел туда и Бориска. Мужчины заняли место на одной стороне, а женщины сели на другой. Посредине на земле лежала шкура белой лошади. Шаман сел и, устремив глаза в огонь камелька, икал, дрожал и что-то бормотал.

Двери юрты заперли, люди говорили шепотом и ждали, пока погаснет огонь. И вот в затихшей юрте наступил полумрак. Момент был настолько напряженный, что даже тяжелобольной перестал стонать.

Кутуруксит помог шаману снять рубаху и надеть на голое тело одежду из выделанной коровьей кожи. На ней были навешены погремушки и железки, имеющие символическое значение, — солнце, рыбы, звери, птицы, части человеческого скелета, а также кусочки жести и шарики, издающие звон и лязг. Шаман сел на белую кобылью кожу и закурил. Тем временем кутуруксит сушил у камелька бубен.

В мертвенной тишине шаман сидел с полужакрытыми глазами, курил, глотал дым и икал. Икота становилась громче, дрожь сильнее. Он ждал, пока к нему снизойдет эмэгять, то есть состояние, в котором он может общаться с духами. Отдав кутурукситу трубку, он выпил воды, принял бубен и поклонился на четыре стороны.

В тишине раздался резкий, как лязг железа, зовок и вслед за ним как бы издали донеслись четкие, пронзи-

тельные птичьи голоса — то сокола, то чайки. Снова наступила тишина, и вдруг послышалась легкая, похожая на комариное жужжание дробь бубна. Дробь усиливалась, как шум приближающейся бури. Словно зигзаги молний вспыхивали звуки: каркали вороны, смеялись гагары, жаловались чайки, клекотали орлы, посвистывали кулики. Удары бубна слились в гул, колокольчики, погремушки, бубенчики звенели, гремели, лязгали... Внезапно все оборвалось, бубен упал на колени шамана, наступила гнетущая тишина.

Якуты прижались друг к другу и замерли от страха. Шаман встряхнул левой рукой бубен, раздался звон колокольчика, и звякнули железки на одежде. Затем он стал ритмично раскачиваться из стороны в сторону, как бы баюкая ребенка. Удары в бубен из слабых постепенно превратились в резкие. Послышались отрывочные слова песни шамана.

В это время кутуруксит поспешно бросил лучину в камелек, и юрта озарилась огнем. Волосы у шамана были растрепаны, рот искривлен, зубы оскалены, изо рта текли слюна и пена. В исступлении он стал плясать ритуальный танец.

С расставленными ногами, не сгибающимися при прыжках, согнутый под прямым углом, с бубном на весу, он неуклюже прыгал, подаваясь вперед, как бы падая. Кутуруксит ободрял его криками: «себ», «кирдик», «гоо-оо». Наконец бубен замолк, шаман вперил свои мутные глаза в угол юрты, где лежал больной. Присмотревшись, он, должно быть, что-то увидел там, потому что с еще большим ожесточением принялся колотить в бубен, еще быстрее прыгать и пихать что-то ему одному видимое то правой, то левой ногой.

Подскочив к больному, он сделал страшное лицо и стал угрожающе что-то выкрикивать. Крики прервались нерв-

ной икотой, он запатался и упал в истерическом припадке. Кутуруксит подал ему воды и трубку с табаком. Придя в себя, шаман сказал, что злых духов он прогнал, а добрые обещали ему исцелить больного. Обряд камлания был закончен. Возволнованные жители наслег расходились по юртам.

...Наступило время заготовки сена. Бориска и Сафи, соорудив шалаш, поселились на берегу Колымы и с утра до вечера косили высокую траву. Дни проходили настолько однообразно, что друзья потеряли им счет. Дожди шли редко. Из наслег на покос привозили мясо и рыбу. Изредка доходили последние новости. Шла война, но здесь она по-прежнему не ощущалась. Говорили, что немцы продолжают наступать. Пароходы в Оле стали появляться очень редко. Заходили две американские шхуны, скупавшие пушнину. Новых купцов в Сеймчане не было видно, и тойон Мандров готовился сам ехать в Олу.

Бориска и Сафи с нетерпением ждали прихода зимы, когда можно будет снова заняться поисками золота.

В сентябре трава стала жесткой, и покосы были прекращены. Тойон остался доволен работой своих русских хамначитов и, когда забивали скот, выделил им три коровы. Этого мяса должно было хватить на всю зиму. Но Багылай посоветовал Бари и Сафи все-таки принять участие в охоте на зайцев.

В конце сентября мужчины, женщины и дети Сеймчанского наслег вышли на охоту. Для охоты был выбран лес с кустами и богатым травянистым покровом, в котором водилось много зайцев.

День выдался солнечный, но по-осеннему прохладный. Люди шли с ведрами, деревянными колотушками, сковородками, бубнами, обтянутыми кожей. Некоторые несли за плечами ружья. Бориска и Сафи тоже смастерили деревянные колотушки. Собралось больше сотни жителей на-

слега. Они остановились на исходном пункте — в устье неглубокого, но довольно длинного распадка.

Охотники с ружьями выстроились шеренгой вдоль распадка в десяти саженьях один от другого. Остальные под руководством опытных стариков пошли окружать место охоты. Одни отправились направо, другие — налево. Шли молча, стараясь не шуметь. Через каждые тридцать — сорок саженьей кто-нибудь останавливался, и толпа постепенно превращалась в звенья живой, очень длинной цепи окружения. Выход из окружения для зайцев оставался один — по распадку.

Выстрел возвестил, что круг замкнулся. Лес сразу огласился криками, посвистами и шумом от ударов палками по ведрам, сковородкам и другим предметам. Встревоженные зайцы метались по лесу в поисках выхода из рокового кольца. Но всюду слышались звонкие голоса и пугающие звуки. Кольцо постепенно сужалось, и паника среди зайцев нарастала. Самые смелые проскакивали между гонщиками и удирали, но большинство устремлялось туда, где было меньше шума. Они невольно оказывались в ловушке и становились жертвами охотников.

Выстрел следовал за выстрелом. Гонщики шли теперь почти рядом, и их крики сливались в разноголосый, душевраздирающий вопль. Наконец шумная толпа заполнила всю долину. Трофеи были тут же разделены поровну между всеми участниками. Гонщики принялись снимать заячьи шкурки и вручали их охотникам, чтобы они могли купить на них порох и дробь, израсходованные на охоте.

В последующие дни гон зайцев повторялся в других, хорошо знакомых сеймчанцам местах. У Бориски и Сафи собралось семьдесят тушек зайчатины.

— Теперь мяса хватит, — уверенно сказал Бари. — Пора за дело приниматься.

Тойона несколько удивляло, что русские не хотят жить среди них и едут на Среднекан. Но, с другой стороны, он был доволен: они не нарушат спокойной жизни наслеха. Зимой в тайгу уходили не только русские, но и местные охотники. Поэтому никто не уговаривал Бориску оставаться в Сеймчане, и сам он ни с кем не заводил разговора на эту тему.

Вернувшись в свое зимовье, старатели откачали воду из одного шурфа, устроили в нем погреб для хранения мяса и занялись заготовкой дров на зиму. Было решено перенести проходку дальнейших шурфов в долину притока Среднекана, где глубина речных отложений могла быть меньше.

Медленно шла работа по углубке шурфов, но при приближении к плотике появилось немного золота. Потом количество его увеличилось. Россыпь была где-то близко. Настроение поднялось. Начали проходить еще один шурф ближе к руслу. И вот оно — появилось наконец, долгожданное богатое золото!

— Ну вот, — ликовал Бориска, — а ты не верил в наш фарт.

— Почему не верил? — смущенно отвечал Сафи. — Если бы не верил, не пошел бы с тобой.

— Теперь наша зависимость от тойона кончилась. За золото купим все, что нам нужно. И одиночеству нашему конец скоро придет. Искать золото трудно, а теперь, когда оно найдено, народ сюда потянется.

С утра до ночи, не зная усталости, выгружали друзья породу из шурфа, проходили короткие расщелины в стороны и зарезали новые шурфы, рассчитывая закончить их углубку к весне. Отвал золотоносного песка рос с каждым днем. Его намечали промыть после того, как вскрыется река. Пока же они старались как можно больше оттаять и поднять наверх золотоносной породы. Так они встретили

новый, 1916 год. В феврале Сафи, прикинув остатки продовольствия, сказал Бориске:

— Надо бы в Сеймчан сходить. Мяса взаимно попросить. Продуктов у нас мало, до лета не хватит.

— Лучше давай курить бросим, а табак у эвенов на мясо променяем.

— Трудно бросить курить.

— Не трудно. Сходи к эвенам, отдай весь табак. Не будет табаку — хочешь не хочешь, а курить бросишь, если с голоду умирать не собираешься.

Сафи вздохнул и согласился.

Прихватив котомку и ружье, он ушел разыскивать эвенов на их старом стойбище. Дорогу он помнил с тех пор, как провожал Байкова. Легкие лыжи скользили по снегу. Тайга была мертвенно пуста, но по дороге он подстрелил несколько курошаток.

На пятый день Сафи дошел до места прошлогодней кочевки эвенов, но там никого не было. Видно, истощенное пастбище заставило пастухов откочевать в другое место. Следов к нему не было. Пришлось возвращаться назад.

Морозы спали, и казалось, что солнце светит ярче, но до весны было еще далеко. Как-то днем Бориска присел на отвале отдохнуть. От нечего делать он рассматривал гальку вокруг себя и неожиданно заметил самородок золота, величиной с таракана. Тогда Бориска стал присматриваться внимательнее и скоро увидел второй, третий, четвертый... Разгребая мерзлую землю, он за полчаса насобирал целую пригоршню крупных золотинок и принес их в зимовье. Промывка отвала сулила богатую добычу. Нужно было продержаться до весны во что бы то ни стало.

Возвращение Сафи с пустыми руками заставило снова задуматься.

— А знаешь что? — сказал Бориска. — Сходим-ка в резиденцию. Там остались мука и крупа, которой нам хватит

до лета. А дальше у нас будет много продуктов.— И он показал Сафи собранное им золото.

— Резиденция, наверно, разграблена.

— Нет, якуты чужого не возьмут, а кроме того, они крупу не едят. Ну, а если там нет ничего, то пойдем на поклон к тойону.

Другого выхода не было, и приятели, встав на лыжи, пошли к устью Среднекана, везя за собой санки с палаткой, железной печкой и оленьими шкурами. До устья Среднекана они шли по снежной целине, придерживаясь направления летней тропы. С выходом в долину Колымы протянулись свежие следы оленьих нарт.

— Кто же здесь ехал? Аммосов? Но у него нет оленей.

Бориска остановился и, изучив следы, сказал:

— Ехало много оленьих упряжек вверх по Колыме. Наверно, на Таскан. Кто же это мог быть?

Устье Буюнды также было пересечено следами от оленьих нарт. Значит, упряжки шли из резиденции.

— Что за шайтан?!

Приятели терялись в догадках. Наконец Бориска сообщил:

— Это проехал Шпак. Ведь он торговал в Нижнеколымске и теперь возвращался с пушниной в Якутск.

— Похоже, что так,— ответил Сафи.

Догадка подтвердилась. В резиденции они застали следы недавнего пребывания Шпака, который перед отъездом не потрудился навести в доме порядок. Судя по всему, он был здесь недолго и поспешно собрался в дорогу. Сафи вскрыл склад и обнаружил, что запасы муки и крупы остались нетронутыми. В доме тоже оказались кое-какие продукты, оставленные Шпаком. Нашлись соль, чай, табак и даже бидон с подсолнечным маслом.

Бориска предложил вывезти все продовольствие, но на одних санках разместить груз было невозможно. Приш-

лось отремонтировать еще старую нарту, валявшуюся во дворе, и нагрузить ее. Уходить нужно было, не привлекая к себе внимания жителей Сеймчана. Бориске говорили, что якуты бывают недовольны, когда люди роют землю. Узнав об их занятии, тойон мог помешать им.

Рано утром они впряглись в нарту и потянули ее по дороге. В середине дня ее оставили в кустах и вернулись в резиденцию за нагруженными санями. Передвижение было медленным, потому что Бориска и Сафи попеременно везли то нарту, то сани.

Поход в резиденцию занял почти месяц, но он помог избежать голода. Теперь золотоискатели возобновили работу, располагая достаточным запасом продовольствия. Отвал снова стал расти. Примитивный «журавль» извлекал золотоносный песок из шурфа.

Когда начал сходить снег и зажурчали весенние ручейки, шурфы быстро затопило водой, но отвал был подготовлен для промывки. Поблизости от зимовья срубили толстую лиственницу, и Бориска мастерил из нее большие старательские лотки для промывки. Речка была рядом и уже освобождалась ото льда.

В конце мая земля стала оттаивать, и Бориска с Сафи приступили к промывке породы. Работали они быстро, с увлечением, и каждый день приносили в зимовье золото.

Бориска с Сафи просыпались по утрам веселые и в таком же настроении ложились спать. Сомнения и разочарования развеялись. Они были у цели. Уже недалеким представлялся им час, когда кончится их одиночество, когда они организуют здесь старательскую вольницу. Огласится тогда тайга песнями и музыкой, начнут расти поселки, и купеческие караваны потянутся к тем, у кого кисеты наполнены золотым песком.

Как-то днем в разгар промывки Сафи заметил промелькнувших в лесу всадников и указал на них Бориске.

Вскоре у отвала появились трое местных жителей из Сеймчана. Якуты с любопытством смотрели на вырытые ямы и отвал породы.

— Доробо! — сказал один из них.

— Доробо, — отвечали золотоискатели. — Куда идете?

— Домой идем.

Завязалась беседа, якуты никак не могли понять, что делают тут Бориска и Сафи.

— Тойон давно ищет вас сено косить. Почему не идете?

— Скажите тойону, что нам сейчас некогда.

— Как жить будешь? Где мясо возьмешь?

— Скоро сюда люди придут. Товару много привезут. Проживем как-нибудь, — отвечал Бориска.

— Зачем люди придут? — встревожились якуты. — Что им тут надо?

— Камни им нужны. Вот такие. — Бориска указал на отвал.

Якуты зацокали языками и уехали в Сеймчан. По тайге полетела весть, что нючка хамначит роют землю, камни ищут, хотят много русских сюда привести. Старики сидели у камельков, курили трубки и качали головами:

— Людей много будет — худо будет! — твердили они. — Тайга гореть будет! Шуму много будет — зверь уйдет. На другое место кочевать надо будет.

Шаман ходил из юрты в юрту и разжигал ненависть к русским.

— Прогонять, однако, надо, — советовал он.

Разговоры возбудили сильное любопытство у жителей Сеймчана. Многие седлали лошадей и ехали смотреть, как хамначиты ищут камни. В долине Среднекана замелькали их остроконечные шапки. Они рыскали возле шурфов, опасно заглядывали в них, с беспокойством щелкали языками и исчезали в зарослях тальника. Титаническая работа,

проделанная старателями, упорство, с которым они каждую зиму копали землю, — все это вызывало подозрения и рождало необъяснимый страх перед какими-то неведомыми, но грозными и неизбежными последствиями их работы.

К зимовью верхом на коне подъехал Багылай. Быстро соскочив с седла и привязав лошадь к лесине, он приветливо поздоровался с Бориской и Сафийкой. Те пили чай и пригласили его к столу. Багылай долго не решался сказать о цели своего приезда. Сначала расспрашивал о жизни, потом стал рассказывать сам. Он говорил, что охота в этом году плохая, перечислял скудные трофеи знакомых ему охотников, сообщил, кто где женился, заболел, умер. Казалось, что он только и занимается сбором новостей. Незаметно перешел к тревожным разговорам, которые ведутся в юртах о работе хамначитов на Среднекане. Он сообщил, что тойон сильно сердится и, как-то между прочим, прощаясь, сказал, что его послали звать их на муннях.

Бориска сдвинул брови. Злая искра сверкнула в его глазах. Губы сжались. Он встал и, откинув голову, посмотрел на Багылая. Тот сконфуженно стоял и ждал ответа. Он знал, что привезенное им приглашение неприятно для его друзей, но не в его силах было противиться власти тойона.

— Передай, что мы придем на муннях!

Багылай вскочил в седло и с этой вестью направился в Сеймчан.

— Расправу учинить хотят, — вздохнул Бориска.

— Чудной народ, — недоумевал Сафийка. — А того не понимают, что самим легче жить будет, если сюда приедет много народу.

— Народ-то это поймет, а вот тойону не докажешь. Эта хитрая лиса знает, что с приходом сюда людей хамначиты перестанут на него работать. Что же делать? Муннях так муннях!

На муннях собралось все население наслег. У юрты тойона стояло много привязанных лошадей. Сам он сидел во дворе на скамейке в своем соне и в высокой меховой шапке. На шее висела латунная цепь с медалью — символ его старшинства в наслеге. Вокруг него сидели и стояли жители Сеймчана. Бориска с Сафийкой вышли в круг, поклонились тойону и всем присутствующим.

Тойон принял важный вид и сказал:

— Ответ, нючка, держите. Зачем землю на Среднекане копаете?

— Золото искали.

— Ну и что же? Есть там золото?

— Много золота есть.

Тойон помрачнел.

— Нельзя золото искать, — сказал он. — Мы вам для охоты Среднекан отвели, а вы тайгу портите. Живите, как все живут. Скот мы вам даем. Мало — еще возьмите. Косите сено, коров доите, мясо ешьте, на охоту ходите, рыбу ловите. А землю копать грех, и мы в наших местах этого не позволяем.

— Без пользы золото лежать не должно, — ответил Бориска.

— Пользы от него нет, — сказал тойон. — Нючка придут, тайгу сожгут, зверь уйдет, нас притеснять будут. Совсем плохо будет. Зачем хочешь такое делать? Мы вам работу давали, мы вас кормили, а вы хотите нас с нашего места прогнать. Нельзя копать землю и камни искать.

Бориска тряхнул головой и полной грудью вдохнул свежий воздух.

— Неправильно ты говоришь, — сказал он тойону. — Тайга велика, и места в ней хватит всем. Мы вам жить не мешаем. Среднекан далеко от Сеймчана. Ваши покосы нам не нужны, и тайгу вашу мы не тронем. Живите своей жизнью. А я всю жизнь искал золото. Теперь мы нашли

его. Конечно, люди придут, чтобы добывать золото. Но и они вам жить не помешают. Лавки на Среднекане построят. За товаром ездить близко будет. Вам легче жить будет.

Бориска говорил взволнованно, убежденно. Глаза его с легким прищуром все больше разгорались. Люди качали головами, и разноголосый гул выдавал недоброе их настроение. Нет-нет, они не хотят, чтобы сюда приходило много людей. Трудно поверить хамначиту, что жизнь в тайге будет лучше. Сюда приходили чужие люди, чтобы отобрать у них последнее. И нючка хамначит ходил с плохим человеком. Нельзя звать сюда чужих людей. Тяжелая жизнь будет совсем невыносимой. Гул толпы нарастал, и ее враждебное настроение отчетливо ощущали стоявшие в кругу Бориска и Сафийка. Тойон был доволен.

— Мы вас не звали сюда, — сказал он. — Вы сами к нам пришли. Мы показали вам, как живут у нас люди. Если вы хотите жить среди нас, то живите нашей жизнью. А если не хотите — уходите от нас. Ваша жизнь нам не нужна, и чужих людей звать сюда мы не позволим.

— Вашей жизнью мы не жили и жить не будем. А уйти отсюда нам тоже нельзя, — твердо и громко, так, чтобы слышали все, сказал Бориска.

Тойон встал, глаза его метали искры гнева.

— Тогда, — повысил он голос, — не появляйтесь больше здесь. У нас нет для вас работы, мы не дадим вам больше пищи. Двери наших юрт теперь для вас закрыты навсегда.

Сотни голосов закричали:

— Верно, верно! Не приходите к нам! Уходите от нас!

Бориска резко повернулся и, не сказав ни слова, пошел к берегу. За ним шел Сафийка. Из возбужденной толпы якутов ему больше всех запомнился древний старик в дырявой одежде из ровдуги. Согнувшись, он притопывал пра-

вой ногой, плевался и выкрикивал проклятья, потрясая кулаком с зажатой в нем трубкой.

Когда Бари и Сафи вышли за пределы поселка, их нагнал Багылай.

— Я понял, вы ищете дорогие камни. Я буду помогать вам. Но тойон хитрый и злой — берегитесь его.

Бориска крепко пожал ему руку.

Вернувшись на Среднекан, друзья с удвоенной энергией принялись за работу. Первые ночи они спали тревожно, прислушивались, не крадется ли кто, осматривались во время работы, но эти предосторожности оказались напрасными. Никто из жителей Сеймчана в Среднекан больше не заходил и не заезжал. Только раз Багылай привез свежего мяса и сообщил, что уезжает до осени на дальний покос.

Стояла середина лета, а отвал еще оставался непромытым. Путь не только в Сеймчан, но и в другие якутские наслеги был теперь закрыт. «Берестяной телеграф» давно разнес по тайге все подробности о муннях, а власть тойонов в наслегах была сильна. Продолжать работу на Среднекане можно было только пополняя запасы продовольствия в Оле, в обмен на золото. Бари и Сафи изо всех сил старались добыть побольше золотого песка, пока не иссякли остатки прогорклой муки. Тойону было известно о том, что нючча хамначит все еще копают землю на Среднекане, и его не покидала забота о том, как избавиться от упорных искателей золота. Он позвал шамана, чтобы посоветоваться с ним.

Вскоре в большой юрте устроили камлание. Духов призывали обычно в критические моменты, когда земные средства уже не помогали. В юрте погасили огни. Шаман съел кусочек мухомора, надел одежду из ровдуги с подвешенными на тонких ремешках металлических побрякушками и взял бубен. Ему, как обычно, помогал кутуруксит.

Сначала шаман произносил невнятные слова, прыгая под редкие глухие удары бубна. Движения его становились болезненно резкими, удары участились. Он бесновался, призывая духов. Затем он делал страшное лицо и бросался в ту сторону, где был расположен Среднекан. Так он натравливал слетевшихся к нему злых духов тайги на Бориска и Сафи. Удары стали совсем частыми, шаман бесновался все больше и, наконец, обессиленный упал. Он сообщил, что духи обещали ему выгнать непрошенных гостей из тайги. Народ верил шаману.

Установилась ясная солнечная погода. Земля подсохла. Бориска и Сафи продолжали работу. Однажды по небу поплыли сизые клубы дыма от таежного пожара. Поднимаясь кверху, они превращались в серую пелену, затмевая солнце и окутывая горы. Все посерело вокруг и поблекло. Солнце тускло просвечивало красным пятном сквозь дымовую завесу и как будто таяло. В тайге запахло гарью.

Сафи потянул носом.

— Где-то близко пожар.

Бориска отбросил лоток. Горький дым обволакивал все кругом.

С вершин Среднекана шла туча с лохматыми краями. Дышать становилось все труднее.

— Берем топоры и пилу, — сказал Бориска. — Пошли посмотрим, где горит.

Пройдя вверх по долине, они увидели, как с сопки спускается сплошное облако едкого, льнущего к земле дыма, поверх которого бушевал огонь. Деревья загорались, как свечки, и горели подолгу. Пламя медленно стекало по ветвям и по коре. Зато стланик воспламенялся внезапно: в небо взлетал столб огня, который тут же угасал, чтобы через минуту вспыхнуть ярким пламенем в другом месте.

Сафийка с ужасом смотрел на огненный поток, беспо-

щадно пожирающий все живое. Было нестерпимо жарко, и жгучий дым затруднял дыхание.

— Плохо дело,— сказал Бориска.— Но надо остановить огонь.

Он быстро зашагал назад и, выбрав место с разреженными деревьями, махнул рукой.

— Вот в этом направлении нужно успеть расчистить просеку и пустить встречный пал.

Пила зазвенела по стволам лиственниц, и просвет между деревьями стал расширяться.

Пожар приближался. Перед глазами роились круги, тошнота подступала к горлу, кружилась голова, и земля на какие-то мгновенья уходила из-под ног. Но работа продолжалась, и просека делалась все длиннее и длиннее.

— Теперь давай поджигать навстречу,— скомандовал Бориска, смахивая пот с лица.

Смолистые лиственницы затрещали, и огонь от просеки побежал на соединение с фронтом пожара. На стыке огня бушующее пламя с удвоенной силой взмывало вверх и падало, уступая место клубам черного дыма.

Сбив огонь верхового пала, пришлось два дня трудиться, чтобы погасить тлеющие стволы деревьев и пней, которые могли разгореться вновь. На зеленом покрове тайги появилась большая черная заплата. Обходя пожарище, Бориска заметил красиво вышитый бисером кожаный кисет. Подняв его, он задумался.

— Где-то я видел этот кисет.

— Это кисет шамана,— ответил Сафи.

— Теперь понятно, кто устроил нам этот пожар! Вот шельма! Духи его подвели, так он сам за них работать стал.

— Не отступаются от своего. Выкурить нас хотели.

— Да. Но и мы не отступим. Пошли!

Через неделю после пожара в долине Среднекана по-

явился шаман. Он ехал верхом на сивой лошаденке в сопровождении сеймчанского якута. Золотоискатели отложили работу, но якуты, не обращая на них внимания, продолжали свой путь. Бориска окликнул их, и тогда они остановились. Оба смотрели недружелюбно, исподлобья и были явно недовольны, что поиски камней продолжаются.

После обычных приветствий шаман не захотел сообщить им никаких новостей, а только спросил:

— Зачем тайгу зажигали?

Бориска лукаво прищурился.

— Сейчас расскажу. Дай только закурить. У меня табаку нету.

Шаман достал матерчатый кисет. Бориска набил трубку, закурил и стал внимательно рассматривать кисет. Взгляд шамана был безразличным.

— Табак у тебя хороший, а кисет плохой. Раньше лучше был. Правда, хороший у него был кисет, вышитый бисером? — спросил он у спутника шамана.

— Самый красивый был,— закивал тот головой,— все говорили.

— Куда же ты его девал? — спросил Бориска у шамана.

— Дома оставил. Починить, однако, надо. Худой стал.

— Худой стал,— передразнил Бориска и, вынув из кармана расшитый бисером кисет, помахал им перед носом шамана.

— Видишь?

Быстрым движением Бориска сбросил шамана с седла, схватил за шиворот и занес над ним кулак.

— Говори, сволочь, зачем тайгу зажигал?

Шаман съежился и молчал.

Спутник шамана с ужасом смотрел на эту сцену. Бориска высоко поднял щупленькое тело шамана и с ожесточением бросил на траву. Шаман лежал, скорчившись, при-

крыв голову руками, и испуганно глядел на Бориску. Ноздри Бориски раздулись, глаза расширились. С трудом переводя дыхание, он произнес:

— Не-го-дяй! — И плюнул шаману в лицо.

Потом он подошел к его спутнику, отдал ему бисерный кисет и сказал:

— Передай тойону. Я нашел его там, где шаман поджигал тайгу. — И, обращаясь к шаману, добавил: — А ты, сволочь, запомни: мы к вам не ходим, но чтобы и у нас здесь вашей ноги не было.

Шаман со стоном поднялся, взгромоздился на лошадь, и непрошенные гости исчезли в кустах тальника.

— Видел, как обнаглел, мерзавец?!

— Дело своих рук пришел посмотреть, — ответил Сафи.

— Вот мы и показали ему. Пусть тайга правду знает. Сейчас «берестяной телеграф» застучит по всей округе.

— Теперь они сюда не придут, но и нам худо будет.

Бориска задумался:

— Да, худо будет. Продукты кончаются.

Через некоторое время тойону привезли приятную весть: нючка хамначит пришли голодные пешком на Электчан, выпросили у звенов мяса на дорогу и отправились в Олу.

Тойон ликовал. Но он не подозревал, что Бориска нес первое колымское золото и шел затем, чтобы вернуться.

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ

Золотоискатели поднялись на Яблоновый хребет и остановились возле лиственницы, увешанной пучками конских волос, выцветших ленточек и лоскутков из материи.

— Тойон сейчас радуется, что мы ушли, — сказал Сафи.

— Еще бы! — Бориска указал на тряпочки, трепетавшие на ветру, и добавил: — Тоже, поди, благодарит добрых духов. Но он спешит. Война у нас с ним только начинается.

В это время где-то совсем близко раздался истошный крик ворона. Бориска прислушался и стал шарить глазами по небу.

— Ворон даром кричать не будет, — сказал он. — Это вещая птица. Кого-то увидел, наверное, знак подает лесному зверью. Но почему он кричит, не переставая? Что-то не то.

— Да вот он, — показал рукой Сафийка.

На уровне глаз над глубоким провалом долины ворон отчаянно махал крыльями, поднимаясь вверх, и кричал. Около него увивался дербник, пытаясь на лету нанести удар клювом в голову своей жертвы. Но широкие крылья ворона мешали этому сравнительно небольшому, но опасному хищнику осуществить свои намерения. Ворон с громким криком поднимался все выше и выше, а дербник не отставал от него. Жертва и хищник поднялись очень высоко, когда неожиданно наступил конец борьбе. Ворон продолжал подниматься, а дербник, достигнув своего «потолка», беспомощно махал тонкими изогнутыми крыльями, но не мог уже лететь вверх. Расстояние между ними быстро увеличивалось. Бой проигран, и хищная птица затаянными бросками ринулась вниз, а ворон спокойно продолжал свой полет.

— Видишь, как бывает? — спросил Бориска. — Так и мы с тобой будем упорно копать землю, несмотря на козни тойонов и шаманов. Покрутятся, покрутятся они около нас и отстанут.

С перевала Яблонового хребта открывался вид на вершины гор, уходявшие вдаль. Будто огромные волны океана внезапно окаменели и чуть поросли чахлой тайгой.

Сафийку охватило странное ощущение. Он почувствовал себя маленькой песчинкой, затерявшейся среди величественных просторов каменного моря. Позади расстилалась такая же необъятная для глаза картина затаенных пространств. Бориска с заплечным мешком уже маячил внизу на тропе. Спускаясь с перевала, он шел своей твердой походкой и пел. Сафийка пошелся за ним следом.

В верховьях Олы, по неглубоким плесам и мелким протокам, шла на перест горбуша, отдельно от нее шла кета. В некоторых местах рыб было так много, что за их темными спинами не видно было дна.

Бориска проворно разделявал рыбу, а Сафийка собирал хворост и разводил костер. После сытного ужина они выбрали сухое место, нанесли мха и легли спать.

С восходом солнца продолжали путь по болотистой долине Олы. Раздвигая зеленое хвойное море, прихотливо вилась тропа.

— Дурак в тайге тропы не проложит, — сказал Бориска.

— Почему?

— А ты посмотри, как старательно она обходит осыпи, болотца, буреломы и как разумно подводит к протокам там, где их легко перебрести. Видно, что человек каждый свой шаг обдумывал. Хорошая дорога — умная дорога. По ней человек идет легко, путь кажется близким. На плохой дороге человек всегда ищет обходных путей, а когда найдет, то будет избегать ее, и она зарастет.

Они подошли к реке и остановились, любуясь ходом кеты. Чуть ниже по течению шумел небольшой перекат. Слой воды здесь был настолько тонкий, что рыба не могла плыть. Но великий жизненный инстинкт гнал ее, заставляя преодолевать все преграды на пути к нерестилищу. Подойдя к перекату, рыба выскакивала из воды, билась на камнях, упорно продвигаясь вверх, пока не достигала

плеса. Самоотверженная борьба с препятствиями изнуряла ее, и она плыла, медленно перебирая плавниками. У одних доставало сил, чтобы перескочить через следующие перекаты. У других сил уже не было, но ни одна рыба не повернула назад. Когда совершенно обессиленная рыба переворачивалась на бок, течение прибывало ее к берегу. На мелях валялась масса мертвой, быстро разлагающейся кеты.

Бориска шел впереди. Сафийка молча шагал за ним. Вечерело, когда, обогнув густые кусты стланика, тропа опять привела их к реке. На косе противоположного берега стоял медведь. Плохо вылинявшая шерсть его висела клочьями. Бориска вовремя заметил его. Приятели попились в кусты и стали наблюдать. Медведь зашел в воду, встал по течению и начал ловить рыбу. Как только к нему приплывала кета, он ловко поддевал ее когтистой лапой и выбрасывал на берег. Вскоре на косе билось около трех десятков рыб. Хозяин тайги вышел из воды, отряхнулся и, переходя от рыбы к рыбе, не спеша съедал только головы. Налакомившись, он поднялся на задние лапы, повел носом и, убедившись, что опасности нет, неуклюже побрел в гору и скрылся в кустах.

На следующий день к вечеру они вышли из гор и пересекли плоскую приморскую равнину. От моря к горам надвигалась плотная пелена тумана. Ее край клубился. Казалось, что это гигантское облако, не выдержав собственной тяжести, опустилось на землю и теперь ползет по ней.

Золотоискатели всю ночь провели у костра, сушили промокшую одежду и, как только забрезжило пасмурное утро, поспешили дальше.

Целый день шли по болоту в тумане, часто вспугивая уток, куликов и бекасов. Наконец впереди возникли дома и юрты Олы.

Прятели прошли задами и постучали в дом Ильи Тимофеевича Бабцева. Им открыла Анисья Степановна. Она и приютила их у себя.

— Как вы тут поживаете? — спросил Бориска.

— Живем по-прежнему, без всяких перемен. Американцев только больше повадилось к нам. Этим летом уже на двух пароходах приезжали. А наших пароходов пока не было.

Илья Тимофеевич вернулся с рыбалки поздно, когда уставшие путники давно уже спали.

Утром Бориска спросил его:

— С мобилизацией как?

Бабцев махнул рукой:

— Забыла Россия о нас. Не до того, видать, сейчас. Ничем не обеспечивают, и от нас ничего не требуют.

Охотский исправник присмирел. Правда, Канова они пытались призвать в армию, но отправить его было не с кем. Так и остался. Сейчас, говорят, снова на Охотском прииске работает.

Бориска отправился в лавку Соловьева. Тот встретил его как старого знакомого.

— Давненько я у вас не был, — сказал Бориска, поглядывая на румяного и располневшего лавочника. — Как торгуешь, Петрович?

— Не торговля, брат, а слезы. Американцы на хвост наступают.

Видя, что продовольствия в Оле нет, Бориска решил жить здесь до прихода парохода. Помогали Илье Тимофеевичу в рыбной ловле, чинили сети. В свободное время Бориска навещал Соловьева, подолгу вел с ним беседы о торговле, вспоминали Шпака и Розенфельда. Во время этих бесед Шафигуллин исподволь подготавливал план продажи золота. Изучал Соловьева, прикидывал, можно ли на него положиться, и делал для себя выводы.

В середине сентября бухта огласилась протяжным гудком парохода. Жители высыпали на берег. На рейде небольшой корабль с полосатым американским флагом, гремя цепями, бросал якоря.

Бориска, прихватив кисет с золотом, пошел в лавку.

— Что так рано пришел? — удивился Соловьев.

— Видишь, провизия приехала. Я без нее в тайгу не могу возвращаться.

— Приехала, так и покупай. Зачем ко мне пожаловал?

— Хочу просить тебя посредником быть.

— Это ты брось, — сказал Соловьев. — Американцы сейчас сами по домам начнут бегать. Наши деньги они не берут, а на меха любой продукт можешь выменять.

— Так-то оно так. Да ведь жулики они известные, а ты — тертый калач, тебя не проведут. Так что мне сподручнее у тебя купить и барыш тебе в карман положить.

— Как бы тебе накладно не было. Мы хоть и знакомые, а в торговле интерес прежде всего. Меньше чем по десять фунтов с пуда я с тебя за посредничество не возьму.

— Хорошо, плачу.

— Сказывай, что за товар у тебя.

— Подожди. Сначала запиши, что мне нужно.

Лавочник взял книгу и стал писать перечень и количество товара.

— Многовато хочешь. Теперь говори, что есть у тебя.

Бориска прищурился и доверительно сказал:

— Есть у меня свинья.

Соловьев удивленно посмотрел на Бориску.

— Не пойму чего-то...

— Свинья, говорю, есть, желтой шерсти... не саврасой, не гнедой, а желтой...

Лавочник открыл рот от удивления и с опаской покусился на Бориску.

— Ты что, рехнулся, что ли?

— Этакий ты бестолковый, Михаил Петрович! Сразу видно, что на приисках не был. Ставь гири на весы.— И он высыпал из кисета золото.

Соловьев всплеснул руками.

— Батюшки мои! Впервой у нас вижу! Больше двух фунтов. Ну и ну!

— Теперь считай, сколько нужно за товар.

Лавочник подсчитал стоимость товара и золота.

— Хватит фунта. Он отсыпал излишки обратно в кисет Бориски и, потирая руки, заявил:

— Будешь с товаром. Не сумлевайся!

Американцы уже рыскали по поселку, скупая пушнину. Они складывали ее в кожаные сумки и отправляли на пароход. Взамен выдавали чеки с указанием суммы, а у себя на корешках отмечали, сколько товара причитается в обмен. Переводчик обещал подобрать и привезти все на берег завтра утром.

Соловьев вышел на улицу и поманил рукой скупщика с переводчиком. Те со всех ног бросились к нему с кожными сумками и чековой книжкой. Их провели на склад, помещавшийся в задней половине лавки, и показали висевшие на стене меха. Американец умилился при виде такого разнообразия шкурок и сказал через переводчика, что берет все.

— Есть еще золото. Смотрите.

У скупщика разгорелись глаза.

— Тоже беру.

Тогда Соловьев протянул список товаров, которые он хочет получить взамен. Переводчик бегло взглянул на список и, даже не показав его скупщику, выразил согласие. Американец быстро написал стоимость товара, бросил чек на стол и, схватив со стенки черную лисицу, стал заталкивать ее в сумку. Лавочник вырвал ее у него из рук, повесил на место и сказал:

— Чеков мне не надо. Привезите по списку товар, тогда получите.

Американцы переглянулись, и переводчик начал доказывать, что сегодня это сделать невозможно.

— Привезите завтра, я не спешу.

Американцы растерялись. Соловьев, считая разговор оконченным, деликатно выпроваживал их из склада в помещение магазина. Американец ругался, размахивал руками, а переводчик пытался уговорить лавочника отдать пушнину сейчас. Они даже предложили ему поехать на пароход и подождать там утра, когда они подберут товар.

— Никуда я не поеду. Привезите по списку товар — тогда получите взамен мой.

Американец почесал в затылке, потребовал перечень товаров и с помощью переводчика стал скрупулезно изучать его. Затем переводчик объявил, что они согласны привезти половину перечисленного в списках.

— Вы же только что согласились с ценой! — возмутился Соловьев.

Скупщик начал выкручиваться и торговаться. Лавочник стоял на своем. Американцы еще раз прошли на склад, пересмотрели меха, перевешали золото, долго раздумывали, посматривали на часы и наконец сказали последнюю цену. Они соглашались дать девяносто процентов назначенной суммы.

— Ладно, — согласился лавочник, — везите!

Через четыре часа катер подтянул к берегу большой кунгас, нагруженный товарами, и Соловьев произвел расчет. Товары, тотчас перевезли на склад.

Ночью на пароходе огни были потушены, а когда рассветло, его уже не было в бухте. Обманутые жители Олы бегали по поселку, кляли свою доверчивость и жуликов американцев.

...В конце сентября почувствовалось дыхание поздней

осени. Ход рыбы кончился. Прибрежная тайга пожелтела. Туманы развеялись, и солнце как будто старалось погожими днями возместить промозглое и дождливое лето. Женщины и ребятишки тащили из леса полные лукошки брусники. На тонких ветвях стланика чернели шишки с кедровыми орехами. По кустам прыгали белки, трещали кедровки и сновали мелкие зверьки.

С гор почти беспрерывно дул ветер. Его шквалы порой достигали огромной силы. Море бурлило и пенилось гребешками высоких волн. Оно было пустынно, и только стаи чаек и бакланов, мелькавших над волнами, немного оживляли морской пейзаж. Караваны гусей и уток с криком проносились в воздухе. Вершины далеких гор уже засверкали алмазным блеском. Граница снега опускалась все ниже и ниже, окутывая склоны белой пеленой. Жители Олы ремонтировали свои домики и запасались дровами.

В середине октября землю запорошил первый снежок. На южных склонах он быстро исчезал. Настоящая зима пришла в начале ноября. Снег повалил пухлыми хлопьями, ураганный ветер подхватывал его и наметал сугробы. Пурга продолжалась по нескольку дней.

Как только установился санный путь, Бориска взял у Макара Медова упряжку собак и на нарте поехал в ближайшее стойбище эвенов на Армани. Через неделю на Олу двинулся караван оленей. Можно было возвращаться на Среднекан. Эвены, нуждавшиеся в товарах, выделили для Бориски все нарты, которыми они располагали, но все равно пришлось половину груза оставить на хранение Илье Тимофеевичу. Тот не возражал. Анистья Степановна напекла на дорогу хлеба и пожелала счастливого пути. Илья Тимофеевич взял ружье и пошел проводить караван.

— Дело вы хорошее начали. Полезное. Трудитесь и никого не бойтесь. Желаю успеха!

Олени однообразно брэнчали боталами, увозя золотоис-

кателей по знакомой дороге. Вечерами звены распускали оленей и, поставив палатки, дымили короткими трубками, обсуждали предстоящую охоту и жаловались на отсутствие чая, сахара, соли и муки. Днем олени, покачивая ветвистыми рогами, тащили груженные нарты к перевалу Яблонового хребта. Четыре нарты по дороге отстали. Это эвены повезли к себе в стойбище товары, предназначенные в расчет за перевозку грузов в Среднекан.

Миновали Элекчан, стойбище на Талых ключах и ехали по долине Мякита. Мороз усиливался. Снегу здесь было меньше. Нарты часто сворачивали на свежий, точно полированный лед, и караван пестрой змеей извивался по излучинам реки. На Буюнде пришлось объезжать стороной много незамерзших перекатов, на которых ютились чирки, свиязи и гоголи, отставшие от улетевших утиных косяков. С приближением нарт, охваченные холодным паром, утки металась в полыньях. Нырять они боялись, так как быстрое течение несло их под лед, но и улетать от еще не совсем замерзшей реки им было некуда. Здесь они видели единственное спасение среди смертоносного холода окружающих, засыпанных снегом гор и обледенелых скал. Поднимаясь в испуге, утки делали несколько кругов и в отчаянии шлепались на воду вблизи проходившего каравана.

— Зачем остались здесь? — недоумевал Сафийка. — Улетать надо. Сегодня есть вода, завтра есть, а потом все равно река замерзнет. Глупая птица: смерть за спиной у нее стоит, а она не понимает. — И он ясно представил себе, как с каждым днем уменьшается пространство незамерзшей воды и как утки, покинув оставшуюся лунку, выходят на лед и видят, что спасенья уже нет.

Вот и юрта Аммосова. Устроили отдых. Иннокентий уехал на охоту. Дома была жена с дочерью. Поначалу они очень удивились возвращению Бориски и Сафийки, так

Как давно слышали об их уходе со Среднекана в Олу. Но, увидев караван оленей с товарами, жена Аммосова решила, что они взялись за старое дело — снова стали торговать, и принесла им связку белок. Бориска дал ей муки, соли и чаю, но от белок отказался.

— Я не торгую, — объяснил он.

Через несколько дней они были на Среднекане. Но золотоискатели тщетно старались увидеть свое зимовье. Они подъехали совсем близко, но зимовья не было. Лишь разбросанные бревна указывали, что когда-то на этом месте стояло жилище.

— Ловко сработано, — воскликнул Бориска. — Понятно, чьих рук дело. Хотели и следы наши уничтожить. Здорово!

— Тойон сработал, — заметил Сафи.

— А то кто же еще! Хотел, чтобы другие не нашли этого места. Вот шайтан.

Сафийка подбежал к запорошенному снегом, неразобранному полу барака и весело закричал:

— Зимовье разобрали, а ничего не взяли. Инструмент весь цел, и даже посуду оставили.

— Якуты — народ честный. Что сказал тойон, то и сделали. А чужого они не возьмут.

Порожний караван оленей ушел назад, а по тайге во все стороны полетела весть о том, что нючка хамначит вернулись на Среднекан, привезли много-много товаров, что жене Аммосова дали муки, чаю и соли и будут опять искать камни.

Багылай, узнав эту новость, приехал в гости и три дня помогал восстанавливать зимовье. Он рассказал, что после ухода Бориски и Сафийки тойон собрал муннях и приказал разобрать зимовье.

— Сейчас тойон очень сердится. Говорит, все равно вас прогонит.

— Ну-ну! Пусть попробует. Теперь много людей знает,

где мы живем и работаем. Короткую расправу с нами учинить уже нельзя. Ответ держать будет.

Неприветливо в это время в тайге. Теплое зимовье кажется спасительным островком среди окружающей стужи. И вот оно восстановлено. Печка стала излучать тепло. Из ящичных досок сколотили стол и табуретки, а из железных обвязок ящиков сделали обручи к бочке для воды. Теперь можно было снова жить и работать.

Опять застучали кайла и лопаты, вспыхнули пожары. Вскоре потерялся счет дням, а недели угадывали по луне.

...В январе 1917 года началась выгрузка песков. Опробование показало высокое содержание золота. В начале февраля подсчитали остатки продуктов и решили, что, пополнив их оставшимся в Оле грузом, можно спокойно работать до осени. Но нужно непременно вывезти все до весны, не останавливая работу.

— Иди один, — предложил Бориска. — Дорога знакомая. Дойдешь на лыжах до Элекчана, а оттуда с эвенами или проезжими якутами доберешься до Олы. На Армани подришишь оленей и в апреле вернешься назад.

— Как один в тайге останешься? — возразил Сафи.

— Зато дело будет подвигаться. А то мы с тобой больше ездим, чем работаем.

— Что поделаешь? Путь далекий.

— Нужно разделить силы. Возьми золото, покажи в Оле, зови народ сюда. Больше людей будет — меньше времени на перевозку груза тратить будем. Один сможет обеспечить целую артель.

— А как узнаешь, если я вдруг замерзну в дороге и не вернусь назад?

— Ты же по тропе пойдешь. А по ней то охотник пройдет, то эвены проедут. Тайга быстро разносит вести. Дойдут они и до меня в случае чего.

— Неладное ты задумал. Давай месяц еще поработаем, а потом пойдем в Олу.

— Нет, я останусь здесь, а ты иди.

Сафи перестал спорить.

Надев заплечный мешок, туго набитый продовольствием, и спрятав в карман крепко зашитый мешочек с золотом, он стал на лыжи. Взять ружье он отказался, но привязал к поясу нож и топор. Друзья распрощались.

Тайга спала зимним сном. Весь день Сафи шел вверх по долине Среднекана хорошо знакомой дорогой.

Назавтра он спустился к реке Мякит.

Зимнее солнце садилось за хребтом, и длинные тени от гор бежали в долину. Подул холодный ветер. Сафийка шел и присматривал место, где были бы поблизости стланик и сухостой. Вдруг он увидел впереди какой-то черный,двигающийся предмет и остановился, приглядываясь к нему в сгущавшихся сумерках. На тропе, покачиваясь на задних лапах, стоял шатун. Так называются в тайге медведи, которые по какой-либо причине не сумели накопить осенью жиру и потому не легли в берлогу.

Сафи помнил, что встречи с шатунами, ведущими себя обычно агрессивно, очень опасны. Подойдя к высокому тополи, он попытался укрыться за ним, но медведь уже увидел его и скачками побежал к дереву. Сделав несколько прыжков, шатун останавливался, поднимался на задние лапы, приплюхивался и снова скакал вперед, высоко подбрасывая зад. Сафийка быстро сбросил сумку и полез на дерево. Когда медведь подбежал, он уже подтягивался за сук. Шатун встал на задние лапы и попытался тряхнуть дерево. Это ему не удалось: ствол был толстым и прочным. Рыкнув с досады, медведь некоторое время раздумывал. Потом, увидев на земле мешок, разорвал его и начал пожирать содержимое. По-видимому, он был очень голоден, потому что рыбу и лепешки заглатывал почти не разжевы-

вая. Разделавшись с содержимым мешка, он отошел немного от дерева, сел и, не спуская глаз с Сафи, с любопытством наклонял голову то в одну, то в другую сторону. Сафийка вспомнил рассказы эвенков о терпеливом ожидании медведя под деревом до тех пор, пока оттуда не упадет его обессиленная жертва, и сердце у него сжалось.

Наступила ночь, а медведь по-прежнему сидел под деревом. Из-за гор выплыла полная луна и осветила своим ровным бледным светом заснеженную долину. Сафи чувствовал себя усталым, но нервное напряжение отгоняло сон. Только неподвижные ноги и руки слегка ныли от холода. Он срубил сучок и бросил его на медведя. Но тот хладнокровно увернулся.

Шли томительные часы медвежьей осады. Сафи вслушивался, не загремит ли где ботало оленьей упряжки, и смотрел по сторонам. Но кругом было тихо. Взглянув на медведя, он заметил, что тот водит мордой и ерзает, сидя на снегу. Потом он встал и еще сильнее потянул носом воздух. Сафи не мог понять причины озабоченности зверя, но смотрел теперь в ту же сторону. Наконец все стало ясно: по лыжне, проложенной Сафи, бежали рысцой четыре крупных полярных волка. Завидев медведя, волки рассыпались и окружили шатуна.

Медведь поднялся на задние лапы и угрожающе зарычал. Волки готовились к схватке с ним. Один сделал короткий скачок. Как только медведь покосился в его сторону, такой же скачок сделал второй волк, потом остальные. Кольцо окружения сжималось. Короткие скачки следовали один за другим. Затем один из волков стал, подпрыгивая, крутиться перед медведем. Выбрав удобный момент, он рванулся к шатуну, но тот сильно ударил его лапой. В это время другие волки впились зубами в зад медведя. Зверь заревел, сел и начал огрызаться, вертя головой. Тогда перед его носом снова запрыгал волк, а дру-

гие, отвлекая внимание медведя, кусали его сзади. Новый резкий бросок — и волк впился зубами в горло шатуна. Сильный зверь стряхнул его и поднялся. Волк отскочил, но другие с двух сторон вспороли клыками медведю брюхо, и шатун упал.

Волчья тризна продолжалась около часа. Насытившись, звери покружились некоторое время около медвежьей туши, после чего три волка затрусили назад по своему следу, а четвертый остался сидеть около медведя. Он облизывался и еще несколько раз принимался есть.

Наблюдая за столь неожиданным исходом событий, замерзший Сафи выжидал, когда уйдет последний волк. Но тот не торопился. Тогда Сафи сломал сук, бросил его в волка и закричал. Зверь, видимо, перепугался и, поджав хвост, поскакал по следу своих товарищей. Отрубив заднюю ногу медведя, Сафи кое-как упрятал ее в разодранный мешок и стремглав побежал от этого страшного места.

Рассвет застал его, когда он отошел с десятков верст. Выбрав подходящую поляну, он разложил костер, поджарил на огне медвежье мясо, утолил голод и, прислонившись к дереву, сидя уснул. Спал он недолго. Как только солнце косыми лучами озарило долину, Сафи поднялся и отправился в путь.

Целый день он шел, оглядываясь назад, но его никто не преследовал. Подумав, он решил, что волки не пойдут за ним, пока не прикончат медведя, и успокоился. Ночью снова спал у костра, а днем шагал по долине Мякита. У устья Талого ключа ему повстречался эвен. Вместе доехали до стойбища. Предложение Сафи привезти остатки медвежьей туши никого не привлекло: у эвенов было достаточно мяса.

Попутного транспорта в Олу не предвиделось. Уставший Сафи решил передохнуть с дороги и затем идти даль-

ше на лыжах. Вечером он почувствовал озноб, а ночью метался в жару.

Утром ему стало хуже. Жар разлился по всему телу, было трудно дышать, он терял сознание и бредил. Эвены поили его горячим чаем, кормили, но больше помочь ничем не могли. Каждый заболевший в тайге человек мог рассчитывать только на себя, на запас своих жизненных сил. Две недели болезнь не хотела отступать. Затем началось медленное выздоровление. Больше месяца прожил Сафи в стойбище и только в конце марта смог выехать в Олу с эвенами, отправлявшимися на весеннюю ярмарку.

В поселок стекалось много народу, кругом царил оживление, шла бойкая торговля, люди обменивались новостями, и среди них самой волнующей была весть о свержении царя. Подробности еще не дошли сюда, но народ понимал, что произошло что-то чрезвычайно важное и теперь жизнь обязательно изменится.

Илья Тимофеевич был радостно возбужден. Стали собираться в школу, читать революционную литературу, обсуждать ее, спорить. Сафи представлял себе, как обрадуется Бориска этой вести, и торопился в обратный путь. Но до конца ярмарки подрядить оленей было невозможно. Пришлось снова ждать.

...С отъездом Сафи Бориска продолжал неустанно работать на углубке богатого шурфа. Заготавливал дрова, раскладывал на ночь пожог, а по утрам поднимал на поверхность оттаявшую породу. Время от времени он промывал ее на лотке и убеждался, что количество золота с глубиной заметно увеличивается. Иногда его зоркие глаза обнаруживали среди гальки небольшие самородки. Отвал возле шурфа постепенно увеличивался.

Тайга не устояла перед мужеством и настойчивым трудом и нехотя открывала своему покорителю богатства нетронутых недр. Дни быстро сменяли друг друга. Уже чув-

ствовалося приближение весны, а Бориска по-прежнему работал не покладая рук. Вечерами он мечтал о том времени, когда сюда придут старатели и будут добывать золото.

Светлые мечты о будущем сменялись тревогой. Время шло, а Сафи не ехал. Давно уже прошел условленный срок, запасы продовольствия таяли. Бориска стал ограничивать себя в еде, экономил муку, подмешивая в нее олений мох. Патронов у него больше не было. Зайцы в петли не попадались. В тайге было пустынно. На помощь якутов, находившихся под властью тойона и шамана, рассчитывать было нельзя. Дни проходили в тревожном ожидании, но Сафи все не было.

Однажды Бориска черпал в проруби воду и, увидя свое отражение, удивился. На него глядело сильно похудевшее и осунувшееся незнакомое лицо. И он впервые серьезно задумался о грозящей ему опасности. Бориска ясно понял, что силы его истощаются и их надолго не хватит. Он прекратил работу и погрузился в тяжелое раздумье.

Почему задержался Сафи? Конечно, в тайге с каждым может случиться беда. В том, что Сафи стремился скорее вернуться, зная бедственное положение Бориски, — сомнений не было. Что же произошло? Задержки в обратном транспорте тоже не могло быть. Сафи хотел договориться о нем еще на пути в Олу и в крайнем случае взять оленей там. Времени для этого было достаточно. Значит, причин для столь длительной задержки Сафийки не было, и все же он не ехал. Бориска терялся в догадках, хотя и знал, что его друг спешит к нему и рано или поздно приедет.

Надо было обдумать план дальнейших действий. Он тщательно учел остатки продовольствия, прикинув, что, если жить на голодном пайке и примешивать олений мох и древесную кору, их хватит только недели на две.

Весна наступила ранняя. Как раз в это время могли

вскрыться реки и зимняя дорога стала бы непроезжей. Если Сафи застрянет в пути, то ему придется не менее месяца ожидать возможности сплавиться по реке или добираться по тропе с вьючными оленями. Сплав или переход с оленями займут еще две-три недели. Таким образом, нужно продержаться два месяца. Вывод был прост и трагичен: если Сафийка не приедет, когда вскрыются реки, то голодная смерть неизбежна.

Сделав этот вывод, Бориска начал готовиться к голодовке. Он наносил полную бочку воды, натаскал в барак много мелко расколотых дров. На это ушло несколько дней. Силы его слабели, утомляемость росла, но духом Бориска не падал. Каждый день, просыпаясь и засыная, он думал об одном и том же: где Сафи?

Наконец реки вскрылись, снег начал стремительно таять, и Бориске стало совсем ясно, что он стоит на краю черной бездны, имя которой — смерть. Теперь он все реже вспоминал о Сафийке и все чаще мысли его возвращались к неизбежному концу. Делать он уже ничего не мог: самая несложная работа быстро утомляла его, тянуло ко сну. Он лежал на нарах и думал.

Смерть Бориске была не страшна: он знал, что умрет спокойно, без мучений. Но чувство одиночества угнетало. Ему очень хотелось быть похороненным, а не растерзанным после смерти дикими зверями. Бориска лежал и мучительно думал, как предать свое тело земле. Эта дума вытесняла все другие мысли. «А что если устроить в шурфе постель, перед смертью перебраться туда и там умереть?» Сафи не пройдет мимо шурфа и найдет его тело.

Последняя лепешка была съедена три дня назад, и есть больше не хотелось. Желудок как будто уснул. Бориска огромным усилием воли заставил себя спуститься в шурф и постелил на дно сена. Затем он устроил вокруг шурфа отводную канаву, чтобы его не затопило: снег сходил и

между кочек пробивались тонкие струйки воды. Почки на деревьях только-только наклюнулись.

Закончив приготовления, Бориска шел, медленно передвигая ноги. Тело казалось легким, но каждое движение давалось с трудом. Преодолев небольшое расстояние, отделявшее шурф от зимовья, он почувствовал сильное утомление, сонливость одолевала его. Он сел на пенёк, в полной мере сознавая свое бессилие. Через час, усталый и иззябший, Бориска доплелся до барака, растопил печь и, выпив кружку горячей воды, лег спать.

На следующий день его не волновал уже вопрос о смерти. Он лежал и думал о Сафийке. Силы быстро оставляли его. Каждое лишнее движение требовало неимоверного напряжения. Короткие периоды бодрствования сменялись длительными обмороками. Но Бориска превозмогал себя, подтапливал печь и грел воду. Есть по-прежнему не хотелось, и даже мысль о еде вызывала неприятное чувство. Он пил только воду и забывался во сне. Очнувшись как-то, он особенно остро почувствовал приближающийся конец.

«Переодеться бы надо», — подумал он. Кое-как он надел свою новую, расшитую рубаху, плисовые шаровары и натянул сапоги. Топить печку сил больше не было, и он лежал в ватной куртке и шапке в нетопленном бараке. Днем он почувствовал озноб.

— Пора! — сказал он, пытаясь подняться, но ослабевшее тело не слушалось его. — Врешь! — закричал он тогда слабым голосом. — Здесь ты меня не возьмешь!

Сделав рывок, Бориска стал сползать с топчана и упал на пол. Медленно перебирая руками, он пытался подняться, но дрожавшие ноги сгибались в коленях. Собирая остатки сил, Бориска пополз к двери на четвереньках, но у порога упал и потерял сознание. Очнувшись, он открыл дверь, выполз на воздух и припал сухими губами к мокрой пожухлой прошлогодней траве. Потом приподнялся, за-

крыл дверь, припер ее и снова попытался встать. С трудом ему удалось, опираясь на палку, сделать несколько десятков шагов. Он искусал до крови губы, принуждая себя идти хотя бы еще немного, но ноги отказывались повиноваться. Пришлось опуститься на землю. «Ползти, ползти», — шептал он, как приказ, но обморок снова прервал его движение к могиле.

Придя в себя, Бориска огляделся и не мог понять, почему он видит предметы как в тумане. Сознание медленно возвращалось к нему. Когда он понял, что не достиг еще своей цели, то снова собрал всю свою волю и пополз из последних сил. Вот уже рядом отвал шурфа, вот лестница. Еще несколько движений — и он на дне.

— Все! — сказал он. — Теперь бери!

Лежа на спине, он открыл глаза. Солнце погасло за хребтом, и долину окутал серый мрак. По вечернему небу плыло одинокое облачко. «Это облако», — подумал он. Потом перевел глаза на молодую березку над шурфом и подумал: — «Это береза».

Некоторое время он просто смотрел на небо, а потом закрыл глаза. Через час они открылись снова. Взгляд их был тусклым, и в остеклевших зрачках отражался тонкий луч звезды, мерцавшей на черном небе. На лице Бориски застыло недоумение. Он будто хотел спросить: что же с ним произошло? Но тайга была безмолвна и не хотела отвечать на этот вопрос. Только береза наклонила ветки и словно шептала что-то грустное, грустное...

...Сафи на оленьих упряжках возвращался из Олы, но разлив рек останавливал его. Он понимал, что судьба Бориски зависит теперь от быстроты его передвижения, но ускорить его было не в силах Сафи. В середине пути от нарт пришлось отказаться. Соорудив лабаз и оставив часть груза, люди и олени брели по колено в мокром снегу, изыскивая переходы через речки.

У Сафи теплилась надежда, что Бориска в критический момент соберет остатки пищи и уйдет из Среднекана. Но куда? По дороге Сафи его не встретил, а в Сеймчан он не пойдет. Дойдя до стойбища, эвены заявили:

— Дальше идти нельзя. У оленей все ноги избиты в кровь. Нужно ждать.

Но Сафи не мог терять времени.

— Нельзя ждать. Умрет человек. Умрет от голода.

Эвены развели руками.

— Олень совсем пропал. Куда пойдем?

Было решено, что Сафи с заплечным мешком пойдет пешком в Среднекан, а олени придут через две недели. Трудный был путь. Но Сафи каждый день продвигался вперед. Оставалось совсем немного. Вот уже перевал в долину Среднекана. Скорее! Скорее!

Вдалеке показалось зимовье. Но почему из трубы не вьется дымок? Дверь подперта. Значит, Бориски нет.

— Ушел, — мелькнула мысль. — Но куда?

Уставший Сафи поужинал и лег спать.

На следующий день он пошел посмотреть отвал и, дойдя к шурфу, обомлел. На дне его лежал мертвый Бориска.

— Не дождался! Умер! — Сафи был потрясен и плакал, как ребенок.

— Бари! Бари! Ведь говорил я, что нельзя оставаться в тайге одному!

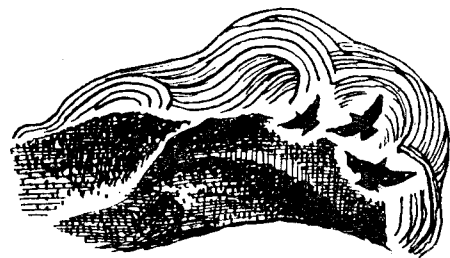
Сафи сколотил гроб и похоронил Бориску в шурфе, который тот выбрал себе могилой.

Золото, открытое Бориской на Среднекане, было очень богатое. Источник мощного золотоносного потока был найден. Золото лежало во льдах колымской земли. Теперь достаточно бросить клич по тайге, и сюда потянутся лю-

ди. Сафи понимал, что путь к несметным сокровищам может показать только он.

Сафи с утра до ночи промывал отвал и через две недели, когда пришли олени, кисет, оставленный Бориской, уже был наполнен золотым песком. Захватив его, Гайфуллин выехал в Олу.

«Скорее к охотским старателям! — думал Сафи. — Они первыми должны прийти сюда и разнести славу о золотой Колыме».

Эта простая повесть о буднях старателей-одиночек, проникавших некогда в колымскую тайгу, не заслуживала бы никакого внимания, если бы описываемые в ней события не повлекли за собой важных последствий: неслыханную по своим масштабам индустриализацию обширнейшего края в годы первых пятилеток.

Как полноводная Волга берет свое начало из маленького родничка, так и история золотой Колымы уходит своими истоками к ее первооткрывателям. И теперь, когда над освоением колымских богатств трудятся огромные коллективы людей, у каждого невольно возникает вопрос: кто же был самым первым?

Ответ на такой вопрос состоит не в том, чтобы назвать имена пионеров, хотя и это сделать часто бывает трудно. Несравненно важнее знать обстоятельства, при которых закладывалось величественное здание, сооруженное потомками тех, кто рыл траншею для фундамента.

Воссоздать страницы далекого прошлого Колымского края становится все труднее, потому что время неумолимо летит вперед и живых свидетелей открытия первого колымского золота становится меньше и меньше.

Цель автора состояла в том, чтобы рассказать о прелюдии освоения золотой Колымы со слов очевидцев. Для исторической науки

этот рассказ будет иметь не большее значение, чем свидетельские показания среди исторических документов. Для широкого круга читателей он воскресит небогатую событиями жизнь людей, имена которых нередко, но лишь вскользь упоминают в исторической и мемуарной литературе.

Я знал сподвижника и друга Бари Шафигуллина — Сафи Гайфуллина. Он жил в поселке Ола и работал сторожем на почте. Умер он глубоким стариком там же в 1940 году.

Не раз мы с ним беседовали. О себе Гайфуллин рассказывал мало, о Бориске же вспоминал охотно, сообщая много подробностей. Меня удивляло, почему никто не запишет его воспоминаний о человеке, который вместе с Шафигуллиным нашел первое колымское золото.

Это открытие не было случайным. Оно теснейшим образом связано с Ленским расстрелом, который как бы метнул «искру» в колымскую тайгу. Часть людей, добывавших золото на ленских приисках, ушла от произвола и репрессий глубже в тайгу и переключилась на поиски его в других местах. Это обстоятельство является важным для понимания событий, связанных с открытием первых месторождений золота на Крайнем Севере.

Запись рассказов Сафи и черновые наброски отдельных эпизодов из жизни Бориски пролежали у меня тридцать лет, но так и не нашлось до сих пор никого из старых колымчан, кто написал бы об этом энергичном и целеустремленном человеке. Поэтому я, геолог, проработавший много лет в колымской тайге, попытался рассказать в этой книге все, что знаю о Бориске, чьим именем названы речка и прииск на Колыме.

С Ю. Я. Розенфельдом встретились мы на Колыме при случайных обстоятельствах во время поездки по трассе. Геолог С. Д. Раковский, мой попутчик, рассказал тогда, что именно Юрий Янович еще в двадцатых годах настойчиво писал в правительственные инстанции докладные записки о «горелых» жилах на Колыме и рекомендовал организовать экспедицию для их изучения. Такая экспедиция во главе с Ю. А. Билибиным и была организована

в 1928 году. От Розенфельда услышал я любопытные подробности о его поездке с Бориской и Сафи,— историю о первом найденном самородке колымского золота.

Много интересного знал и рассказывал мне Филипп Романович Поликарпов — продолжатель дела Бориски. Он пришел в Среднекан вместе с Сафи в 1922 году — через пять лет после смерти Шафигуллина. Энергии и настойчивости этого человека мы обязаны открытием россыпи золота на реке Безымянной и организацией в 1926 году первого прииска на Среднекане.

О старых временах и правах людей этого края любил на досуге вспоминать и первооткрыватель золотого Алдана и Джугджура работавший в 1916 году на Охотском прииске Вольдемар Петрович Бертин.

Мне посчастливилось работать на Колыме вместе со многими ветеранами ее промышленного освоения.

Историей открытия первого золотого месторождения особенно интересовался один из пионеров освоения Колымы, геолог Дмитрий Владимирович Вознесенский. Он сообщил мне подробности о смерти Бориски. Дело в том, что Сафи был нелепо заподозрен в убийстве Бориски и до эксгумации трупа судебно-медицинским экспертом в 1928 году безвыездно жил в Оле. Хотя абсурдность подозрения была доказана, эта ложная версия все-таки имела хождение среди геологов.

Довелось мне в 1939 году видеть и труп Бориски, случайно вскрытый экскаватором во время горноподготовительных работ. Узнав об этом проездом в поселке Стрелка, я, свернув в Среднекан, застал у его гроба, сколоченного из грубых плах, рабочих и служащих прииска «Борискин», названного в честь Шафигуллина. Гроб был отнесен за контур россыпи и захоронен снова на склоне горы. Мне запомнилось сильно почерневшее, очень худое лицо, высокий рост, могучие плечи и большие, заскорузлые руки, руки старателя, открывшего первое колымское золото. Даже вышитая рубашка и шаровары не были тронуты тлением в вечно-мерзлой колымской земле.

За долгие годы работы в Якутии и на Колыме мне пришлось не раз пройти по маршрутам Бориски и в 1933 году сплавиться на карбасах от Витима до Якутска.

Не сразу колымская тайга раскрыла людям свои богатства. Много сил и энергии потребовалось, чтобы золото потекло нескончаемым потоком. И это героическое время прошло у меня на глазах.

После создания Магаданской области особенно много было сделано для дальнейшего быстрого развития производительных сил Северо-Востока нашей страны. Преобразование сурового края продолжается.

У золотой Колымы золотые перспективы для процветания и экономического развития. О них, конечно, не могли даже и мечтать ее первопроходцы, имена и дела которых должны сохраниться в памяти народа.

Ради этого написана книга.

СОДЕРЖАНИЕ

ТРАГЕДИЯ НА ЛЕНЕ	3
БЕГСТВО С ПРИИСКА	8
НА КАРВАСАХ	27
НОВАЯ РАБОТА	38
К СКАЗОЧНОЙ ОЙМЯКОНИ	51
КРУШЕНИЕ НАДЕЖДЫ	69
В КОЛЫМСКОЙ ТАЙГЕ	84
КАЮРЫ В ОЛЕ	104
ЗНАКИ ЗОЛОТА	116
ПЕРВЫЙ САМОРОДОК	129
К ЦЕЛИ	142
ТАЙГА ОТКРЫВАЕТ СВОИ НЕДРА	154
ПОСЛЕДНИЕ ДНИ	172
ПОСЛЕСЛОВИЕ АВТОРА	194

■

РУСАНОВ Борис Сергеевич

**ПОВЕСТЬ О БОРИСКЕ, ЕГО ДРУГЕ САФИ
И ПЕРВОМ КОЛЫМСКОМ ЗОЛОТЕ**
Из серии «Золото во льдах»

Редактор Л. Н. ЯГУНОВА.

Художественный редактор Д. Д. Власенко.

Технический редактор В. В. Плоская.

Корректор М. Л. Лисичкина.

Сдано в набор 22/II 1971 г. Подписано к печати 30.IV 1971 г. АХ—01700. Формат 70×108/32. Объем 6,25 физ. п. л., 8,75 усл. п. л., 8,72 уч.-изд. л. Тираж 15 000. Цена 28 коп. Заказ 1637. Бум. тип. № 1.

Магаданское книжное издательство, г. Магадан, ул. Пролетарская, 15. Магаданская областная типография Управления по печати, г. Магадан, пл. Горького, 9.

Русанов Б. С.

Р 88 Повесть о Бориске, его друге Сафи и первом ко-
лымском золоте. Магадан, Кн. изд., 1974.

198 с. (Золото во льдах).

7—3—2

19—71М

Р 2